

ВІСНИК

ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

№ 22 (233) Листопад

2011

2011 листопад № 22 (233)

ВІСНИК

ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

Заснований у лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію: серія КВ № 14441-3412 ПР,
видане Міністерством юстиції України 14.08.2008 р.

Збірник наукових праць внесено
до переліку наукових фахових видань України
(філологічні науки)
Постанова президії ВАК України від 18.11.09 № 1-05/5

Рекомендовано до друку на засіданні Вченої ради
Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(протокол № 4 від 25 листопада 2011 р.)

Виходить двічі на місяць

Засновник і видавець –
Луганський національний університет імені Тараса Шевченка

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор – доктор педагогічних наук, професор Курило В. С.

Заступники головного редактора –

доктор педагогічних наук, професор Савченко С. В.

Випускаючі редактори –

доктор історичних наук, професор Бур'ян М. С.,

доктор медичних наук, професор Виноградов О. А.,

доктор філологічних наук, професор Галич О. А.,

доктор педагогічних наук, професор Горошкіна О. М.,

доктор сільськогосподарських наук, професор Конопля М. І.,

доктор філологічних наук, професор Синельникова Л. М.,

доктор педагогічних наук, професор Харченко С. Я.

Редакційна колегія серії “Філологічні науки”:

доктор філологічних наук, професор Єрмоленко С. Я.,

доктор філологічних наук, професор Загнітко А. П.,

доктор філологічних наук, професор Коваль В. І.,

доктор філологічних наук, доцент Лисиченко Л. А.,

доктор філологічних наук, професор Мокієнко В. М.,

доктор філологічних наук, професор Синельникова Л. М.,

доктор філологічних наук, професор Глуховцева К. Д.,

кандидат філологічних наук, доцент Леснова В. В.

РЕДАКЦІЙНІ ВИМОГИ

до технічного оформлення статей

Редколегія “Вісника” приймає статті обсягом 4 – 5 сторінок через 1 інтервал, повністю підготовлених до друку. Статті подаються надрукованими на папері в одному примірнику з додатком диска. Набір тексту здійснюється у форматі Microsoft Word (*.doc, *.rtf) шрифтом № 12 (Times New Roman) на папері формату А-4; усі поля (верхнє, нижнє, правє й лівє) — 3,8 см; верхній колонтитул — 1,25 см, нижній — 3,2 см.

У верхньому колонтитулі зазначається: Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка № ** (***) , 2011.

Інформація про УДК розташовується у верхньому лівому кутку без відступів (шрифт нежирний). Ініціали і прізвище автора вказуються в лівому верхньому кутку (через рядок від УДК) з відступом 1,5 см (відступ першого рядка), шрифт жирний. Назва статті друкується через рядок великими літерами (шрифт жирний).

Зміст статті викладається за планом: постановка проблеми в загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями; аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано розв'язання цієї проблеми та на які спирається автор; виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, яким присвячується ця стаття; формулювання цілей статті (постановка завдання); виклад основного матеріалу дослідження з певним обґрунтуванням отриманих наукових результатів; висновки з цього дослідження й перспективи подальших розвідок у цьому напрямку. Усі перелічені елементи повинні бути стилістично представлені в тексті, але графічно виділяти їх не треба.

Посилання на цитовані джерела подаються в квадратних дужках після цитати. Перша цифра — номер джерела в списку літератури, який додається до статті, друга — номер сторінки, наприклад: [1, с. 21] або [1, с. 21; 2, с. 13–14]. Бібліографія і при необхідності примітки подаються в кінці статті після слова “Література” або після слів “Література і примітки” (без двокрапки) у порядку цитування й оформляються відповідно до загальноприйнятих бібліографічних вимог. Бібліографічні джерела подаються підряд, без відокремлення абзацем; ім'я автора праці (або перше слово її назви) виділяється жирним шрифтом.

Статтю закінчують 3 анотації обсягом 3 – 4 рядків українською, російською та англійською мовами із зазначенням прізвища, ім'я та по-батькові автора, назви статті та ключовими словами (3 – 5 термінів).

Стаття повинна супроводжуватися рецензією провідного фахівця (доктора, професора).

На окремому аркуші подається довідка про автора (прізвище, ім'я, по батькові; місце роботи, посада, звання, учений ступінь; адреса навчального закладу, кафедри; домашня адреса; номери телефонів (службовий, домашній, мобільний).

КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЗМІСТ

Синельникова Л. Н. О содержании этого выпуска.....	6
--	---

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

1. Синельникова Л. Н. Риторическая коммуникация в системе учебно-воспитательного процесса	8
2. Джинджолия Г. П. Отношения между эмпирическим и ментальным уровнями публицистического дискурса	16
3. Соболева И. А. Современная языковая личность в пространстве дискурса.....	20
4. Розсоха В. А. Тексточентричность в сфере современных коммуникативных технологий: текстографика и QR-кодирование.....	26
5. Масленников И. С. Речевые акты позитивной и негативной реакции как имманентные составляющие обратной связи.....	36
6. Молодыченко А. В. Сильные позиции начала и конца текста как способ языкового воздействия на адресата	42
7. Грищенко Е. В. Ментальность: лингвокультурные проявления.....	47
8. Розсоха А. В. Мена субъектных сфер в ироническом дискурсе Аркадия Аверченко.....	54
9. Унукович Е. А. Листовка как сжатый политический текст....	62
10. Чжоу Хунвей. Образные употребления слов <i>сердце</i> и <i>душа</i> в русской поэзии XIX – XX веков.....	69

НАШИ ГОСТИ

11. Червинский П. П. Приемы и способы социальной оценочности в современном публицистическом тексте (Польша, Силезский университет).....	73
12. Бахмач В. И. Особенности стихопесен Ю. И. Визбора (Луганск, ЛНУ, кафедра всемирной литературы).....	79
13. Верник О. А. Н. С. Гумилёв и К. Д. Бальмонт: творческие связи (Луганск, ЛНУ, кафедра всемирной литературы).....	87
14. Мацько Д. С. Особливості представлення медіатеми «Футбол» у спортивному дискурсі сучасних ЗМІ (Луганськ, ЛНУ, кафедра практики мовлення).....	92

НОВАЦИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

15. Соболева И. А. Программа курса «Лингвокультурология» для студентов, изучающих русский язык как иностранный...	98
---	----

16. **Минаева Э. В., Пономарева Т. А.** Лингвоконцептологический подход при обучении русскому языку как иностранному..... 105
17. **Ковалёв В. И.** Компьютер в обучении русскому языку: основные направления методических поисков..... 110

ЮБИЛЕИ

18. **К юбилею Л. Н. Синельниковой**, профессора Луганского национального университета имени Тараса Шевченко..... 121
19. Информация о персональном Интернет-сайте профессора Синельниковой Лары Николаевны..... 126

РЕЦЕНЗИИ

20. **Синельникова Л. Н.** Пётр Червинский. Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации. (Тернополь: Крок, 2010)..... 129
21. **Джинджолия Г. П.** Розсоха В. А. Десять первых шагов: задания для самостоятельной работы студентов-иностранцев, изучающих русский язык (Луганск, 2011)..... 135

ХРОНИКА

22. X Международная научная конференция «Научное пространство дискурсологии: ретроспективно-перспективное измерение» (Луганск, 19 – 21 мая 2011)..... 137
23. Областная научно-практическая конференция для учителей русского языка «Формы и способы внедрения исследовательской деятельности учащихся в учебный процесс» (Луганск, 14 февраля 2011 г.)..... 141
24. Путешествие на «ПЛАНЕТУ ТОЛЕРАНТНОСТИ»..... 143
25. Информация о презентации кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий..... 144
- Відомості про авторів**..... 145

О СОДЕРЖАНИИ ЭТОГО ВЫПУСКА

В течение нескольких лет кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий сохраняет название тематического Вестника — «Коммуникация в современном мире». Столь объёмная номинация, с одной стороны, дань самому феномену коммуникации, с другой — широта этого понятия даёт возможность привлекать исследователей с разными интересами. Коммуникация — доминирующий по значимости социокультурный и лингвокультурный феномен. Описание видов и типов коммуникаций выводит исследователя на глубинное понимание человеческой природы вообще и каждого человека как участника коммуникации, то есть, по сути, на социально-гуманитарное познание сущности бытия.

Представленные в этом выпуске статьи можно классифицировать по разным критериям: по направленности на теорию или на рассмотрение прикладных вопросов; по мере учёта канала коммуникации (пресса, интернет, художественная литература); по параметру времени (что было, что есть и как следы прошлого участвуют в описании настоящего) и др. Важно при этом, что в комплексе публикуемые статьи подтверждают факт расширения социальных функций языка, проявленного в психологических характеристиках коммуникативных актов (изменения ментального характера, эпистемологического ключа общения), в обновлении риторического арсенала средств, в институализации актуальных для общества сфер деятельности (политическая, маркетинговая коммуникация), в формировании образовательных коммуникативных технологий.

Рубрикация материалов даёт возможность 1) получить информацию о направлениях научных исследований преподавателей кафедры (рубрика «Кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий»); 2) расширить пространство научных контактов (рубрика «Наши гости»); 3) зафиксировать этапы инновационных учебных действий преподавателей (рубрика «Новации в учебном процессе»); 4) сориентировать на «круг чтения» (рубрика «Рецензии»); 5) довести до сведения общественности информацию о наиболее значимых для имиджа кафедры событиях (рубрика «Хроника»).

Есть основания в качестве объединяющей едва ли не всех авторов методологии считать дискурсологический подход: анализируются коммуникативные регистры субъектов речи, свидетельствующие об их социально-культурном статусе (И. А. Соболева, А. В. Молодыченко, Д. С. Мацько), устанавливаются связи между интерактивной и перцептивной сторонами общения (И. С. Масленников), выявляется эпистемологический код — условия производства знаний и их презентация (Г. П. Джинджолия, В. А. Розсоха, Е. В. Грищенко), выявляются рецептивные связи в художественных текстах, особенности образного употребления слов, описываются

синтетические жанровые образования, формы организации нарратива на основе косвенных высказываний (О. А. Верник, Чжоу Хунвей, В. И. Бахмач, А. В. Розсоха). Рекомендации по организации оптимального коммуникативного поведения основываются на понимании специфики современного коммуникационного пространства и общества (Л. Н. Синельникова, В. И. Ковалёв).

Обратим внимание на активность преподавателей кафедры в рассмотрении проблем, связанных с изучением русского языка как иностранного (РКИ). Лингвоконцептологический подход обозначен в современной дидактике как значимый путь для усвоения особенностей другой культуры. В статье Э. В. Минаевой и Т. А. Пономарёвой описана модель пособия для иностранных студентов, ориентированного на формирование знаний о русской концептосфере и возможности использования такого рода знаний в коммуникативной практике.

Банк новых информационных технологий пополняется с невиданной быстротой. Текстографика, qr-кодирование — особые форматы передачи информации без ограничения объёма и способов получения. В статье В. А. Розсохи эти новейшие способы анализируются в лингвопрагматическом аспекте — особенности связи с адресатом в режиме быстрого и оптимального информирования.

Мы благодарны профессору Силезского университета (Польша) П. П. Червинскому за возможность познакомиться с его книгой «Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации» (см. рубрику «Рецензии»).

Профессор Л. Н. Синельникова

**КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

УДК 373.016:808.5

Л. Н. Синельникова

**РИТОРИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В СИСТЕМЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА¹**

*Есть два вида искусства,
которые могут поставить человека
на самую высокую ступень почёта:
одно — искусство полководца,
другое — искусство хорошего
оратора.*

Цицерон

Опыт человечества показывает, что процветание общества зависит от уровня экономического развития, действующих и привычно воспринимаемых демократических свобод, социальной защищённости граждан, их образованности и культуры. В свою очередь, образованность и культура в немалой степени определяются отношением к слову, мерой ответственности человека за собственные речевые поступки.

Востребованность риторики, риторических знаний объяснима естественным вниманием к речевой культуре, культуре общения как в публичной сфере, так и в межличностных отношениях. Особенно в том случае, если очевидно падение такого рода культуры. Через риторику может быть проложен путь к совершенствованию личности через внимание к слову, к традициям публичного красноречия и уважительного отношения к самому акту говорения.

Античные риторы источниками красноречия считали природные данные, профессиональную выучку и потребности общества. Приобретение учащимися знаний риторического характера тесно связано с *профессиональной выучкой* самого учителя. Современный учитель оказывается в непростой ситуации: теряются многие традиции, в том числе традиции коммуникативной культуры, формируются новые правила общения, культивируемые в новых условиях жизни. Мир коммуникационно становится другим. В новых жизненных (социальных, культурных) условиях не может не меняться объём и содержание профессиограммы учителя. Достаточно посмотреть на обсуждаемый в научно-методической литературе последних лет перечень компетенций, вбирающих широкий круг важных для образовательного успеха тем и

проблем, в которых учитель должен быть осведомлён, должен быть носителем соответствующих знаний и опыта, в том числе методического: *языковая компетенция* (знания об устройстве языка, владение его нормами), *лингвистическая* (знания о самой науке, ведущих учёных, о существенных характеристиках языка, его уровнях и интегративных отношениях между ними), *текстовая* (комплекс знаний о тексте как форме и средстве коммуникации, знание законов текстопорождения и правил интерпретации), *социолингвистическая* (активность процессов социальной дифференциации языковых средств), *социокультурная* (учёт специфики общения и речевого поведения в разных сегментах общества), *межкультурная* (внимание к формам и результатам приобщения к другим культурам), *переводческая*, *инновационная* и др. В связи с обсуждаемой темой выделю *речевую компетенцию* (владение разными видами речевой деятельности на базе основных понятий и категорий лингвистики), *коммуникативную* (знание особенностей устной и письменной речи, умение пользоваться этими знаниями в разных ситуациях общения, учитывая «фактор адресата») и *лингвориторическую* как органическую часть речевой и коммуникативной, основывающуюся на богатейшей общечеловеческой и национальной риторической культуре, существенные признаки которой не должны быть потеряны в современном коммуникационном пространстве [1]. Сама жизнь определяет набор компетенций и, соответственно, предоставляет учителю «точки роста» для внедрения в учебный процесс новой информации и новых методик обучения языку. Лингводидактика как фундаментальная часть теории обучения языку не может не включать в число своих установок рекомендации, связанные с формированием риторической компетентности через внимание к убеждающему, высокоинформативному и эмоционально выразительному говорению — устному и письменному.

Представление о человеке складывается из четырёх основных контактных презентаций: что мы делаем, как мы выглядим, что мы говорим и как мы говорим. «Что мы говорим и как мы говорим» — эта информация имеет отношение к определению уровня коммуникативной культуры человека. Риторический параметр коммуникативной культуры основывается на признаках *убеждающей речи* и на умении использовать риторические правила и приёмы для организации успешной (эффективной) коммуникации. В разнообразии дефиниций тем или иным образом отражаются этапы развития риторики и динамика отношения к ней со стороны общества. В современных определениях риторики присутствуют понятия «убеждение», «воздействие», «эффективность», «целесообразность», «гармонизация», свидетельствующие прежде всего о том, что риторика обращена не только к говорящему, но и к слушающему: слова *убеждать*, *воздействовать*, *гармонизировать* предполагают присутствие *другого* в риторическом диалоге, будь это по

формальному признаку устный монолог или персонифицированный письменный текст.

Основанное на античных концепциях определение риторики не потеряло своей значимости: *Риторика — наука о способах убеждения, разнообразных формах преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемого с учётом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта* [2, с. 10]. Возникнув на заре человеческой культуры, риторика утвердила правила говорения и общения, которые ориентируют на внимательное, бережное и ответственное отношение к слову. В классических трудах по риторике обращалось особое внимание на соотнесённость слова и в целом речи с нравственными понятиями и категориями — правдивостью, естественностью, искренностью, равнодушием, добротой, тактом, свободой и демократичностью. Ни о какой исторической завершённости риторики не может быть речи, если осознана важность такого рода ценностей для воспитания молодого поколения страны.

Риторическое знание в его конкретных проявлениях не остаётся неизменным. **Неориторика** постепенно оформляется как дисциплина широкого диапазона, ориентированная на межличностную и публичную коммуникацию в новых социальных условиях. Для риторики открылся ряд новых возможностей — прежде всего через расширение контекста интерпретаций с привлечением данных лингвистической прагматики, психолингвистики, теории речевой деятельности, коммуникативистики, этнолингвистики, гендерологии и ряда других дисциплин, акцентирующих внимание к говорящему человеку с учётом всей широты мотивационных действий: условий общения, характера адресата, канала коммуникации и т.д. Хотя полный свод проблем неориторики ещё не создан, но уже ясно, что риторизация учебного процесса не может ограничиваться изучением классической теории красноречия. Задача шире — знакомство и внедрение в жизненную практику оптимальных (наилучших, ведущих к успеху) вариантов общения в условиях изменяющейся социальной реальности. Неориторические знания основываются на традициях мировой и национальной риторики, и неориторика остаётся наукой об убеждающей коммуникации [3].

Презентационные резервы риторики неисчерпаемы. Риторическая компетентность — это постоянное подтверждение отдельности, индивидуальности говорящего человека. Отсюда связь риторики с феноменом языковой личности. Понятие «языковая личность» имеет риторическое наполнение: предполагается полнота владения языком, его речевыми манифестациями (стилями и речевыми жанрами), письменными и устными формами речи, знание риторических приёмов и умение ими пользоваться. Учитель, осознавший необходимость риторизации учебного процесса, должен быть *сильной языковой личностью*. Сильная языковая личность — это личность, способная на речемыслительное творчество, имеющая развитое языковое

сознание, проявляющая стилистическую гибкость, риторические способности в организации общения и риторическую чувствительность. Сильная языковая личность ориентирована на интеллектуальные находки, эмоциональную активность по отношению к языковым возможностям организации общения. В публичной коммуникации такая личность старается создать психологический комфорт, так как умеет быть как хорошим адресантом, так и внимательным и толерантным адресатом. Сильная языковая личность способна эффективно осуществлять все социально значимые виды речевой коммуникации. Таким образом, можно считать, что уровень речевого развития человека в значительной мере определяется уровнем риторических знаний и умений.

Риторизация учебного процесса должна основываться на системном риторическом мышлении, для реализации которого, на наш взгляд, необходимо выполнение ряда условий и действий лингвоментального и лингводидактического характера:

1. Создание общего для учителя и учеников интеллектуально-речевого и эмоционально окрашенного пространства, чему в немалой степени способствует умение учителя делать явным для учеников процесс размышления о предмете речи через показ возможностей вербализации мысли, её вариативного оформления с использованием стилистических (выразительных) возможностей языка и риторических приёмов разного назначения. Формирование речевой индивидуальности ученика требует подтверждения значимости этого качества со стороны учителя, не устающего заинтересовывать, удивлять удачным примером, убедительным аргументом (риторика и аргументация — прямо соотносимые понятия), умением поддерживать регистр оправданной эмоциональности (равнодушие противопоказано риторике). Желательно, чтобы учитель как можно чаще говорил: «Мне интересно наблюдать за жизнью слова...», «Меня удивила композиция произведения...», «Я прочитал этот текст и обратил внимание на...» и под. Такого рода дискурсивные вводы (здесь *дискурс* — событие речи, обращённой к определённом адресату, организованное с учётом интенций говорящего) подчёркивают индивидуальность личности учителя, его внимание к языку в действии. Всё это учит быть внимательным к слову, к его текстовой реализации, развивает языковое чутьё и любовь к родному языку. Не случайно существование метафоры «Риторика — территория любви». Педагогическая рефлексия [4] необходима для формирования риторической культуры: она учит думать, достойно говорить, менять представления о мироустройстве и важности налаживания отношений с другими людьми с помощью разумного и убеждающего слова.

2. Значима установка на педагогическую преемственность и общую для всех учителей корпоративную этику — «заряжённость» педагогического коллектива на соблюдение норм языка, речи, этикета и в

целом на умный и доброжелательный тип общения как друг с другом, так и с учениками.

3. Риторизация учебного процесса — это преодоление «раздельного» обучения: отдельно уровневая структура языка (фонетика, лексика, грамматика) и на нескольких уроках сосредоточенность (в пределах отведённого времени) на стилистике и риторике. Языкознание становится всё более суммарным, о чём свидетельствует появление дисциплин, синтезирующих ранее разделяемые знания — дискурсология, лингвокультурология, этнопсихолингвистика, соционика и др. В риторике природно заложена нераздельность языковых знаний, речевых норм (и даже возможностей их мотивированного нарушения), обусловленность общения психотипом человека, принадлежащего определённой культуре и усвоившего характерные для неё нормы общения (межличностного и публичного). Филологический сегмент учебного процесса есть все основания синтезировать на основе если не конвергенции (*конвергентная зона* здесь — союз и взаимная поддержка речеведческих дисциплин, в традиционной методике — межпредметные связи), то органичного объединения риторики и стилистики, риторики и культуры речи, риторики и лингвистики текста — дисциплин, каждая из которых имеет риторическую выраженность и риторический потенциал.

Риторика, как и стилистика, интересуется формами речи — устной и письменной (заметьте, что первостепенное внимание теория красноречия всегда уделяла устному, «живому» контакту, в современной методике с этим сопоставима номинация «интерактивные формы обучения»), книжностью и разговорностью (в риторике книжность — это образованность, аргументативная активность, литературоцентричность, интертекстуальность в виде цитат, аллюзий, реминисценций).

Культура речи нацеливает на нормативное употребление языковых форм. Грамотная речь входит в пространство деонтической нормы ратора (деонтические нормы — предписания этического характера), но у него есть особое право коммуникативной целесообразности, которое даёт возможность нарушения языковой нормы в угоду повышения эмоционального и экспрессивного тона общения с адресатом определённого типа. Такие качества хорошей речи, как точность, логичность, чистота, богатство, выразительность, ясность, красота, уместность, описание которых лежит в основе «Культуры речи», традиционно считаются признаками красноречия. Но риторическая эффективность (эффект воздействия, рассчитанный на определённого адресата) этих качеств проявляется в условиях конкретной коммуникации и в немалой степени зависит от поставленных говорящим целей: **что — кому — зачем — как**. Отношение к отрицательному социальному опыту (неумеренная жаргонизация публичной речи, снятие жёсткого табу с ненормативных языковых средств) в неориторике несколько иное, чем в ортодоксальной кодификации нормы: добавляется параметр выбора, объясняемый коммуникативной целесообразностью —

фактором, расширяющим возможности языковой личности воздействовать на адресата через приближение к его тезаурусу, а также возможности поиска новых средств выразительности.

Риторические знания — это знания, которые касаются правильного употребления языковых ресурсов с учётом условий общения (в этом параметре заложена связь риторики с культурой речи и стилистикой), умения логично и выразительно излагать и развивать мысли (связь риторики с синтаксисом, типами повествования, правилами текстопорождения, композицией текста), воспитания речевой активности (участие в учебных диалогах, ролевых играх и других формах интерактивности, презентация исследовательской работы).

4. Риторизация учебного процесса — это постоянное внимание учителя к риторическому тексту. Риторический текст обладает теми же признаками и категориями, что и любой другой: связностью, цельностью, целостностью, информативностью, интегративностью, эмотивностью и др. Но доминирующая когнитивная установка — влиять и убеждать добавляет ряд особых характеристик риторического текста, призванного «увлечь душу словами» (Сократ) [5]. Интерпретация текста с риторической точки зрения — это внимание 1) к его строению, композиции как организации «царствующей мысли» (Сперанский), 2) к актуализации вербального плана текста — «риторичности» лексического и грамматического уровней, выражающейся в применении тропов, риторических фигур, но с обязательным учётом того, что языковые единицы имеют текстовую природу, то есть не изолированы от целого, 3) к диалогизированным формам речи, к приёмам, порождающим диалогичность (аргументация, гетерономинативность — множественные номинации одной и той же реалии, различные формы диалогических контактов между культурными кодами и их носителями). В основе речеведческих дисциплин лежит обучение текстопорождению и текстовосприятию. Методика, ориентированная на работу с текстом, интегрирует лексику, грамматику, стилистику, психологию речи и в такой интеграции формирует риторическую компетенцию.

5. Культивирование на уроках различных форм диалогичности — способ привития ученикам риторических навыков дискутирования и дебатирования. В диалоге учащиеся учатся отстаивать своё мнение через убеждающие аргументы, избегать некорректного и агрессивного поведения. Диалогичность учебного процесса формирует потребность в активной коммуникативной деятельности, в условиях которой вопросно-ответный режим обучения приобретает признаки риторического диалога как ответственного когнитивно-речевого соучастия, способствующего прочному усвоению знаний.

6. Учитель должен ориентироваться на разумное сочетание двух видов речевой деятельности — устной и письменной. В устной речи риторическую ценность имеет интонация, умение использовать

смысловые резервы логического ударения, разного темпа речи, её благозвучие, жесты, мимику и под.

7. Пониманию риторики как науки о нравственных ценностях, усвоение которых способствует воспитанию личности как носителя таких ценностей, может помочь лингвоконцептология — область современного знания, представляющая культуру народа через культурные концепты: любовь, дружба, совесть, правда, чистота, долг, свои и чужие, родина, родная земля, патриотизм, толерантность и др. [6]. Такого рода слова-концепты могут быть предметом разнообразных речевых действий — от сочинения-эссе до дискуссий. Естественной в этом случае выглядит установка на применение риторических приёмов, связанных с познанием предмета речи, с эвристическими ходами мысли: метафоры, сравнения, аналогии и многих других.

Риторика нуждается в инновационных формах представления информации. Ученики 21 века имеют другой сенсорный опыт, по большей части визуальный, уменьшающий стремление к активному слушанию. О риторике желательно говорить, используя мультимедийный формат, позволяющий объединять текстовую информацию, видеосюжеты, звук, анимацию и т.д. Диалогичность как основа формирования риторических знаний требует со-мышления, обеспечиваемого синтезом информации: аудиальный канал — что слышат, визуальный — что видят, цифровой — какие мыслительные процессы и рефлексивные реакции возникают.

Воспитание мыслящего и хорошо говорящего человека — одна из основных образовательных и воспитательных задач. Риторика имеет множество резервов для выполнения этой задачи. П. Таранов, понимая риторику как специальное коммуникативное действие, представил эту науку в виде оригинальной формулы: $P = (Kp.p. + \Phi + И)$, умноженное на М, где Р — риторика, Кр.р. — красота речи, Ф — философия, И — интригология, М — мудрость [7, с. 214]. В этой формуле, как представляется, заложена установка на системность в обучении риторике, то есть целостное видение предмета изучения. Есть все основания включить риторику в число «избранных» наук — так, как это было в лучшие для риторики времена.

Литература и примечания

- 1. Синельникова Л. М.** Комплекс професійних компетенцій у проєкції на особистість філолога ХХІ століття / Л. М. Синельникова // Освіта Донбасу. — Луганськ, 2011. — № 1 (144). — С. 109—117.
- 2. Авеличев А. К.** Возвращение риторики // Ж. Дюбуа, Ф. Мэнге и др. Общая риторика / [общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева] / А. К. Авеличев. — М. : Прогресс, 1986. — 392 с.
- 3. Синельникова Л. Н.** Неориторика в контексте знаний об обществе и языке // Жизнь текста, или Текст жизни : избр. работы : в 3 т. / Л. Н. Синельникова. — Луганск,

2005. — Т. 3. — С. 152—161. **4. Бизяева А. А.** Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия : монография / А. А. Бизяева. — Псков : Изд-во ПГПИ, 2004. — 216 с. **5. Гиндин С. И.** Что знала риторика об устройстве текста / С. И. Гиндин // Риторика : специализированный проблемный журнал. — М. : Лабиринт, 1995. — № 2. — С. 120—131. **6. Мишати́на Н. Л.** Диалог с культурными концептами в 5-11 классах (русский язык, литература, развитие речи) : учеб.-метод. пособ. / Н. Л. Мишати́на. — СПб. : Сага, 2004. — 256 с. **7. Таранов П. С.** Искусство риторики: Универсальное пособие для умения говорить красиво и убедительно / П. С. Таранов. — Симферополь, 2001. — 576 с.

¹ Статья ориентирована на содержание выступления автора на Всеукраинском научно-методическом семинаре для методистов русского языка и литературы областных институтов последипломного педагогического образования (21-24 сентября 2011 года, г. Севастополь).

Синельникова Л. М. Риторична комунікація у системі навчально-виховного процесу.

У статті приділено велику увагу необхідності систематичної праці викладача з формування лінгвориторичної компетентності як основи комунікативної культури особистості.

Ключові слова: риторика, неориторика, лінгвориторична компетенція, педагогічна рефлексія, сильна мовна особистість.

Синельникова Л. Н. Риторическая коммуникация в системе учебно-воспитательного процесса.

В статье обращено внимание на необходимость систематической работы преподавателя по формированию лингвориторической компетентности как основы коммуникативной культуры личности.

Ключевые слова: риторика, неориторика, лингвориторическая компетенция, педагогическая рефлексия, сильная языковая личность.

Sinelnikova L. N. Rhetorical communication in the system of educational process.

The article focuses attention on the necessity of systematic teacher's work at formation of linguistic-rhetorical competence as a basis of communicative culture of a person.

Key words: rhetoric, neorhetoric, linguistic-rhetorical competence, pedagogical reflection, strong linguistic personality.

УДК 811.161.1:42

Г. П. Джинджолия

**ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЭМПИРИЧЕСКИМ
И МЕНТАЛЬНЫМ УРОВНЯМИ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Важной чертой содержательной структуры текста является корреляция между фактуальным и концептуальным уровнями [1], сенсорно-эмпирическим и ментальным сегментами [2]. Сенсорно-эмпирический сегмент — «присутствующий в физическом мире (видимый, осязаемый), ментальный — отражающий мыслительную деятельность» [2, с. 16—17]. По мнению Л.Н. Синельниковой, в условиях интеграции этих сегментов проявляются различные когнитивные операции — процессы восприятия, осмысления и ментальной трансформации мира [2].

Сенсорно-эмпирический сегмент «отражает основной путь человеческого познания: новые знания, ощущения рождаются в определенных жизненных ситуациях как результат наблюдения и восприятия наблюдаемого» [2, с. 16].

Ментальный сегмент представляет собой комплекс субъективных смыслов. Каждый уровень ментального сегмента располагает своим репертуаром субъективных смыслов и набором средств их формального выражения.

Наша цель — выявить характер отношений между сенсорно-эмпирическим и ментальным сегментами в публицистическом дискурсе.

Сенсорно-эмпирический и ментальный сегменты связаны реляционными и корреляционными отношениями. Реляционная модель отношений воплощает линейное развертывание вербального взаимодействия сегментов. Корреляционный аспект состоит в установлении отраженных в языковой организации отношений между разными типами сегментов.

Ментальный сегмент не может быть охарактеризован без обращения к понятиям *автор, адресат, текст, действительность*. Здесь проявляется дифференцированное отношение автора к другим феноменам информационной деятельности (адресат, текст, действительность). В состав этого сегмента входят следующие взаимосвязанные уровни: метаязыковой, содержащий отношение *автор-текст*; субъективный личностный, обусловленный отношением *автор-действительность*; межличностный, в котором находит выражение взаимодействие автора и адресата публицистического дискурса.

Метаязыковой уровень ментального сегмента включает субъективные смыслы, характеризующие 1) употребление слов и выражений (отбор языковых средств); 2) систему целей, мотивов и

установок; 3) условия общения, взаимодействие участников коммуникации, их привычки, языковой вкус; 4) постулаты речевого общения: а) информативности (достаточной / недостаточной), б) ясности, краткости, в) связности, г) истинности или искренности; 5) соблюдение этических норм (вежливость, внимательность, тактичность, доброжелательность, выдержанность).

Субъективный смысл «отбор языковых средств» имеет следующие взаимосвязанные аспекты: функциональный, семантический, стилистический, личностный (индивидуально-авторский), этический и др.

Основное назначение рефлексивов — авторская самооценка (рациональная, эмоциональная) и комментарий собственной речевой деятельности с точки зрения соответствия нормам и регулятивам речевого общения. Предназначенность рефлексивов обуславливает их аксиологическую природу и эпистемический характер [3].

Семантический аспект проявляется в рефлексивах, которые объясняют значение слова (оно может быть неизвестно адресату). Операторами здесь могут выступать слова *именно, а именно, то есть, или* (в значении «то есть»). Семантический аспект рефлексивов могут выражать также операторы в *прямом смысле, в переносном смысле*.

Стилистический аспект состоит в соотношении в рефлексиве стилистически нейтрального и маркированного средства (сниженного, высокого). Рефлексив выражает отношение субъекта речи к выбранному стилистически маркированному средству. Примеры: *извините за вульгаризм; извините за это выражение; выражаясь жаргонным языком; говоря народным языком* (при использовании сниженных средств), *слишком высокое слово; высокопарное слово* (при употреблении высокой или псевдовысокой лексики).

Рефлексивы дают возможность стилистически сниженным средствам проявить себя дискурсивно и закрепиться в языковой картине мира. Стилистически сниженная лексика — определенная ментальность, способ мыслить о мире более примитивно, более материально, чем предлагается литературным языком. Как пишет Н.К. Рябцева, «выбор из ряда синонимов стилистически и оценочно маркированного одновременно означает и выбор позиции, структурирующей действительность, задающей ее интерпретацию и потому воздействующей на ее восприятие адресатом» [4].

В рефлексивах проявляются речевые привычки и языковой вкус автора и адресата, стремление избежать штампов и банальностей: *я бы сказал так; я не люблю слово ...; слово ... как-то не подходит*. Наиболее распространенными средствами выражения личностного аспекта являются глаголы *люблю — не люблю, нравится — не нравится* [3].

Этический аспект проявляется в употреблении различных форм извинения (говорящий понимает, что, употребляя сленг, он нарушает нормы): *приношу свои извинения за; извините за грубое выражение;*

примите мои извинения; я хочу извиниться перед вами; прошу прощения; виноват; pardon; не обижайтесь за грубое слово; не хотелось бы вас обидеть.

Временной аспект содержит указание на время появления употребляемого слова (*раньше — теперь*) и источник.

Субъективные смыслы, относящиеся к системе целей, мотивов и установок, выражаются формулами: *я вынужден / должен; мне необходимо; целесообразно; желательно; мне хотелось бы; уместно; хотелось бы.*

Субъективные смыслы, характеризующие взаимодействие участников коммуникации, выражаются при помощи рефлексивов *между нами женщинами; не хотелось бы вас обидеть.*

К средствам выражения субъективного смысла «информативность», относятся следующие рефлексивы: *сказать без преувеличения; пожалуй; буквально; я, может быть, слишком преувеличиваю; субъективного смысла «истинность, искренность» — честно / по правде говоря; если честно; если быть до конца откровенным / искренним; прямо скажу.*

Показателями субъективного смысла «ясность» являются рефлексивы *а точнее сказать; а еще точнее; лучше сказать; другого слова не подберешь.*

Субъективный смысл «связность» — это отношение к линейной и вертикальной упорядоченности изложения: *как я уже говорил; как отмечалось; как подчеркивалось; об этом речь пойдет ниже; иначе говоря.*

Рефлексивы могут содержать информацию о социальной группе, которой принадлежит употребляемое слово или выражение. Социальная отмеченность свойственна различным словообразовательным моделям. Так, в студенческом жаргоне активна модель образования с помощью суффиксов *-як, -няк* экспрессивных существительных со значением состояния организма: *депрессняк, как говорят сегодня молодые люди.*

Субъективный личностный уровень ментального сегмента отражает позицию субъекта по отношению к воплощаемому миру.

Информация о мире (факты, события) представлена репертуаром тем (общее — частное, глобальное — региональное, слабая включенность — хорошая разработанность и т. д.), устойчивыми актуальными понятиями (константами современного публицистического дискурса). Современный публицистический дискурс «становится полем формирования новой модели мира» (Л.Н. Синельникова).

Субъектно-адресатная составляющая ментального сегмента может быть рассмотрена в двух аспектах, позволяющих охарактеризовать диалогичность как категорию мышления, а именно: 1) в линейном взаимодействии субъектов — отправителя и получателя речи, их статусных и ролевых стратегий; 2) в отношениях между разными типами

отправителей и получателей речи. Адресат моделируется в тексте, как создается и модель субъекта.

Для субъектно-адресатной составляющей в означенных аспектах применимы следующие различительные признаки: эксплицитность — имплицитность, закрытость — открытость, прямое воздействие — косвенное воздействие, речевое воздействие — манипулирование, агрессивность — толерантность, языковая однородность — языковая неоднородность и т. д. Например, признак открытости проявляется в фактах использования прямой речи (исходное денотативное пространство, метаязыковой комментарий, способы вхождения в чужую ментальную сферу), косвенной речи, несобственно-прямой речи (возможности трансформации, характер взаимодействия ментальных сфер, мера вторжения в ментальную сферу другого). Признак языковой неоднородности имеет место в случаях (намеренного / ненамеренного) смешения языков — русского и украинского, регионального варьирования русского языка в условиях близкородственного билингвизма. В поле интерпретации здесь находятся следующие категории, феномены и процессы: языковая личность, языковая игра, разговорный пласт, моделирование внутренней речи и др.

Литература

1. Новиков Л. А. Ключевые слова и идейно-эстетическая структура стихотворения // *Язык русской поэзии XX века* / Л. А. Новиков, С. Ю. Преображенский. — М. : Институт русского языка, 1989. — С. 13 — 36. **2. Синельникова Л. Н.** Лирический сюжет в языковых характеристиках / Л. Н. Синельникова. — Луганск : Знание, 1993. — 188 с. **3. Вепрева И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — М. : Олма-пресс, 2005. — 384 с. **4. Рябцева Н. К.** Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. — М. : Academia, 2005. — 640 с.

Джинджолія Г. П. Відносини між емпіричним та ментальним рівнями публіцистичного дискурсу.

У статті розглядаються реляційні та кореляційні відносини між емпіричним і ментальним сегментами у публіцистичному дискурсі. Реляційна модель відносин втілює лінійне розгортання вербальної взаємодії сегментів. Кореляційний аспект полягає в установленні відображених у мовній організації відносин між різними типами сегментів.

Ключові слова: публіцистичний дискурс, емпіричний та ментальний сегменти, реляційні й кореляційні відносини, рефлексив, мовна особистість.

Джинджолія Г. П. Отношения между эмпирическим и ментальным уровнями публицистического дискурса.

В статье рассмотрены реляционные и корреляционные отношения между эмпирическим и ментальным сегментами в публицистическом дискурсе. Реляционная модель отношений воплощает линейное развертывание вербального взаимодействия сегментов. Корреляционный аспект состоит в установлении отраженных в языковой организации отношений между разными типами сегментов.

Ключевые слова: публицистический дискурс, эмпирический и ментальный сегменты, реляционные и корреляционные отношения, рефлексив, языковая личность.

Dzhindzholiya G. P. Relationships between empirical and mental levels of journalistic discourse.

The article deals with relational and correlated relationships between empirical and mental segments in journalistic discourse. Relational type of relationship represents linear development of verbal interaction of segments. Correlated aspect includes the establishment of reflected in language structure relationships between different types of segments.

Key words: journalistic discourse, empirical and mental segments, relational and correlated relationships, reflexive, linguistic personality.

УДК 811.161.1—1'42

И. А. Соболева

**СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
В ПРОСТРАНСТВЕ ДИСКУРСА**

Для динамично развивающейся дискурсологии важно уяснение характера и особенностей комбинаторики вербальных и невербальных компонентов, составляющих то, что в русском языкознании называют языковой личностью. Современная дискурсология позволяет сфокусировать внимание на структуре и поведении языковой личности, расширяя поле наблюдений и рефлексий, корректируя и дополняя модель, предложенную Ю. Н. Карауловым [1].

Языковую личность можно рассматривать с позиций различных научных знаний и выделять при этом в ней различные страты и аспекты для изучения. В. И. Карасик выделяет пять аспектов в речевой организации человека: языковую способность, коммуникативную потребность, коммуникативную компетенцию, языковое сознание и речевое поведение [2, с. 24—25]. Лингвистику интересует прежде всего речевое поведение, дискурсологию — сложный комплекс всех этих аспектов, определяющих индивидуальное и коллективное когнитивное пространство личности.

Цель статьи — рассмотреть различные современные подходы в изучении языковой личности с позиций дискурсологии.

В. И. Карасик считает, что типология языковых личностей может строиться на различных основаниях. С позиций этнокультурной лингвистики можно выделить типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества. Здесь действует оппозиция «свой — чужой». С позиций психолингвистики уместно противопоставить типы личностей, выделяемые в психологии, и рассмотреть языковые и речевые способы проявления соответствующих личностей. С позиций социокультурной лингвистики выделяются типы языковых личностей по объективным статусным признакам — возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д. [2, с. 25—26].

Одним из возможных подходов к изучению языковой личности может быть выделение релевантных признаков модельной личности, т. е. типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводам ценностной ориентации. Такая модельная личность представляет собой прототипный образ, считает В. И. Карасик.

Соглашаясь с этим подходом в целом, считаем нужным заметить, что такие прототипные модели будут представлять собой условные, зыбкие и схематичные построения языковых личностей. К примеру, социальные типы, предложенные В. И. Карасиком, — «Братан», «Новый русский», «Телевизионный ведущий» — сложным образом взаимодействуют и проявляются в современном медиаполитическом дискурсе в рамках и границах одной языковой личности. То есть политический дискурс и языковые личности, его представляющие, демонстрируют и элементы тюремного жаргона (*разборки, наезд, крышевать, мочить, кидать* и т.д.), и элементы поведения элитарной языковой личности (этикетность, образность, ироничность и т.д.).

Таким же условным и даже далеким от современных реалий можно считать и прототип «Русского интеллигента», предложенный в свое время Л. П. Крысиным. Он считает, что одним из речевых маркеров речевого поведения интеллигента является употребление слов «*отнюдь, волнительный, несомненно, жаль, вне всяких сомнений, весьма*» и, наоборот, неупотребление слов «*подвижка, конкретика*» и др. [3]. Современная дискурсивная практика показывает, что языковая личность демонстрирует гетерогенный тип речевого поведения в разных речевых ситуациях, претендует на исключительность и индивидуальность, независимо от того, к какому социальному статусу относится и какие ценности исповедует. Видимо, чрезвычайно частотное количество так называемых смешанных, гибридных языковых личностей, представляющих сложное хитросплетение черт речевого поведения «Братана» и «Телевизионного ведущего» в современном медиадискурсе, подтверждает это наблюдение.

Хотя, безусловно, любая языковая личность представляет собой некие алгоритмы стереотипных моделей поведения. Т. М. Николаева выделяет три вида стереотипов в речевом поведении: 1) речевой стереотип — отрезок высказывания, включенный в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания, т. е. это — чужая речь в речи говорящего; 2) коммуникативный стереотип — в одних и тех же ситуациях употребляются одни и те же обороты, клише, т. е. это — этикетные формулы, клишированные обороты делового общения и т. д.; 3) ментальный стереотип — стремление мыслить дуальными или градуальными категориями, т. е. это — определенные установки и привычные реакции, облакаемые в языковую и неязыковую форму и характеризующие языковую личность [4, с. 162—178].

Е. А. Ничипорович считает важным не анализ свойств языковой личности как некоторой отдельности, а анализ модусов ее вербального и невербального существования в виде микросоюзов (микротолп) с тем или иным периодом распада и рассматривает языковую личность как непременно существующую в открытом дискурсивном эпизоде или, иными словами, в таком хронотопе, в котором отсутствуют строгие ограничения на использование макроэтикетного и тематического кодекса, характерного для русского общения. Словом, Е. А. Ничипорович стремится не только описать привычки кооперативной языковой личности, но и выявить глубинные установки (кооперационные архетипы), способные проанализировать не только вербальные манифестации кооперативной личности, но и описать ее социально-психологический образ [5].

Полагаем, перспективным для изучения языковой личности в медиаполитическом дискурсе является понятие «имплантации» — встройки инородных языковых элементов, превращающих канонизированную вербальную среду в неканонизированную среду. Эти «имплантации» позволяют выстраивать модель дискурсивного поведения языковой личности, наблюдать за тем, как такие языковые средства перестают быть инородными в структуре дискурса данной личности. Показательно, что использование таких «имплантантов» в медиаполитическом дискурсе (и не только в нем) часто приводит к различным речевым эффектам — юмору, иронии, сарказму, сатире и т. д., то есть тому, что порождает смех или улыбку (внешнюю или внутреннюю). Иными словами, существует нечто, что, вслед за В. Л. Варганяном, следует назвать момистическим, некоторым соотношением вербального и невербального, переходом одного в другое в дискурсивной деятельности языковой личности [6]. М. А. Кулинич в свою очередь предлагает систематизированно и обобщенно рассматривать те модусы человеческого поведения, над которыми смеются люди [7]. Это, на наш взгляд, позволило бы вплотную подойти к созданию этномомистического портрета современной языковой личности и описать дискурсивные механизмы, порождающие комизм в широком

смысле — дискурсивные характеристики как адресанта (так называемых «мишеней для шуток»), так и адресата («стрелков по мишеням») и качества, ценности речи («берущиеся на мушку»).

Понятно, что момистический портрет современной языковой личности неразрывно связан с ментальными и этнонациональными особенностями. Такой портрет рисует и М. А. Кулинич, перечисляя ценности англичан и американцев, свидетельствующие о противоречивой этнической психологии тех, кто говорит почти на одном языке. Интерес, на наш взгляд, представляет и корпус таких русскоязычных момистических дискурсов. Вот, к примеру, один из них, рассказывающий о командировке английского профессора-слависта в современную Россию и отражающий этнонациональную специфику и такого дискурса, и дискурсивных личностей: *«На обратном пути нашу машину «Жигули — 2105» остановил офицер ГИБДД. Проверив мои водительские документы и убедившись, что от меня не пахнет алкоголем, он сказал сидевшему рядом со мной профессору Роберту Портеру: — Что-то мне ваше лицо знакомо, это не у вас я на прошлой неделе права отобрал за пьянку? — Я профессор славистики из города Глазго, Великобритания, — гордо выпрямился англичанин. — Одно другому не мешает, — мудро заметил гаишник и пожелал нам счастливого пути неизвестно куда, не взяв с нас за это ни копейки денег»* (Огонек, № 7, 2010).

Продуктивность использования понятия «имплантация» в характеристике языковой личности, предложенного Е. А. Ничипорович, подтверждается, на наш взгляд, и результатами работы С. Г. Васильевой, хотя она и не использует этот термин [8]. Основная цель ее работы — выявить формы разноязычия в этнически гетерогенном лингвокультурном сообществе, преимущественно обращая внимание на устно-непринужденные формы функционирования речи. С. Г. Васильева оспаривает корректность использования понятия билингвизма для осмысления речевых событий, происходящих в таком сообществе. Более эвристичным и соответствующим языковым реалиям будет по ее мнению «подслушивающая лингвистика» и метаполевой дискурсивный анализ, опирающийся на факты спонтанной речи и письменных источников.

Вполне возможно, что «подслушивающая лингвистика», или «дискурсология вслушивания», или даже «вживания», что, на наш взгляд, точнее и корректнее по номинированию, станет важным методологическим инструментом при изучении современной дискурсивной личности. Эта методика должна быть направлена на изучение вербального поведения личности с позиций внутрисубъектного разноязычия как целостного метаобразования. В одних случаях (по отношению к одним языковым личностям) мы можем говорить о фактах речевой мутации (интерференции и интеркаляции), когда иноязычные вкрапления мигрируют из Языка 1 в Язык 2, или из Языка 2 в Язык 1 (интеркаляция). Такие процессы чрезвычайно актуальны для речевого

поведения современных граждан Украины и, безусловно, должны быть учтены при анализе или паспортизации таких языковых личностей.

Однако больший интерес, на наш взгляд, представляют другие формы внутрисубъектного разноязычия или диглоссии, когда языковая личность демонстрирует такой тип языкового поведения, который диссонирует с ее социальным статусом, возрастом, уровнем образования, половой принадлежностью и т.д. Самый очевидный пример такого внутрисубъектного разноязычия — широкое использование жаргонных средств в медиаполитическом дискурсе [9].

По мнению С. Г. Васильевой, существует внутрисубъектное пространство носителя языка и внутрисубъектный образ как единство формы и содержания языкового знака. Это разнопорядковые величины, но не антагонисты. Внутрисубъектное разноязычие — это совокупность ядерных типовых, периферийных типовых и нулевых коммуникативных ситуаций. Безусловно, изучение таких коммуникативных ситуаций, их дискурсивный анализ дадут развернутую характеристику отдельной языковой личности, позволят найти ключ к ее дискурсивному поведению.

Если считать, что понятие имплантации речи (Е. А. Ничипорович) и понятие внутрисубъектного разноязычия (С. Г. Васильева), а также понятие смешанной речи и внутренней интерференции указывают на нечто общее в современном дискурсивном поведении, то все они в совокупности представляют большой интерес для дискурсивного анализа как типологизированных кооперативных личностей, так и реальных, конкретных дискурсивных личностей.

При анализе этих дискурсивных явлений в структуре языковой личности нельзя, конечно же, ограничиваться исключительно лингвистическими процедурами. Особую важность приобретает когнитивный, культурологический, психологический и иной инструментарий. Так, Д. Б. Гудков считает, что природу наших вербальных и невербальных поступков предопределяют мемы или культурные гены. Он предлагает свою версию системы культурных генов — прецедентных феноменов как лингвокультурологических общностей, проявляющихся в различных формах поведения языковой личности [10].

Интересен также такой подход в выявлении составляющих кооперативной дискурсивной личности, как типологизация их на Лидеров и Исполнителей. При этом под Лидером мы понимаем личность с объемным разнообразным коммуникативным полем и регистрами речи, а под Исполнителем — личность со сфокусированным полем коммуникативной речи. Лидер предлагает выбрать, а Исполнитель предлагает выбрать из выбранного, из тех языковых средств, фокуситивов, которые употребляет и рекомендует Лидер.

В высшей степени многообещающими для исследования дискурсивной личности будут и факты, свидетельствующие о

конфликтности или бесконфликтности дискурсивного поведения. В частности, наличие в речи разного рода инвективов, обеспечивающих агрессивность и пейоративность в вербальном поведении.

Одним словом, современная лингвистика предлагает множество подходов и параметров в описании современной языковой личности, представляющей собой многомерное образование. Данная статья, конечно же, не претендует на сколько-нибудь полное отражение научных позиций по этому вопросу. Совершенно ясно, что понятие структуры языковой личности по Ю. Н. Караулову остается как данность. То есть представление о языковой личности, реализующейся через свои вербализмы, существующей лишь в языке и с помощью языка же стремящейся вписаться в правила бытия в его письменной или устной форме, продолжает оставаться базовым. В дополнение к этим параметрам рассмотрения языковой личности следует добавить наблюдения за вариациями или смещениями в вербальном каноне, за реализациями его в пространстве и времени дискурсивного общения-поведения.

Таким образом, дискурс позволяет описывать не столько языковую (речевую) личность, сколько личность дискурсивно-семиотическую, что на наш взгляд, дает более многомерное представление о многообразии форм ее существования.

Литература

- 1. Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1987. — 264 с.
- 2. Карасик В. И.** Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX — XXI веков: Человек и его дискурс : сборник науч. тр. / [под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной] / В. И. Карасик. — М. : Азбуковник, 2003. — С. 24—46.
- 3. Крысин Л. П.** Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении, 2001. — № 1. — С. 90—107.
- 4. Николаева Т. М.** От звука к тексту / Т. М. Николаева. — М. : Школа «Языки русской культуры», 2000. — 680 с.
- 5. Ничипорович Е. А.** Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 13.01.01. «Русский язык» / Е. А. Ничипорович. — М., 1999. — 20 с.
- 6. Варганян В. Л.** Фрагменты психолингвистической теории юмора : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 13.01.01. «Русский язык» / В. Л. Варганян. — М., 1994. — 20 с.
- 7. Кулинич М. А.** Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. культур. наук : спец. 24.00.04 «Прикладная культурология» / М. А. Кулинич. — М., 2000. — 25 с.
- 8. Васильева С. Г.** Разноязычие (смешанная речь) и типология билингвизма личности : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец. 13.01.01 «Русский язык» / С. Г. Васильева. — М., 1999. — 26 с.

9. Соболева И. А. Поливекторная палитра медиаполитического жаргона / И. А. Соболева // Соціолінгвістичні студії. — К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. — С. 101—106. **10. Гудков Д. Б.** Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук: спец. 13.01.01 «Русский язык» / Д. Б. Гудков. — М., 2000. — 30 с.

Соболева І. О. Сучасна мовна особистість у просторі дискурсу.

Стаття присвячена проблемам опису та аналізу сучасної мовної особистості у дискурсі. Сучасна лінгвістика фокусує увагу на структурі і поведінці мовної особистості, заповнюючи модель, запропоновану Ю. Н. Карауловим.

Ключові слова: прототипна модель, стереотип поведінки, аналіз модусу поведінки, структура мовної особистості.

Соболева И. А. Современная языковая личность в пространстве дискурса.

Статья посвящена проблемам описания и анализа современной языковой личности в дискурсе. Современная лингвистика фокусирует внимание на структуре и поведении языковой личности, заполняя модель, предложенную Ю. Н. Карауловым.

Ключевые слова: прототипная модель, стереотип поведения, анализ модуса поведения, структура языковой личности.

Soboleva I. A. Modern linguistic personality in space of discourse.

The article is dedicated to the problems of description and analysis of modern linguistic personality in discourse. Modern linguistics focuses attention on a structure and conduct of linguistic personality, filling a model, offered by Y. N. Karaulov.

Keywords: prototype model, stereotype of conduct, analysis of modus of conduct, structure of linguistic personality.

УДК 811.161.1'42

В. А. Розсоха

**ТЕКСТОЦЕНТРИЧНОСТЬ В СФЕРЕ
СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
ТЕКСТОГРАФИКА И QR-КОДИРОВАНИЕ**

Современное коммуникативное пространство — сложно организованная система. Это понятие трактуется в лингвистике неоднозначно. Профессор Т. А. Воронцова, исследуя коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме, отмечает: «Очевидно,

что при любом понимании коммуникативное пространство многомерно, подвижно, изменчиво, его невозможно структурировать, по крайней мере, однозначно» [1, с. 13].

Вслед за известным литературоведом и лингвистом Б. М. Гаспаровым мы будем рассматривать коммуникативное пространство как «целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [2, с. 297].

Целостность коммуникативного пространства поддерживается на текстовом уровне, представленном массой самых разнообразных необходимых для общения текстов, связанных между собой фактором антропоцентричности. С помощью текстов соединяются семантические центры, заполняются существующие лакуны, устанавливается контакт между адресатом и адресантом. Всё это можно предположить *a priori*, зная этимологию слова текст: от латинского *textus* «сплетение; строение, структура; ткань; связь, связное изложение» [3, с. 769].

Включение текста в коммуникативную ситуацию происходит как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Невербальная поддержка в сфере современных коммуникативных технологий обеспечивается, прежде всего, средствами графики и характеризуется двумерной направленностью: с одной стороны, графическим расширением текстового содержания, а значит — его семантическим обогащением (*текстографика*), а с другой — компрессией, стремлением полностью заменить текст графическим кодом, не нарушив при этом его смысл (*QR-кодирование*).

Цель статьи — определить и проанализировать невербальные средства включения текста в коммуникативную ситуацию, исследовать текстовые трансформации, связанные с использованием современных коммуникативных технологий в лингвопрагматическом ключе.

Остановимся подробнее на каждом из названных направлений.

Текстографику можно определить, на наш взгляд, как моделирование средствами языка графического образа, дублирующего содержание текста. Этот графический образ наполняет текст такими пространственными характеристиками, как многомерность и объёмность, широта и глубина, верх и низ, вертикали и горизонталы, диагонали и пересечения, что приводит к его семантической трансформации, экспликации новых граней его содержания. Понятие *текстографики* является более широким, родовым по отношению к вошедшим в активный словарь в разное время видовым терминам:

стихография — создание определённого текстового рисунка стихотворения строчкой, словом или буквами, когда слова свободно перемещаются по листу, образуя строки разной длины;

стихографика — сочетание текста и рисунка, максимально взаимодействующих друг с другом) [см. об этом подробнее : 4];

ропалический стих — (от греч. *ρόπαλκός* — подобный палице, расширяющейся к концу) — древняя игровая форма стиха, в котором каждое следующее слово содержит на один слог больше; первое — односложное, второе — двусложное, третье — трехсложное, четвертое — четырехсложное: стих как бы расширяется в виде палицы. См., например, у В. Брюсова в его «Опытах по метрике и ритмике...» («Жизнь — игра желаний мимолетных...» и др.) [5];

Каллиграмма
Гийома Аполлинера

каллиграмма — текст, записанный в форме рисунка и иллюстрирующий тему стихотворения («*Calligrammes*» — сборник графических стихов французского поэта Гийома Аполлинера (1880 — 1918), благодаря которому этот изобразительный приём стал пользоваться популярностью (вспомним известное стихотворение Андрея Вознесенского о сносе Сухаревой башни, каллиграммы современного поэта Павла Сергеева и др.).

В общем виде жанр, в котором буквы или слова изображают то, что они значат, называется *идеограммой* и имеет вековые традиции.

В Древнем Китае на миниатюрных каменных печатях умещались целые афоризмы и поучения [см. об этом подробнее: 6; 7]. Например, данная каллиграмма дословно переводится «одной сетью поймать всю рыбу»¹ (русский эквивалент «одним выстрелом убить двух зайцев»). При внимательном изучении графического изображения мы найдём все иероглифы, входящие в состав этого фразеологизма, но особенно чётко виден расположенный по нижнему краю женской одежды ключевой иероглиф «сеть» 网.

Особо следует сказать о таких разновидностях текстографики, как *типографика* и *кинетическая типографика*.

Типографика — креативное преобразование текста в элемент графического оформления. Яркие запоминающиеся образы создаются с помощью композиционного редактирования.

Типографика активно используется в рекламе конца XIX — начала XX веков. Достаточно оригинальной, на наш взгляд, является старая реклама табака и папирос в дореволюционной России, помещённая на сайте с одноименным названием [8].

фигурным шрифтом написаны названия табака: «Новый век», «Дюшес», «Роскошь», «Теремок», «Голос». Эта реклама демонстрирует нам не только табак указанной фабрики, но и определенный стиль жизни.

Используют текстографику и современные дизайнеры. Так, например, оформлен сайт по продаже велосипедов [9]. Название сайта и графический рисунок велосипеда выполнены не с помощью линий, а с помощью слов, называющих детали: *руль, сиденье, колесо, ступица, педаль, цепь* и т.д.

Одним из последних достижений в области текстографики является *кинетическая типографика (моушн-дизайн)* — анимация текста (фраз, синтагм, слов, букв), раскрывающая новые смыслы, акцентирующая внимание на семантике ключевых слов графическим дублированием их значения. Пространственные характеристики, приобретённые текстом в процессе анимации, усиливают его антропоцентричность и эксплицируют его эмоциональную окраску.

Элементы кинетической типографики используются в титрах кинофильмов, в рекламных телевизионных роликах, в музыкальных клипах. На сайте «Art of the Title» («Искусство титров») [10] помещены образцы титров, которые, по мнению создателей сайта, являются примерами моушн-дизайна. Это титры к фильмам Альфреда Хичкока «North by Northwest» («К северу через северо-запад») и «Psycho» («Психо»); Дэвида Финчера «Se7en» («Семь»); Стивена Спилберга «Catch me if you can» («Поймай меня, если сможешь») и мн. др. Однако в большей мере все титры связаны с мультипликацией, движения текста как такового нет. Поэтому достаточно трудно подвести их под определение кинетической типографики.

Интерес, на наш взгляд, представляет оформление титров в бразильском фильме «Durval Discos» (режиссёр и сценарист Anna Muylaert).² Начало фильма как будто погружает нас в мир текстов: это вывески, реклама, названия кафе и магазинов, надписи на дорожных указателях, на футболках попавших в кадр людей, афиши на столбах, табло с расписанием вылета самолётов в аэропорту и под. Титры фильма

неожиданно появляются на дорожном указателе — направление задано, и зритель начинает внимательно рассматривать меняющиеся в кадре тексты на разных предметах и объектах, среди которых он находит имена создателей фильма и актёров.

Подобное оформление титров мы видим в русском многосерийном фильме «Дом на Озёрной» (режиссёр-постановщик — Серик Апрымов, 2009 г.). Останавливает внимание и работа с титрами как особым текстом в ироническом детективе «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» (режиссёр — Игорь Масленников, 1980 г.).

В последние несколько лет с помощью кинетической типографики создаются визуализированные тексты. Практически все они размещены на YouTube. Остановимся на двух из них — фрагменте аудиоспектакля Даниила Хармса «Старуха» (автор Андрей Сергунин) и монологе Брюса Ли «Будь водой» («Be Water»).

Обратимся к авторскому тексту первой визуализации:

«Я наклоняю голову, чтобы лучше рассмотреть, есть ли у меня руки, и вижу, что с одной стороны у меня вместо руки торчит столовый ножик, а с другой стороны — вилка.

— Вот, — говорю я Сакердону Михайловичу, который сидит почему-то тут же на складном стуле.

— Вот видите, — говорю я ему, — какие у меня руки? А Сакердон Михайлович сидит молча, и я вижу, что это не настоящий Сакердон Михайлович, а глиняный»[11].

Фрагмент для визуализации (сон) выбран, на наш взгляд, не случайно. Сон — это особое пространство, другой мир, другая действительность. Вспомним определения, данные сну Ю. М. Лотманом: «семиотическое окно» [12, с. 123], «окно в таинственное будущее» [12, с. 125], «путь внутрь самого себя» [12, с. 125], «отец семиотических процессов» [12, с. 125], «сообщение со скрытым образом источника» [12, с. 123], «скрытый внутренний судья» [12, с. 126] и др. «Сновидение, — пишет Ю. М. Лотман, — отличается полилингвильностью: оно погружает нас не в зрительные, словесные, музыкальные и прочие пространства, а в их слитность, аналогичную реальной. Это «нереальная реальность» [12, с. 125].

В обычном текстовом формате трудно передать атмосферу ирреальности сна. С помощью кинетической типографики это становится возможным: движение текста на чёрном фоне с фиолетово-коричневым рисунком погружает адресата в атмосферу сна. Текст оживает, превращается в рассказчика. Слова и словосочетания, называющие реалии, имитируют эти реалии (*столовый нож, вилка, складной стул, глиняный Сакердон Михайлович*), глаголы имитируют действия. Созданный сложный аудиовизуальный образ помогает «увидеть» содержание текста, передаёт его эмоциональную напряжённость и даже в какой-то мере позволяет проникнуть в сон героя.

Другая работа — визуализированный монолог учителя боевых искусств, роль которого сыграл Брюс Ли, в многосерийном фильме «Longstreet». На YouTube мы обнаружили несколько визуализированных текстов этого монолога. Все они, на наш взгляд, заслуживают внимания. Нас заинтересовал моуш-дизайн Alberto Veteta [13].

Обратимся к оригинальному тексту монолога.

Bruce Lee. Be Water	Брюс Ли. Будь водой ³
Empty your mind, be formless, shapeless, like water. Now you put water into a cup, it becomes the cup. You put water into a bottle it becomes the bottle. You put it in a teapot — it becomes the teapot. Now water can flow or it can crash. Be water, my friend.	Освободи свой разум, стань аморфным, бесформенным, как вода. Налей воду в чашку, она станет чашкой. Нальешь воду в бутылку, она станет бутылкой. Нальешь в чайник — станет чайником. Вода может течь или разбивать. Будь водой, мой друг.

Фраза «Стань аморфным, бесформенным, как вода» была одним из принципов Учителя. Монолог стал хрестоматийным, т.к. отражает философию кун фу: водой можно заполнить любой сосуд, вода примет форму этого сосуда, но вода может разрушить все на своем пути.

Alberto Veteta использует многообразные графические средства: цвет, размер букв, рисунки из букв и слов и др., а также звукопись — шум воды. Движущийся текст трансформируется в графические изображения, подчёркивающие семантику ключевого слова *вода*.

Продемонстрируем типографику хотя бы одной синтагмы: *Now you put water into a cup* (Налей воду в чашку). Эта синтагма трансформируется на наших глазах в каллиграмму бутылки. Слово *water* (вода) выделено голубым цветом, слово *cup* (чашка) в первом кадре расположено рядом и напоминает по форме чашку, т.к. буквы, составляющие его, имеют разный размер. Во втором кадре буквы движутся: буква «с» переворачивается, в неё входит буква «и», а буква «р» имитирует ручку чашки. Таким образом, в третьем кадре мы видим результат.

Разумеется, невозможно описать каждый кадр. Да в этом и нет необходимости. Протяжённость ролика во времени — 25 секунд, и

каждую секунду происходит трансформация текста. Он становится объёмным, образным и эмоционально насыщенным.

Иллюстрирование художественного текста, песен, фрагментов фильмов посредством кинетической типографики можно назвать особым видом искусства.

В соавторстве с программистом В. Н. Розсохой мы попытались с помощью моушн-дизайна передать свои эмоции, вызванные прослушиванием песни Александра Малинина «Твои глаза» (стихи Ольги Куланиной, музыка Вадима Лоткина; песня вышла на диске певца «Я объявляю вам любовь» в ноябре 2010 года).

Кратко изложим разработанный нами типографический сценарий.

Начинается клип поиском сюжета с помощью объектива фотоаппарата: чёрно-белое изображение, зимний пейзаж; дата — 7.03.2011; режим — пасмурный день; батарейка камеры на нуле. Постепенно изображение становится цветным, появляется смайлик-солнце, меняется дата — 8.03.2011; меняется режим — весеннее настроение; батарейка камеры полная, запись пошла; появляется надпись — сюжет найден.

Фон: проливной весенний дождь, голубое небо.

Приводим оригинальный текст песни.

*Снова обида в сердце твоём пригрелась.
Снова в словах твоих промелькнула ревность.
Значит, пора с гитарою
Песню нам вспомнить старую.
Плечи обнять и заново
Спеть для тебя одной.*

ПРИПЕВ

*Куда бы я ни шел, теряя голову,
Какие б я ни слушал песни новые,
Как хороши мне ни встречались женщины,
Меня всегда вернут назад твои глаза.
Что б обо мне ни говорили разного,
Какого б я ни пил вина прекрасного,
Каким бы я ни был когда-то ветренным,
Меня всегда вернут назад твои глаза.*

*Всё, о чем болтают твои подруги,
Всё, сама ты знаешь, пустые звуки.
Жди меня днем и вечером,
Жди и опять на плечи нам
Лягут, как ветры встречные,
Песни моей слова.*

Работа с текстом

1. Выделение фонетических синтагм в составе фраз текста соответствует исполнению А. Малинина. На экране каждая синтагма выделяется новой строкой, что усиливает динамику текста. Например:

СНОВА
ОБИДА
В СЕРДЦЕ ...

2. Каллиграммы слов и фраз: *промелькнула, плечи, обнять, песню нам вспомнить старую, лягут, ветры встречные.*

3. Моушн-графика местоимения «я».

4. Модификация тема-рематического членения предложения «*Меня всегда вернут назад твои глаза*».

5. Интертекстуальность: ироническое иллюстрирование строки «*Как хороши мне ни встречались женщины*» портретами-эталоном женской красоты из эксцентрических кинокомедий второй половины XX века, что создаёт лёгкий иронический подтекст.

Строка превращается в рамки трёх портретов: *солистски джазового оркестра Душечки* из комедии Билли Уайлдера «В джазе только девушки» (Мэрилин Монро); *Актрисы, флиртующей с кинорежиссёром Якиным*, из комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (Наталья Кустинская); *соблазнительницы Анны Сергеевны* из комедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» (Светлана Светличная).

6. Шаржированная графика слова *вино*.

7. Графические символы: *снежинка, зелёный лист, солнце*.

8. *Графически выделенные ключевые слова и синтагмы: тебе одной, песня, жди, вернусь.*

9. Пример графического оформления фразы:

При таком оформлении данную фразу можно увидеть по-разному: *меня всегда вернут назад твои глаза; вернут назад меня твои глаза; назад вернут глаза твои всегда меня* и т.д. Тема-рематическая организация предложения оказывается свободной и зависит от прочтения его адресатом, что приводит

к семантической трансформации фразы и к порождению множества новых вариативных смыслов на фоне основного, озвученного исполнителем.

Таким образом, кинетическая типографика песни изменила структуру её коммуникативного пространства, сделала её более гибкой, что позволило обновить содержание песни, создать весеннее настроение и слегка изменить эмоциональную окраску текста, придав ему оттенок лёгкой иронии, характерный для мировосприятия дизайнера.

Вторым вектором, обеспечивающим активное включение текста в коммуникативную ситуацию, является QR-кодирование.

Аббревиатура QR переводится «быстрый отклик» (от английского *quick response*). QR-кодирование позволяет оживить текст, заинтересовать адресата той информацией, которая помещена в QR-коде, а значит — повысить уровень интерактивности текста.

Основное достоинство QR-кода — его мгновенная расшифровка с помощью сканирующего оборудования (это может быть даже фотокамера мобильного телефона), что позволяет использовать QR-коды в торговле, производстве, логистике и в других точках коммуникативного пространства [см. об этом : 14].

Большинство производителей мобильных телефонов устанавливают программу распознавания QR-кода в свои модели, т.к. наибольшее признание QR-кодирование получило среди пользователей мобильной связи: с помощью такой программы абонент может быстро считать текстовую информацию, добавить контакты в адресную книгу, перейти к web-ссылкам, отправить SMS-сообщение и т.д.

Сегодня QR-коды больше всего распространены в Японии, где они были изобретены в 1994 году: их можно встретить на плакатах, упаковках товаров, в рекламных буклетах и справочниках.

В один QR-код помещается приблизительно три страницы текста, написанного кириллицей, и почти две страницы иероглифов.

Несомненно одно: с развитием новых технологий коммуникативные возможности QR-кодирования будут расширяться, т.к. количество необходимой для общения информации постоянно увеличивается, а времени на получение этой информации не хватает.

Подводя итоги, можно сказать, что все текстовые трансформации, связанные с использованием современных коммуникативных технологий, направлены на установление психологически-информационного контакта между адресатом и адресантом.

Новое, креативное прочтение текста с помощью текстогрaфики позволяет более глубоко проникнуть в структуру оригинального текста, расширить его контекст и эксплицировать эмоциональную окраску.

Получать и хранить информацию в сжатом виде можно с помощью QR-кодирования текста.⁴

Оба описанных в статье вектора текстоцентричности направлены на расширение коммуникативного пространства и на поддержку его целостности.

Литература и примечания

Воронцова Т. А. Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. История и филология. — 2009. — Вып. 1. — С. 11—16. **2. Гаспаров Б. М.** Язык, память, образ. Лингвистика

языкового существования / Б. М. Гаспаров. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с. **3. Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — М. : Русский язык, 2000. — 846 с. **4. Лаврина В. Л.** Шестисловия : попытка жанра // Журнал «После 12». Форум [Электронный ресурс] / В. Л. Лаврина. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.posle12.ru/forum/forum26/topic135/messages>. **5. Ропалический стих** // Поэтический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://wikilivres.info/wiki/%D0%9F%D0%>. **6. Искусство** каллиграфии [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.callig.ru/practics/calligramme>. **7. Китайская** грамота [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.lingvochina.ru/raznoye/118>. **8. Папиросы** и табак. Дореволюционная реклама России [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : http://www.eso-online.ru/kolleksiya_reklamy/udachnye_primery_reklamy_skoro/primery_retroreklamy_staraya_reklama/dorevolucionnaya_reklama/papirosy_i_tabak. **9. Bike** [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://bike2.ru/blog/different/34.html>. **10. Art of the Title** [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.artofthetitle.com/2011/11/12/the-title-design-of-saul-bass>. **11. Даниил Хармс.** Старуха (Kinetic Type) [Электронный ресурс] / Д. Хармс. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.youtube.com/watch> **12. Лотман Ю. М.** Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968—1992) / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство, 2000. — 704 с. **13 Alberto Beteta.** Bruce Lee. Be water, my friend [Электронный ресурс] / Alberto Beteta. — Режим доступа к ресурсу : http://www.youtube.com/watch?v=ce_z1ovNvPA&feature=related. **14. Технология** QR-кодирования [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://qr.astu.org>.

¹ Перевод с китайского А.В. Розсохи.

² К сожалению, русский вариант фильма нами не найден.

³ Перевод с английского А.В. Розсохи.

⁴ В этом QR-коде содержится следующая информация: автор статьи — Розсоха Валентина Александровна.

Розсоха В. О. Тексточентричність у сфері сучасних комунікативних технологій: текстографіка й QR-кодування.

У статті визначаються й аналізуються текстографіка та QR-кодування як два різноспрямованих вектори проявлення тексточентричності. Автор статті досліджує всі текстові трансформації, які пов'язані з застосуванням сучасних комунікативних технологій, у лінгвопрагматичному ключі й вважає, що вони спрямовані на установлення психологічно-інформаційного контакту між адресатом та адресантом.

Ключові слова: лінгвопрагматика, сучасні комунікативні технології, текстоцентричність, текстографіка, кінетична типографіка, QR-кодування.

Розсоха В. А. Текстоцентричность в сфере современных коммуникативных технологий: текстографика и QR-кодирование.

В статье определяются и анализируются текстографика и QR-кодирование как два разнонаправленных вектора проявления текстоцентричности. Автор статьи исследует все текстовые трансформации, связанные с использованием современных коммуникативных технологий, в лингвопрагматическом ключе и считает, что они направлены на установление психологически-информационного контакта между адресатом и адресантом.

Ключевые слова: лингвопрагматика, современные коммуникативные технологии, текстоцентричность, текстографика, кинетическая типографика, QR-кодирование.

Rozsokha V. A. Text-centricity in the sphere of modern communicative technologies: text graphics and QR-encoding.

The article defines and analyses text graphics and QR-encoding as two differently directed vectors of the text-centricity display. The author of the article studies all textual transformations connected with the use of the modern communicative technologies in the linguopragmatic vein and considers them to be aimed at establishing the psychologically informative contact between the addressee and the sender.

Key words: linguopragmatics, modern communicative technologies, text-centricity, text graphics, kinetic typography, QR-encoding.

УДК 811.161.1'42

И. С. Масленников

**РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ РЕАКЦИИ
КАК ИММАНЕНТНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ**

Успешность речевого общения в значительной мере зависит от умения позитивно или же негативно оценить речевое поведение адресата, то есть способность реализовать речевой акт согласия / несогласия. Именно поэтому данное исследование посвящено изучению речевых актов позитивной и негативной реакции.

Объектом исследования выступают речевые акты позитивной / негативной реакции.

Предметом исследования являются речевые акты согласия / несогласия в устной и письменной речи.

Цель данной статьи состоит в проведении лингвистического анализа речевых актов позитивной и негативной реакции (соответственно, РАПР и РАНР) в единстве их лексико-грамматической структуры и прагматической направленности.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) выяснить суть понятий РАПР и РАНР;
- 2) установить и описать модели речевых актов позитивной / негативной реакции с точки зрения их лексического и грамматического наполнения в русском языке.
- 3) выделить коммуникативные единицы и речевые формулы, характерные для речевых актов согласия / несогласия, и их семантические и прагматические особенности.

Речевые акты аргументации и возражения выполняют в дискурсе различные функции. Реализующие их высказывания имеют различные типовые контексты употребления, которые принадлежат к разным речевым регистрам и в большинстве случаев неодинаковы по синтаксической форме своей организации. Высказывания-аргументативы характерны для монологического текста, тогда как высказывания-возражения — для диалога или диалогизированного монологического текста. Тем не менее, речевые акты данных типов могут быть рассмотрены в одной логической плоскости как противопоставленные по иллокутивной силе репрезентирующих их высказываний. А именно: аргументативный речевой акт связан с утверждением, акт же возражения — с отрицанием истинности того или иного ранее высказанного в дискурсе положения дел [1, с. 130—133].

Отечественными и зарубежными учеными написан ряд работ об отдельных функционально-семантических типах высказываний положительной / отрицательной реакции, включая речевые акты согласия / несогласия [2; 3; 4].

Рассмотрим сначала негативную реакцию, которая традиционно выражается через отрицание. Необходимо обратить внимание на то, что выражение негативной реакции входит в область речевых формул этикета, владение которыми представляет собой часть коммуникативной компетенции говорящего. Однако, как справедливо замечает Е.А. Земская, максимы вежливости являются лишь желательными для ведения конструктивного общения, однако не отражают ход реальной диалогической коммуникации, поскольку именно там они постоянно нарушаются. В противовес принципу кооперации исследовательница ставит принцип соперничества, реализуемый в диалоге. Этот принцип без принятия превентивных мер приводит к спорам, полемике, а то и к конфликтам [5, с. 288—289].

В лингвистике существует традиция рассматривать негативную реакцию через категорию отрицания [3; 4].

Отрицание, или несогласие, представляет собой чрезвычайно сложную субстанцию, которая традиционно рассматривается в соотношении с категорией согласия [4; 5; 6]. Осуществляя РАНР, говорящий констатирует расхождение своей точки зрения в отношении определенного явления действительности [2, с. 70]. Логичному отрицанию соответствуют в действительности отношение несуществования, отличия от чего-то определенного. Логичное отрицание может содержать информацию об отношении субъекта к уже реализованному суждению о действительности, и в этом случае отрицательное высказывание выступает как форма выражения знания о ложности, ошибочности предшествующей мысли либо как форма выражения оценки предшествующей мысли. В лингвистике основным содержанием грамматической категории отрицания является логическое отрицание. Вместе с тем в содержание речевого отрицания входят и другие частные значения, а именно несогласие, опровержение, отказ, запрет, ирония и другие, которые составляют основу отрицания.

РАНР — это различные выражения, употребляемые как реакция на инициальную реплику диалогического единства. Л.М. Медведева различает инициативные и реактивные речевые акты, которые образуют так называемые смежные пары: речевые акты вопрос / ответ, запрос / ответ и др. [7, с. 45]. В соответствии с этой характеристикой РАНР / РАНР следует отнести в группу реактивных речевых актов.

Итак, РАНР — реактивный акт, который выражает отрицательное отношение к действию или высказыванию слушателя, представляет собой информативное, оценочное или императивное высказывание и имеет в речи определенную реализацию.

К РАНР можно отнести акты несогласия, отказа, запрета. Мы остановимся на речевом акте несогласия (соответственно, РАНЕС), определим, что употребление терминов согласие / несогласие является в достаточной мере условным, но внедренным в речевое употребление [4; 6]. Понятие «несогласие» в словаре В. Даля трактуется как «разногласие (голос, мнение), противность мнения, разность убеждений, разномыслие; | разногласие (голос, звук), как нестройность в голосах или звуках музыкальных, разлад, дисгармония; | споры, ссоры, вражда, раздор; | разноречие, разнословие, устное или на бумаге» [8, с. 387]. РАНЕС выражает содержание не само по себе, а относительно другого высказывания [3, с. 133].

РАНЕС — это реактивный акт, который отображает противоположную позицию адресата относительно позиции адресанта и выражен информативным или оценочным высказыванием с разнообразными эмоциональными оттенками (например, осуждение). Кроме того, этот речевой акт имеет в речи определенную смысловую реализацию.

Основной РАНЕС с разнообразными оттенками значений проявляется эксплицитно, где намерение адресанта представлено явно, и

поэтому не нужна глубокая интерпретация высказывания со стороны адресата.

Способы выражения несогласия представлены следующими наиболее типичными формами: коммуникативом *нет / не*, конструкциями с цитированием, цитатными вопросами, риторическими вопросами, фразеологическими конструкциями.

Коммуникатив *нет / не* используется в ситуации несогласия как отрицательный ответ на вопрос адресата: «*Наврала? Тетушка? — Нет, нет... Что ты?»* (М. Веллер). «*Ты не замерз? — время от времени спрашивала, потому что он был в демисезонном пальто и осенних ботинках. — Нет, нет, не холодно же, — отвечал он*» (В. Распутин).

Нет отражает прежде всего ситуацию несогласия, когда адресант не соглашается с мыслью адресата, возражает ему: «*— И ты не опоздал на поезд? Не остался? — Нет*» (А. Варламов). «*Братик!.. Не надо сейчас об этом. — Нет, надо, сестра*» (А. Молчанов). А также этот коммуникатив передает ситуацию, когда адресант не соглашается на предложение собеседника: «*Да что мы будем с ним возиться? Нож в бок и концы в воду! — Нет, так нельзя*» (Б. Орлов).

В речевой ситуации несогласия часто используются конструкции, которые включают повтор элементов или все высказывание. В этих ситуациях адресант пытается возражать адресату его же словами: «*Ты, конечно, шутишь. — Нет, не шучу*» (В. Ерофеев). Иногда встречается цитирование без дополнительных компонентов и цитирование, осложненное дополнительными элементами.

Использование цитирования, которое включает дополнительные элементы, наиболее употребительно в речевых ситуациях несогласия: «*— Мне нечего рассказывать, — зло ухмыльнулся парень. — Так-таки и нечего?»* (Б. Стругацкий).

Повторение всегда оформляется с новой интонацией, которая отличается от интонации высказывания-стимула. Интонация повторения разнообразна: интонация недоверия, неприятного удивления, раздражения, гнева, презрения, иронии.

В качестве повторения слов собеседника с другой (например, вопросительной) интонацией выступают цитатные вопросы [4]. Цитатные вопросы представляют собой реакцию говорящего на предыдущее высказывание собеседника. Вопросы с позиции ответа выражают модальное значение несогласия.

Цитатные вопросы — это не только способ переспроса, но и средство, при помощи которого говорящий возражает собеседнику: «*Уедем отсюда! Сегодня же уедем! — Уехать? Я не хочу уезжать!*» (Л. Зорин).

Любому человеку хочется, чтобы его вербальная установка была услышана, понята, вызвала реакцию, главным образом позитивную. Немалую роль при этом играют речевые акты позитивной реакции. Итак, РАПР — это реактивный акт, который выражает одобрительное

отношение к действию или высказываниям адресата, выступает информативным, оценочным или императивным высказыванием и имеет в речи определенную реализацию.

К РАПР относим акт согласия, разрешения и т. п. Рассмотрим подробно речевой акт согласия (соответственно, РАС). Парадигма согласия включает такие значения, как одобрение, подтверждение, единодушие и др., маркированные семантической пометой *да*.

Понятие *согласие* также широко трактуется в словарях. В словаре В. Даля *согласие* определяется как «единодушие, одинаковые с кем-нибудь мысли или чувства, намерения, убеждения, состояние многих, которые согласились на что-то общее; разрешение, желание, одобрение, утверждение; взаимная дружба и любовь; покорность, согласие в семье, единодушие в обществе, отсутствие ссор, разногласий; соразмерность, взаимное соответствие частей целого, согласованность, симметрия или пропорциональность» [8, с. 258].

Таким образом, РАС — это реактивный акт, отображающий позицию говорящего, которая оказывается идентичной в отношении позиции слушателя, выражается информативными либо оценочными высказываниями с разнообразными эмоциональными оттенками и имеет в речи определенную реализацию.

Основной РАС с различными эмоциональными оттенками значений проявляется эксплицитно, где намерение говорящего выявлено четко и ясно, и поэтому глубокая интерпретация высказывания и анализ обратной связи со стороны слушателя оказываются не столь актуальными. Способы выражения согласия представлены следующими наиболее типичными схемами: коммуникативом *да*, конструкциями с цитированием, цитатными вопросами, наречиями, риторическими вопросами, фразеологическими конструкциями.

Коммуникатив *да* используется в ситуации согласия как одобрительный ответ на вопрос слушателя. Например: «*Вот у меня есть приятель... — Спортсмен по этому делу? — Да*» (А. Лиханов). «*Это дом номер десять? — Да, десять...*» (Э. Кочергин). *Да* отображает прежде всего ситуацию согласия, когда говорящий согласен с мыслью слушателя и одобряет ее: «*— Ого, — буркнул он, — уже ночь. — Да, правда, была ночь*» (А. Покровский).

Итак, исследование РАПР и РАНР в единстве их лексико-грамматической структуры и прагматической направленности позволило выделить два основных типа актов позитивной и негативной реакции, которые функционируют в устной и письменной речи: речевой акт согласия и речевой акт несогласия. Было объяснено содержание РАПР и РАНР, описаны универсальные коммуникативные модели данных речевых актов и выделены наиболее употребительные средства их реализации. Описанные в статье речевые акты согласия / несогласия представляют собой только начало исследования всех типов речевых актов позитивной и негативной реакции в русском языке.

Литература

1. Хамзина Г. К. Утверждение-отрицание в их отношении к речевым актам аргументации и возражения // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23—25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2 т. / Г. К. Хамзина. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. — Т. 1. — С. 130—133. **2. Озаровский О. В.** Способы выражения согласия-несогласия в современном русском языке / О. В. Озаровский // Русский язык в национальной школе. — 1974. — № 6. — С. 70—75. **3. Прокофьева Н. В.** Реакция несогласия в диалоге / Н. В. Прокофьева // Вісник Харківського ун-ту. Проблеми мови та мовленнєвої діяльності. — 1995. — № 384. — С. 133—136. **4. Боргер Я. В.** Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.01. / Я. В. Боргер. — Тюмень, 2004. — 21 с. **5. Баландіна Н. Ф.** Функції і значення чеських прагматичних кліше в комунікативному контексті : [монографія] / Н. Ф. Баландіна. — К. : АСМІ, 2002. — 332 с. **6. Рудик І. М.** Експліцитні та імпліцитні засоби вираження згоди / заперечення в англійській розмовній мові / І. М. Рудик // Вісник ХДУ. — 1997. — № 390. — С. 136—138. **7. Медведева Л. М.** О типологии речевых актов / Л. М. Медведева // Вестник Харьковского ун-та. — 1989. — № 339. — С. 42—46. **8. Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Олма-Пресс, 2002. — Т. 2. : И — О; Т. 4. : Р — У. — 2002. — 481 с.

Масленников И. С. Мовленнєві акти позитивної та негативної реакції як іманентні складові зворотнього зв'язку.

У даному лінгвістичному дослідженні були розглянуті мовленнєві акти позитивної та негативної реакції в єдності їх лексико-граматичної структури і прагматичної спрямованості. Було виокремлено і проаналізовано два основних типи мовленнєвих актів позитивної та негативної реакції — мовленнєві акти згоди та незгоди.

Ключові слова: мовленнєвий акт, позитивна реакція, негативна реакція, мовець-слухач.

Масленников И. С. Речевые акты позитивной и негативной реакции как имманентные составляющие обратной связи.

В лингвистическом исследовании были рассмотрены коммуникативные акты позитивной и негативной реакции в единстве их лексико-грамматической структуры и прагматической направленности. Было выделено и проанализировано два основных типа коммуникативных актов позитивной и негативной реакции — коммуникативные акты согласия и несогласия.

Ключевые слова: речевой акт, позитивная реакция, негативная реакция, говорящий-слушающий.

Maslennikov I. S. The speech acts of positive and negative reaction as immanent constituents of feedback.

This linguistic research deals with speech acts of positive and negative reaction treated as an integrated lexical, grammatical and pragmatic structure. The major two types of speech acts have been highlighted and analyzed, namely acts of agreement and disagreement.

Key words: speech act, positive reaction, negative reaction, speaker-listener.

УДК 811.161.1'42

А. В. Молодыченко

**СИЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ НАЧАЛА И КОНЦА ТЕКСТА
КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА АДРЕСАТА**

*Состояние любого звена
отражается на всей цепи.*
Георгий Александров

Языковое воздействие при помощи СМИ — одна из наиболее актуальных проблем современной культуры речевого общения. Автор исследования «Русская журналистика на рубеже тысячелетий» А. А. Грабельников говорит: «СМИ стали производить тексты, с помощью которых достигается гораздо большая эффективность манипуляции сознанием и поведением людей... Обилие всевозможных, порой прямо противоположных сообщений, которые затем же и опровергаются, приводит к тому, что читатели, слушатели, зрители перестают что-либо толком понимать, знать» [1, с. 174].

Цель статьи — описать стратегии манипулирования в сильных позициях медиатекста и степень эффективности такого воздействия на адресата.

Наиболее распространенным способом воздействия на общественное сознание является языковое манипулирование. Под языковым манипулированием мы понимаем скрытое речевое воздействие на сознание, эмоции адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно содержания речи.

Проблемами, связанными с теорией манипуляции, особенностями взаимодействия адресанта и адресата, а также описанием риторических средств воздействия СМИ в разное время занимались Т. А. Ван Дейк,

Дж. Остин, Е. Л. Доценко, С. Г. Кара-Мурза, Ю. Н. Караулов, А. А. Леонтьев, А. А. Тertyчный, А. П. Сковородников, А. П. Чудинов, Г. Шиллер и др. Отдельно рассматривалась специфика газетного дискурса как текста особого рода в работах Э. В. Лазаревой, Л. М. Майдановой, Л. Н. Синельниковой, Г. Я. Солганика и др. Тем не менее, есть основания утверждать, что проблема воздействия на адресата СМИ, манипулирования его сознанием и эмоциями требует дальнейшего изучения, привлечения новых материалов.

В научной литературе термин «речевое воздействие» соотносится с понятием перлокуции, введенным Дж. Остином. Модель речевого акта, предложенная им, включает иллокуцию — намерение, установку, локуцию — произнесение высказывания и перлокуцию — результат речевого воздействия на слушающего. Необходимо отметить, что сам Дж. Остин подчеркивал, что «иллокутивный акт может состояться только тогда, когда нам удастся воздействовать на аудиторию» [2, с. 96].

Обращение к данной теме обусловлено повышенным интересом к проблеме воздействия на общество, технологии манипулирования сознанием адресатов. Специалисты по теории воздействия и манипуляции исследуют указанную проблему в разных аспектах: этическом, лингвистическом, философском, прагматическом и коммуникативном. Внимание к СМИ растет в связи с их активным участием в политической жизни общества. Широкая палитра существующих в обществе мнений, характеризующих СМИ с разных позиций, демонстрирует актуальность обращения к исследованию газетных текстов. В предлагаемой статье делается акцент на механизмах, применяемых СМИ в целях воздействия на читателя и манипулирования его сознанием и эмоциями.

Психологи отмечают, что при восприятии любой последовательности знаков срабатывает «правило края», т. е. когда начало и конец любого информационного ряда сохраняется в памяти человека лучше, чем середина. Важная роль начала и конца текста в процессе восприятия была теоретически обоснована многими исследователями. Подчеркивая особую значимость этих элементов структуры текста, И. В. Арнольд в работе «Стилистика современного английского языка» называет их «сильными позициями» [3]. В. А. Лукин отмечает, что решающее значение «сильных позиций» текста «осознаётся писателями и поэтами и является объектом их рефлексии уже с позиции получателя» [4, с. 89].

Сильная позиция — это такое место в тексте, восприятие которого наиболее эффективно с психологической точки зрения. Важным элементом для восприятия целостной структуры публицистического дискурса является начало текста.

Важность начала любой деятельности в том, что граница, отделяющая субъект действия от того, что было ранее, означает переход в новое состояние, требующее, как можно более быстрой ориентировки в

иных, новых условиях. Сведения, полученные в начале дискурса, в значительной мере определяют и планирование последующих этапов, а также их успех. Можно сказать, что и конец тоже закладывается началом. Неслучайно, правила современной журналистики предписывают наиболее важные сообщения давать в начале радио- или телепередачи.

Для современной публицистики характерна «тенденция к упрощению» [5, с. 568] подаваемой информации. Степень успешности манипуляций в значительной мере зависит от того, насколько широк арсенал используемых средств воздействия и насколько само их использование гибко и вариативно.

По словам московского исследователя Даниловой А. А., речевое воздействие на общественное сознание строится по двум основным принципам: референции и композиции [6]. Нас интересует проблема воздействия сильных позиций начала и конца, входящих в композиционный стержень любого текста.

Рассмотрим некоторые механизмы и языковые средства воздействия на сознание. В сильных позициях медиатекста — это манипуляция читательскими эмоциями. Основной принцип данного вида манипуляции выражается в иронизации, создании комического эффекта:

1. *«Судя по количеству наград и почетных званий, которые недавно раздавал президент за создание «Гетманской столицы», этот заповедник построили не в Батурине, а на Луне»* (Фокус, 6 февраля, 2009). Автор, иронизируя над президентом государства, манипулирует мнением читателя, навязывая свою точку зрения.

2. *«Если с чудесным сотворением мира Господь Бог справился за шесть дней, то у Юлии Тимошенко на формирование экономического чуда времени было гораздо больше. Она сама определила этот период, когда в декабре 2007 года взошла на премьерское кресло»* (Корреспондент, 22 марта 2008). Автор публикации, иронически сравнивая Юлию Тимошенко с Богом, сравнивает сотворение мира с формированием экономического чуда.

Широкое распространение на страницах нашей прессы получил такой прием воздействия в сильной позиции текста, как псевдоаргументация, а именно: статья начинается с анекдота, который в развлекательно-облегченной форме, с одной стороны, подготавливает к восприятию темы публикации, а с другой — развлекает читателя. Начиная с анекдота, адресант использует беспроблемный прием: развлекает, информирует и формирует оценку события.

Публикация о состоянии современного сельского хозяйства имеет такое начало: *«Наверное, вы помните «бородатый анекдот о том, как один человек пошел к ростовщику, чтоб купить что-то, стоящее два рубля; ростовщик согласился дать взаймы, но при условии возврата вместо одного рубля двух, при этом предложил визитеру отдать имевшийся у него рубль в счет процентов; идя домой, человек думал:*

Приходил занять рубль, но отдал даже свое, остался без денег, еще рубль должен, и тем не менее все правильно» (Ракурс-плюс 2008, № 14).

Конец публицистического текста, как и начало, относится к сильным позициям. Конец важен прежде всего тем, что он является единственным компонентом текста, актуализирующим категорию завершенности, целостности. Так же как и начало конец медиатекста отмечает смену деятельности и для адресата, и для адресанта. Для адресанта конец текста всегда носит интенционный характер. Интенционность завершения проистекает из авторского убеждения о том, что концепт понимания публицистического дискурса сформирован и адекватно представлен в своем развитии читателю.

Некоторые журналисты используют анекдот не только для начала публикации, но и в качестве подведения итогов, обобщения вышесказанного: *«Кстати, по этому поводу у украинцев есть злободневный анекдот. На улице стоит человек с рекламным плакатом, на котором написано: «Лечу от всех болезней». Мимо проходит сгорбленный старик и говорит: Лети, лети, от всех не улетишь»* (Корреспондент, 5 июля 2008).

Побуждение к определенному действию или его прекращению может выражаться косвенно, путем указания на ошибочность поведения. Такие высказывания часто оформляются в виде советов и предостережений: *«Что ж, пока правительство во главе с Юлией Владимировной бездействует, ценовая политика на рынках, по словам экспертов, строится самопроизвольно. Факты говорят сами за себя. Тимошенко вновь идет проторенной дорожкой. Благодаря ее «умелому» руководству 2005 год стал для Украины кризисным. Началось все с подорожания бензина, а закончилось скачком цен на мясо, сахар и хлеб. Не исключено, что и 2008 год станет таким же «переломным», как и 2005-й. Судите сами, бензин уже подорожал, проезд дорожает. И медленно, но уверенно, дорожают продукты...»* (Товарищ 2008, № 25).

Адресант настойчиво подталкивает адресата к мысли о том, что с правительством Юлии Тимошенко в 2008 году неизбежен повтор кризиса 2005-го года.

Таким образом, в основе сильных позиций медиатекста находится реализация манипулятивных стратегий, когда адресант использует скрытые возможности языка для того, чтобы навязать адресату определенное представление о действительности, сформировать нужное отношение к происходящему. Любой, в том числе и газетный текст оказывает воздействие на общественное сознание. Начало и конец являются компонентами текста, а следовательно, должны соответствовать типу текста, его виду воздействия. Поэтому нейтральные в стилистическом плане сильные позиции текста будут эффективны в информационных материалах, а стилистически отмеченные — в неинформационных.

Начало и конец как сильные позиции текста современных СМИ представляют собой развертывание повествования на новом уровне, фиксирующее существенные изменения в моделируемом образе мира.

Литература

- 1. Грабельников А. А.** Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы : монография / А. А. Грабельников. — М. : РИП-холдинг, 2000. — С. 174.
- 2. Остин Дж.** Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. Теория речевых актов. — М. : Прогресс, 1986. — С. 96.
- 3. Арнольд И. В.** Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. — 1978. — № 4. — С. 23—31.
- 4. Лукин В. А.** Художественный текст : Основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. — М. : Ось-89, 1999. — 192 с.
- 5. Завьялова О. Н.** Речевое (языковое) манипулирование // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / [под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др.] / О. Н. Завьялова. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 840 с. — С. 566—570.
- 6. Данилова А. А.** Язык СМИ: способы скрытого воздействия на сознание // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования / А. А. Данилова. — М. : МАКС Пресс, 2008. — 520 с. — С. 273—275.

Молодиченко Г. В. Сильні позиції початку та кінця тексту як засіб мовного впливу на адресата.

Стаття присвячена проблемам опису стратегій маніпулювання у сильних позиціях медіатекста. Початок та кінець тексту у сучасних ЗМІ являють собою розгортання розповіді на новому рівні, що фіксує істотні зміни у модельованому образі світу.

Ключові слова: сильні позиції тексту, мовний вплив, маніпуляція свідомістю, адресат.

Молодыхченко А. В. Сильные позиции начала и конца текста как способ языкового воздействия на адресата.

Статья посвящена проблемам описания стратегий манипулирования в сильных позициях медиатекста. Начало и конец текста в современных СМИ представляют собой развертывание повествования на новом уровне, фиксирующее существенные изменения в моделируемом образе мира.

Ключевые слова: сильные позиции текста, языковое воздействие, манипуляция сознанием, адресат.

Molodychenko A. V. Strong positions of beginning and ending of text as a method of the linguistic manipulation by addressee.

The article is dedicated to problems of description of strategies of manipulation in strong positions of mediatext. Beginning and ending of text in modern MASS-MEDIA is development of narration at new level, fixing substantial changes in designed appearance of the world.

Key words: strong positions of a text, linguistic influence, manipulation by consciousness, addressee.

УДК 811.161.1'373.45

Е. В. Грищенко

МЕНТАЛЬНОСТЬ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Ментальность является ещё одним многообразно трактуемым термином, который приобрёл мультидисциплинарную значимость, представляя интерес для многих наук: лингвистики, этнолингвистики, культурологии, межкультурной коммуникации, переводоведения, социологии, истории, антропологии, политологии, психологии, социологии, философии, педагогики.

Цель статьи — рассмотреть и разграничить понятия менталитета и ментальности, обозначить лингвокультурные проявления ментальности.

Приведём примеры словарных определений, отражающих научные подходы и интерес к понятиям ментальности и менталитета разных нелингвистических наук, в которых эти понятия не всегда дифференцируются. В **философских словарях** *ментальность* определяется как «образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы» [1, с. 265]; как «характерные особенности мышления и мирозерцания индивидов» [2, с. 137]; *менталитет* как «способность духа, совокупность основополагающих верований индивида или коллектива» [3, с. 242]. В **культурологических словарях** понятия отождествляются (*ментальность = менталитет*) — «общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создаёт картину мира и скрепляет единство культурных традиций к.-л. сообщества» [4, с. 25]. В **политических словарях** — *менталитет* — «организующий фактор, образующий особую политико-психологическую общность людей на основе такого единого для всех её членов менталитета» [5, с. 175]; представлено понятие *политического менталитета* [6, с. 244]. **Социологические словари** разделяют понятия: *менталитет* — «совокупность мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических и др.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом»; *ментальность* — «особенности умственной деятельности определённого человека, народа, нации» [6, с. 244]. В трактовке **экономических словарей** *менталитет* есть «образ мыслей,

уровень сознания, характерный для определённой общественной группы» [7, с. 454]. В психологии понятия разграничиваются: *менталитет* — «направленность и склад мышления личности, группы» [8, с. 234]; *ментальность* — «универсальная способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определённому социуму и времени» [8, с. 234]. В словарях по педагогике *ментальность* (=менталитет) представлена как «устойчивая настроенность внутреннего мира людей, сплачивающая их в социальные и исторические общности» [9, с. 173].

Общим для рассмотренных определений является то, что *менталитет* и *ментальность* характеризуются как особенности склада ума, мышления, мировоззрения и сознания, свойственные как для отдельной личности, так и для группы, коллектива и народа в целом; как общее состояние внутреннего мира людей, которое объединяет их в культурную, социальную, историческую, психологическую, политическую и пр. общность. Однако понятия *ментальности* и *менталитета* не всегда разграничиваются в современном научном знании. Более того, в вышеперечисленных дефинициях отсутствует важная и определяющая составляющая менталитета и ментальности — языковая принадлежность, которая, на наш взгляд, прежде всего, формирует общность людей как таковую, способствует образованию общей духовной настроенности в ней и отличает от других общностей. «Язык есть самое глубокое и основное выражение народного характера» (В.С. Соловьёв) [10, с. 502].

Обратимся к этимологии и толкованию этих слов. Менталитет и ментальность — от лат. корня *mens (mentis)* ум, мышление; *mentalis* умственный — «образ, способ мышления, мировосприятия личности или социальной группы» [11, с. 476]; «психология нации» [12, с. 716] — часто сопоставляются с терминами в других языках (нем. *Mentalität*, англ. *mentality*, испан. *Mentalidad*, франц. *mentalité*), которые и определяют изучение собственно менталитета (не ментальности), понятие которого есть в перечисленных языках. Русский термин «ментальность» возник на основе «менталитета», и они действительно отличаются друг от друга «составом своих содержательных форм», хотя нередко используются как синонимичные в некоторых контекстах [13, с. 11].

В определениях ментальности далеко не всегда включается языковая составляющая. Между тем, язык безусловно атрибутирует ментальность, что отражено в таких дефинициях: *менталитет* — «(нем., склад ума), ментальность; совокупность умственных навыков, духовных установок и культурных традиций, присущих отдельному человеку или человеческой общности» (Лингводидактический энциклопедический словарь; понятия не разграничиваются) [14, с. 148]; «(этнический менталитет) категория, которая отображает внутреннюю организацию и

дифференциацию ментальности, особенности ума, души, мышления; инвариант культуры или группы культур, который, как правило, не осознаётся в рамках этой культуры» (Словарь терминов межкультурной коммуникации) [15, с. 144]; «специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной группы людей» [16, с. 24]; «совокупность стереотипов восприятия и понимания действительности народом, группой, индивидом» [17, с. 45]; неразделимость и целостность «мысли и языка» [18, с. 55]; «the manner of thinking, especially the attitude toward life, society, etc., of an individual or group» (способ мышления, отношение к жизни, обществу и т.д., свойственный человеку или группе лиц) [19, с. 625]. *Ментальность* — «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка», единство менталитета и духовности; «генная память» народа [13, с. 11, 47]; система миропонимания, которая «представляет собой сложный феномен, включающий представления, понятия, образы, ценности, стереотипы поведения, выводные знания о мире и человеческих отношениях» и фиксируется в языке [20, с. 334]; «(национальная ментальность) мировосприятие личности и всего этноса в категориях родного языка, которые объединяют в себе интеллектуальные, духовные, волевые и другие качества национального характера в типичных его проявлениях» [15, с. 145].

В представленные дефиниции включена роль языкового фактора как одного из главных составляющих менталитета и ментальности. Ментальность вбирает особенности национального характера, моральные и культурные ценности, стереотипы. Специфика мировидения отражается в языке, и названные составляющие ментальности могут рассматриваться в категориях родного языка. Более того, именно язык является важным менталитетообразующим и формирующим фактором, который необходимо учитывать при классификации ментальностей. По мнению А.Т. Хроленко, «ментальность отражается в языке на уровне лексики (ключевых слов) и на уровне грамматики (категории и структуры)» [21, с. 61].

Типы ментальностей выделяются на различных социокультурных основаниях. Наиболее известной является типология, при которой разграничение базируется на принципе принадлежности к макроцивилизационным формообразованиям (Востоку, Западу, Евразии и т. д.), и, следовательно, называются восточная, западная и евразийская (российская) ментальность [2, с. 137]. Безусловно, географический принцип деления ментальностей является существенным, однако не единственным, поскольку существует ряд внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование определённого менталитета.

Называют следующие шесть факторов евразийской ментальности: православие/христианство (как определяющий фактор), природно-

климатический фактор, геополитический фактор, исторический (включая монгольское нашествие в 1237 г. и периоды социализма и коммунизма), европейские контакты, влияние англо-американского дискурса (особенно характерно для современной ментальности) [22], [18]. Перечисленные факторы мы называем однонаправленными, т. к. все они повлияли и продолжают влиять на ментальность.

Языковой фактор ментальности мы определяем как двунаправленный. Ментальность и язык взаимозависимы и взаимодополняемы: ментальность влияет на язык, и язык «развивает формы ментальности» [13]. Ментальность не может складываться вне языка, и язык не может существовать и развиваться отдельно от ментальности. Основной единицей ментальности (именно ментальности, а не менталитета) является концепт, который, будучи представленным в языке, является его ментальным репрезентантом.

Приведём в качестве подтверждения пример оппозиции «свои / свой — чужие / чужой» в коммуникативном и ментальном пространстве русского языкового сознания. Данная оппозиция является характерной для культур с высоким индексом дистанции власти [23]. Дистанция власти определяется отношениями между членами общества, обладающими большей или меньшей властью. Речь идёт о социальной и статусной, горизонтальной и вертикальной дистанции (дети — родители, учитель — ученик, преподаватель — студент, начальник — подчинённый, политик — избиратель, народ — власть и пр.). В русской коллективистской культуре индекс власти выше, что подтверждается наличием противопоставления «свои — чужие» в разных типах дискурса в русской языковой картине мира. Например, в политическом дискурсе это отношения власти и оппозиции, политиков и избирателей, народа и власти. Индивидуалистические культуры, напротив, характеризуются низким индексом власти (названная оппозиция отсутствует в английском языковом сознании). Английский политический дискурс может включать понятия политической оппозиции, политических противников, оппонентов, но противопоставление «свои / свой — чужие / чужой» в нём не представлено, т. к. дистанция между народом и властью невелика. При переводе обнаруживаются сложности, связанные с отсутствием языковых номинаций оппозиции («свой» в английском языке имеет только значение «принадлежности») — «friendly / native — alien / strange», что при обратном переводе обозначает «дружелюбный / родной — чуждый / незнакомый, посторонний», в смысловом отношении отличающиеся от оригинала. Сложности интерпретации заключаются не в языковой лакунарности (отсутствии чего-либо в языке), а напрямую отражают иное языковое и ментальное сознание. Если понятие или номинация отсутствует в культуре, сознании и ментальности, то и в языке оно представлено не будет.

В когнитивной лингвистике и лингвоконцептологии, с учётом знаний в области менталитетоведения, представлены работы по

изучению русской ментальности в категориях языка (В.В. Колесов, М.К. Голованивская, В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева и др.). Цель подобных трудов — определить, как характерные особенности русского языка отражают ментальные характеристики сознания. Появляется целый ряд понятий и терминов, таких как ментальные архетипы [13; 24], языковая модель ментальности [13], ментальное пространство [13; 25], ментальные установки [25], ментальный феномен [25], ментальные категории [26], ментальный лексикон [27], ментальные схемы, ментальные модели [28] и др. Сложность такого рода описаний заключается в следующем: 1) в объёмности понятия концепта и невозможности его абсолютного, всестороннего описания; 2) в богатстве русской концептосферы и нереальности рассмотрения всех концептов в ней; 3) в неразработанности и неисследованности других ментальных структур, характеризующих ментальное пространство и действующих в ментальных рамках русского языкового сознания.

Ментальную рамку мы определяем как особую структуру, содержащую ряд обязательных и факультативных элементов, отражающуюся в языке, мышлении и речи, включающую в себя коммуникативную, прагматическую, этическую и модальную рамки, которые в совокупности формируют представление о картине мира. Ментальная рамка является неотъемлемой частью ментального пространства, которое может состоять из нескольких рамок. В качестве примера ментальной рамки с проекцией на концепт *совместность* предлагаем следующую: *я* → *мы*. Такая ментальная рамка в ментальном пространстве обеспечивает стремление *я*-личности быть частью общества, коллектива — *мы*, демонстрирует выход на обязательную совместность. В коммуникации (в широком смысле) это проявляется в переходах от *я* к *мы*, возможно от *мы* к *я*, но в пределах рамки этих двух составляющих, в которых ключевой является тенденция *я* → *мы*. Это подкрепляется и подтверждается другими уровнями — прагматическим, этическим, модальным, психологическим, языковым (разнообразными языковыми средствами) и другими.

Таким образом, мы приходим к выводу, что *менталитет* и *ментальность* соотносятся как общее и частное, как уникальное и специфическое, как общечеловеческое и национальное. *Менталитет* — совокупность общечеловеческих ценностей; универсальная способность человеческого сознания хранить в себе определённые типизированные структуры, отличающие его от других индивидов и коллективов; национальный способ выражения и восприятия мира, выраженный средствами языка. *Ментальность* — специфическое мировидение, характеризующее индивидов конкретной культуры, отражающее и определяющее политические, исторические, религиозные, психологические, экономические, культурные и другие особенности развития определённой общности людей; субкатегория, создающая общую картину мира; особенности мышления и сознания индивидов,

отражённые в языке и свойственные индивиду или социальной группе; специфическая характеристика людей определённой культурной общности, связывающей индивидов единой языковой принадлежностью. Эти понятия являются разными по своему содержанию, однако иногда могут быть использованы как синонимичные в силу своей сложной специфики, истории появления и отсутствия одного из них в других языках.

Литература

- 1. Философский** энциклопедический словарь. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 576 с.
- 2. Бачинин В. А.** Философия. Энциклопедический словарь / В. А. Бачинин. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2005. — 288 с.
- 3. Дидье Жулиа** Философский словарь : [пер. с франц.] / Ж. Дидье. — М. : Междунар. отношения, 2000. — 544 с.
- 4. Гуревич П. С.** Ментальность, менталитет // Культурология. XX век. Энциклопедия. — Т. 2. / П. С. Гуревич, О. И. Шульман. — СПб. : Университетская книга, 1998. — С. 25—27.
- 5. Политология:** Энциклопедический словарь / [общ. ред. и сост. : Ю. И. Аверьянов]. — М. : Изд-во коммерч. ун-та. 1993. — 431 с.
- 6. Современный** словарь по общественным наукам / [под общ. ред. О. Г. Данильяна, Н. И. Панова]. — М. : Изд-во Эксмо, 2005. — 528 с.
- 7. Большой** экономический словарь / [под. ред. А. Н. Азрилияна]. — [4-е изд. доп. и перераб.] — М. : Институт новой экономики, 1999. — 1248 с.
- 8. Психологический** словарь / [авт.-сост. В. Н. Копарулина, М. Н. Смирнова, Н. О. Гордеева, Л. М. Балабанова; под общей ред. Ю. Л. Неймера]. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. — 640 с.
- 9. Коджаспирова Г. М.** Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. — М. : ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д : Изд. Центр «МарТ», 2005. — 448 с.
- 10. Соловьёв В. С.** Сочинения в 2 т. — Т. 1 / В. С. Соловьёв / [сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги ; прим. С. Л. Кравца и др.] — М. : Мысль, 1988. — 892 с.
- 11. Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М. : Изд-во Эксмо, 2005. — 944 с.
- 12. Новейший** словарь иностранных слов и выражений. — М. : ООО «Изд-во АСТ», Мн. : Харвест, 2002. — 976 с.
- 13. Колесов В. В.** Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с.
- 14. Щукин А. Н.** Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц / А. Н. Щукин. — М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. — 746 с.
- 15. Бацевич Ф. С.** Українсько-російський словник термінів міжкультурної комунікації / Ф. С. Бацевич, Г. Ю. Богданович. — Саки : ПП «Підприємство «Фенікс», 2011. — 284 с.
- 16. Стернин И. А.** Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. — Воронеж : Изд-во «Истоки», 2003. — 186 с.
- 17. Прохоров Ю. Е.** Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — [3-е

- изд., испр.]. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 328 с.
- 18. Голованивская М. К.** Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских / М. К. Голованивская. — М. : Языки славянской культуры, 2009. — 376 с.
- 19. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language.** — USA, 1993. — 1148 с.
- 20. Иная ментальность** / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачёва, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. — М. : Гнозис, 2005. — 352 с.
- 21. Хроленко А. Т.** Основы лингвокультурологии : учебное пособие / А. Т. Хроленко / [под ред. В. Д. Бондалетова]. — М. : Флинта : Наука, 2004. — 184 с.
- 22. Носикова Г. П.** Культура России. Основные проблемы становления и развития : учебное пособие / Г. П. Носикова, Р. С. Бикметов, Л. Н. Евдокимова. — Кемерово : Кемеровский институт (филиал) ГОУ ВПО «РГТЭУ», 2009. — 123 с.
- 23. Ларина Т. В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. — М. : Изд-во «Рукописные памятники Древней Руси». — 2009. — 512 с.
- 24. Сергеева А. В.** Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. — [4-е изд., испр.] — М. : Флинта : Наука, 2006. — 320 с.
- 25. Лассан Э.** Лингвистика ставит диагноз... Очерк «духа эпохи» в свете данных лингвистического анализа / Э. Лассан. — Вильнюс : Изд-во Вильнюсского университета, 2011. — 252 с.
- 26. Сепир Э.** Язык и среда / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. — С. 270—284.
- 27. Кубрякова Е. С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
- 28. Серажим К.** Дискурс як соціолінгвальне явище : методологія, архітектоніка, варіативність [На матеріалі сучасної газетної публіцистики]: монографія [за ред. В. Різуна] / К. Серажим. — К., 2002. — 392 с.

Грищенко О. В. Ментальність: лінгвокультурні вияви.

У статті розглядаються лінгвокультурні вияви ментальності. Визначаються поняття ментальності, менталітету та ментальної рамки. Мова розглядається як менталітетуотворювальний та формувальний чинник.

Ключові слова: менталітет, ментальність, ментальна рамка, мова.

Грищенко Е. В. Ментальность: лингвокультурные проявления.

В статье рассматриваются лингвокультурные проявления ментальности. Определяются понятия ментальности, менталитета и ментальной рамки. Язык рассматривается как менталитетообразующий и формирующий фактор.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, ментальная рамка, язык.

Grischenko E. V. Mentality: linguistic-cultural manifestation.

The article deals with linguistic-cultural manifestation of mentality. The notions of mentality (*mentalitet* and *mentalnost*) and mental frame are defined. Language is examined as a mentality-establishing and forming factor.

Key words: mentality (*mentalitet* and *mentalnost*), mental frame, language.

УДК 811.161.1'42+929 Аверченко

А. В. Розсоха

**МЕНА СУБЪЕКТНЫХ СФЕР
В ИРОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО**

Ролевая маска персонажа фиксируется в структуре и стилистике нарратива. Перевоплощения субъектов повествования обусловливается сменой позиции повествователя, что подтверждается активностью такого средства, как ирония.

Ироническое высказывание, как правило, — «перевернутая правда», т. е. утверждение, не соответствующее действительности. В ироническом тексте автор стремится выразить свою мысль путём отображения противоречий между реальной ситуацией и тем, как данная ситуация трактуется другими. Одна из теорий иронии описывает этот феномен как дополнительное значение высказывания, которое появляется в сознании слушателя, когда прямое значение кажется неуместным в данном контексте. Подобное толкование иронии мы обнаружили в работах Эдгара Лаппа: «Wenn jemand meint, was er sagt, hat er in aller Regel eine wörtliche Äußerung vollzogen. Wenn jemand sagt, was er meint, muß er dies im Gegensatz dazu keineswegs wörtlich tun. Er kann dazu alle Register seines sprachlichen und stilistischen Könnens ziehen. So kann er seine Gesprächspartner auf unterschiedliche Weise dazu bringen, zwischen den Zeilen zu lesen und seine Äußerung nicht wörtlich zu nehmen, etwa indem er metaphorisch, allegorisch oder scherzhaft spricht, indem er, um die Höflichkeit zu wahren, Illokutionsambiguitäten, sog. indirekte Sprechakte, den direkten Formen vorzieht oder er kann sagen, was er meint, ohne zu meinen, was er wörtlich sagt, indem er eine ironische Äußerung vollzieht»¹ [1, с. 11].

Н.А. Тэффи в рассказе «О русском языке» так пишет о мене языкового кода в зависимости от повествователя:

«Под безличным, гладким литературным языком автор прячется, отрекается от себя, говорит «объективно».

«Чуден Днепр при тихой погоде»...

Это не значит: «я нахожу, что Днепр чуден». Это значит, что он чуден, и этот факт я сообщаю.

Если же вы прочтёте восхваление Днепру, выраженное разговорным языком, то сразу увидите, кто говорит.

— Ну и Днепр, ну и речича!.. — говорил помещик, исправник, купец.

— Днепр в хорошую погоду — это сама прелесть!.. — скажет провинциальная барышня.

Если бы пришёл к вам приятель шофёр или репортёр, человек деловой и нормальный, сел, закурил папиросу и сказал:

— Вспомнился сегодня Днепр. Какая чудесная река, особенно при тихой погоде.

Ладно.

А если бы он сказал:

— Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит... — и т. д.

— Не ладно! Подумали бы, что он спятил, даже если бы Гоголя не читали и могли допустить, что это он сам так вдохновился» [2, с. 232].

Наиболее ярко речевые перевоплощения субъектов повествования представлены в художественном тексте, где автор использует речевые маски для характеристики персонажей, отображения их мировосприятия и поведения. Особый интерес в данном аспекте представляют рассказы Аркадия Аверченко, в которых автор абстрагируется от описываемых событий, старается быть максимально объективным в изображении героев и редко даёт собственную оценку тому или иному их поступку. Личности созданных Аверченко персонажей весьма колоритны, о чём свидетельствуют читательские эмоции.

Целью данной статьи является исследование способов реализации речевых масок субъектов повествования в разных по тематике и написанных в разное время рассказах Аркадия Аверченко «Кто её продал...» (сборник «Весёлые устрицы», 1910 г.) и «Сердце под скальпелем» (сборник «Рассказы для выздоравливающих», 1917 г.).

В настоящее время изучение феномена речевой маски в лингвопрагматическом аспекте актуализируется, о чём свидетельствуют работы отечественных и зарубежных лингвистов, посвящённые речевому поведению и имиджу (см., например: О.С. Иссерс [3], Ван Фушэн [4], Ж.В. Караганова [5], И.Л. Анастасьева [6]), языковой игре (см., например: В.З. Санников [7], Ганс Доменего, Кристина Нестлингер [8]), а также самим речевым маскам (см., например: А.В. Кукс [9], Е.В. Косинова [10], М.В. Шпильман [11] и др.). Многие из вышеперечисленных работ были написаны в русле исследований языковой личности, её тенденций к самовыражению и речевому перевоплощению.

Анализируя произведения Аркадия Аверченко, можно заметить, что автор использует речевые маски как основное средство создания иронии. Напомним, что исследователи выделяют разные типы иронии:

«вербальная ирония», «ситуативная ирония», «романтическая ирония» Шлегеля, «сократова ирония», «эпическая ирония» Томаса Манна и др.

В рассказах Аркадия Аверченко встречаются разные типы иронии. Так, в рассказе «Кто её продал...», написанном в жанре политической сатиры, абсурдность речевых масок героев создает ситуативную иронию. Автор показывает нелепость обвинений писателей в продажности, не критикуя и даже не пытаясь возражать против подобных нападок, а делает «добровольное признание», рассказывая, как с него «сорвали маску» и как проходил процесс «продажи родины»:

«Совсем недавно беспощадный ослепительный прожектор «Русского знамени» перешел с газет на частных лиц, попал на меня, осветил все мои дела и поступки и обнаружил, что я, в качестве еврействующего журналиста, тоже подкуплен и продаю свою отчизну оптом и в розницу, систематически ведя её к распаду и гибели.

Узнав, что *маска с меня сорвана*², я сначала хотел было увернуться, скрыть свое участие в этом деле, *замаскировать* как-нибудь те факты, которые вопиюще громко кричат против меня, но ведь все равно: рано или поздно все выплывет наружу, и для меня это будет еще тяжелее, еще позорнее.

Лучше же я расскажу все сам» [12, с. 33].

Надев маску «раскаявшегося», Аверченко использует все возможные стилистические и лексические средства, чтобы продемонстрировать читателю несуразность описываемой ситуации:

«Два господина вошли и, подозрительно оглядев комнату, поздоровались со мной.

— Чем могу служить?

— Я — прикомандированный к японскому посольству маркиз Оцуца.

— А я, — сказал блондин, небрежно играя финским ножом, уполномоченный от финляндской революционной партии «Войма». Моя фамилия Муляйнен.

— Я вас слушаю, — кивнул я головой.

Маркиз толкнул своего соседа локтем, нагнулся ко мне и, пронзительно глядя мне в глаза, прошептал:

— Скажите... Вы не согласились бы продать нам Россию?

Мой отец был купцом, и у меня на всю жизнь осталась от него наследственная коммерческая жилка.

— Это смотря как... — прищурился я. — Продать можно. Отчего не продать?.. Только какая ваша цена будет?

— Цену мы дадим вам хорошую, — отвечал маркиз Оцуца. — Не обидим. Только уж и вы не запрашивайте.

— Запрашивать я не буду, — хладнокровно пожал я плечами. — Но ведь нужно же понимать и то, что я вам продаю. Согласитесь сами, что это не мешок картофеля, а целая громадная страна. И притом — нужно добавить — горячо мною любимая» [12, с. 34].

Контрастные стилистические средства в тексте рассказа свидетельствуют о смене в ходе повествования речевых образов субъектов повествования — «маска продажного писателя», навязанная автору жёлтой прессой, меняется на ироничную маску «купца», расхваливающего свой товар, чтобы продать его подороже. Заметим, что сами персонажи рассказа неправдоподобны: маркиз — это западноевропейский дворянский титул, который никак не соотносится с сотрудником японского посольства, а «уполномоченный» не должен «небрежно играть» финским ножом. Серьёзно-официальное описание процесса купли-продажи («два господина вошли и, подозрительно оглядев комнату, поздоровались», «маркиз нагнулся ко мне и, пронзительно глядя мне в глаза, прошептал», «хладнокровно пожал я плечами») диссонирует репликам «купца», насыщенным лексикой и грамматическими конструкциями, присущими речи уличных торговцев («Продать можно. Отчего не продать?», «Только какая ваша цена будет?»), ироническому сравнению («не мешок картофеля, а целая громадная страна»), а также, казалось бы, совершенно неуместному в данном контексте определению «горячо мною любимая (страна)», в котором мы видим истинное лицо автора, лицо без маски. Вырвавшееся из глубины души определение «горячо мною любимая» звучит как оксюморон теме «продажи родины», подчёркивая надуманность и беспочвенность обвинений, предъявляемых автору.

Использование речевых масок как средства создания иронии в прозе Аркадия Аверченко полифункционально. Если в анализируемом выше рассказе авторская позиция эксплицирована, а гневно-ироническое отношение к затрагиваемому вопросу вполне очевидно, то в ряде других рассказов автор изображает героев, которые искренне верят в то, что они говорят. Причём автор занимает нейтральную позицию или даже поддерживает своих героев, но никак не выражает своего отношения к ним, даже на ситуативно-ассоциативном уровне.

Так, в рассказе «Сердце под скальпелем» описываются попытки молодого человека обратить на себя внимание дамы-попутчицы. В первой части рассказа опытный «волокита» рассказывает молодому человеку о шести способах покорить женщину и, не успев рассказать о последнем — седьмом, сходит с поезда на станции. Во второй же части автор пытается применить свои знания на практике: «— Пожалуй, Волокита ошибся, — подумал я. — Четвёртым номером с ней ничего не сделаешь. Очевидно, это тонкий, культурный интеллект, который поддастся разве только на номер шестой.

— Послушайте, — спросил я, глядя вдаль загадочным взором. — Вам не кажется странным, что судьба свела нас вместе?

Она пожала плечами.

— О, Господи! Мало ли с кем приходится ехать в пути.

— Нет, нет! — возразил я глухим голосом. — Вы знаете, что такое Ананке?

— Станция?

— Нет-с, не станция. Это — судьба, рок. По-гречески. Ни один человек не избежит Ананке. И вот, знаете ли вы (наклонившись к ней, я пронзительно заглянул ей в лицо), знаете ли вы, что у меня есть способность прозревать будущее: Ананке свела нас, и эта встреча будет для вас очень важной... Да-с. Решающей на всю жизнь. Сопротивляться? Бежать? Ха-ха-ха! Не поможет! Не-ет-с, голубушка, не отвертитесь...

— Послушайте!..

— Нет, вы послушайте. Слышите, как наверху гудит таинственный колокол: «Поздно! Поздно!»

— Что вы такое там болтаете, навязчивый человек? — вскричала она с заметным нетерпением. — Предупреждаю, что, если вы позволите что-нибудь лишнее, я вас так отделаю, что долго не забудете.

«Какой трудный случай», — подумал я. И досада охватила мое сердце.

«Если ты способна на драку, то и первый номер для тебя хорош», — решил я, мужественно бросаясь в атаку.

— Сударыня! — сказал я. — Жизнь прекрасна, пока мы молоды. Нужно торопиться ловить моменты счастья и, вообще... гм!.. Мы оба молоды, прекрасны — почему бы нам и не быть счастливыми? Вы скажете — «это грех!» Какой там грех, ведь, рая-то нет, а жизнь-то, она не ждет!

— Вы просто глупый, развязный нахал и больше ничего, — неожиданно сказала дама и злобно отвернулась к окну.

Тут и меня разобрала злость. «Видно, матушка, подумал я, тебе захотелось попробовать номера второго?!»

Я сбросил с себя маску галантного человека, засунул руки в карманы, откинулся на спинку дивана, положил ногу на ногу и, прищурившись, процедил:

— Ну, довольно, миленькая моя! Терпеть не могу, когда ломаются. Покуражилась, и довольно! Ведь вы на нашего брата, мужчину, летите — ха-ха! — как мухи на мед. Кажется, я тебя раскусил — мы с тобой одного поля ягоды! Поцелуй-ка меня, пока я тебя не поколотил, как следует! А если что, так ведь я придушить тебя могу. Го-го! Не впервой» [13].

В данном отрывке субъект повествования перевоплощается трижды: сначала он надевает маску «рокового незнакомца», потом — «простоватого и жизнерадостного гуляки» и «ошеломляюще грубого нахала». Авторское повествование ведётся от первого лица, что приближает читателя к описываемым событиям. Каждая из масок представлена очень ярко на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. Речь первой маски характеризуется особым лексическим оформлением («способность прозревать будущее», «решающая на всю жизнь (встреча)», «гудит таинственный колокол»). На синтаксическом уровне обращает на себя внимание чередование

сложных распространённых предложений, характерных для книжного стиля, и односоставных вопросительных предложений, передающих динамику разговорного стиля («...знаете ли вы, что у меня есть способность прозревать будущее: Ананке свела нас, и эта встреча будет для вас очень важной... Да-с. Решающей на всю жизнь. Сопротивляться? Бежать?»), что создаёт прерывающийся ритмический рисунок при чтении и эффект неожиданности. Элемент иронии появляется в тексте, когда дама предполагает, что Ананке — это станция, и таким простым предположением разрушает всю драматичность речи молодого человека.

Вторая речевая маска — полная противоположность первой: ряд довольно коротких восклицательных предложений с положительной эмоциональной окраской («жизнь прекрасна», «нужно торопиться» и т.д.). Настолько резкая перемена тона заставляет читателя воспринимать ситуацию иронически. Необходимо подчеркнуть, что автор сам употребляет термин «маска», когда в тексте появляется образ циничного нахала: «Я сбросил с себя маску галантного человека...». Данная речевая маска наиболее ярко выражена на лексическом уровне: фривольное обращение «миленькая моя» (резкий контраст с галантным обращением «сударыня» во второй маске), обращение на «ты» («Кажется, я тебя раскусил»), использование разговорной лексики («Покуражилась, и довольно», «Не впервой» и др.).

В отличие от рассказа «Кто её продал...», где авторское «я» не скрыто под маской, а ирония возникает как результат несоответствия характера ситуации речевым маскам персонажей, в рассказе «Сердце под скальпелем» ирония достигается резкой сменой речевых масок субъектов. Калейдоскоп речевых масок усиливает к концу рассказа ироническое восприятие главного героя, который в отчаянии пытается использовать все маски сразу: «Я сделал вид, что вынимаю из жилетного кармана часы, и вместе с часами вынул сложенное вчетверо письмо, которое сейчас же упало на пол.

— Ах, — сконфуженно сказал я. — Письмо! Ради Бога, не дотрагивайтесь до него. Его нельзя читать... Гм! Уверяю вас, что я этой женщины не знаю. Мало ли кто и что захочет мне писать. Если бы это писал я, а за других я не отвечаю. Нет, ни за что я не дам вам его прочесть!

Я схватил письмо и изорвал, хотя дама не выражала никакого поползновения «ревниво схватить и прочесть оброненное письмо».

Наоборот, она медленно встала и потянулась за своим саком, приговаривая:

— О, Господи, какой кретин! Какое невероятное дерево!

— Позвольте, я вам помогу!

— Не надо!

— Еще раз спрашиваю вас: знаете, что такое Ананке? Уходите? Сударыня, жизнь коротка, и нужно ловить... Нет, ты меня поцелуешь, или удар ножом образумит тебя, негод...» [13].

Кульминация наступает в конце, когда главный герой вновь встречается с волокитой-учителем и узнаёт от него секрет «седьмого номера». В ходе повествования читатель понимает, что каждый последующий «номер» сложнее и утончённее предыдущего, так что простота и грубость «седьмого номера» рушит все ожидания читателя: «Ради Бога! Умоляю! — взревел я, высовываясь чуть не по пояс из окна. — В двух словах!

Однако он не успел сказать мне и одного слова. Наоборот, откинулся вглубь вагона, и только рука его, высунувшись из окна, завертелась во все стороны.

Я всмотрелся: между большим и указательным пальцем Волокитиной руки была зажата какая-то вещица, очень похожая на золотую монету» [13].

Авторское отношение к происходящим в рассказе событиям не обозначено. Автор не снимает с себя маску «простодушного обывателя», стремясь подчеркнуть своё единение с адресатом, оставляя читателю возможность размышления и самостоятельной оценки описанной ситуации.

Даже краткий анализ двух выбранных разных по тематике и времени создания рассказов позволяет заметить, что речевые маски субъектов повествования в прозе Аркадия Аверченко являются ключевым элементом создания иронического текста. При этом ирония имеет совершенно разные векторы противопоставления: «речевая маска — ситуация», «речевая маска — контекст», «речевая маска — речевая маска». Разнообразие речевых масок в ироническом дискурсе А. Аверченко предполагает дальнейшее изучение авторского текста в этом аспекте на более широком материале.

Литература и примечания

- 1. Edgar Lapp.** Linguistik der Ironie / Edgar Lapp. — Tübingen : Narr, 1997. — 189 S.
- 2. Тэффи Н. А.** О русском языке // Тэффи. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 12 / Н. А. Тэффи. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — С. 231—234.
- 3. Иссерс О. С.** Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. — 1999. — № 1. — С. 74—79.
- 4. Wang Fusheng.** On the Speech Image of Reporter Hosts // Applied Linguistics (Yuyan Wenzhi Yingyong) / Fusheng Wang. — 2005. — № 3. — P. 94—97.
- 5. Караганова Ж. В.** Экранный образ телевизионного журналиста (Закономерности формирования) : дисс. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Ж. В. Караганова. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/92902.html>.
- 6. Анастасьева И. Л.** Театральность как поведенческая семантика в произведениях Н. Н. Евреинова // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация / И. Л. Анастасьева. — 2009. — № 3. — С. 43—48.
- 7. Санников В. З.** Лингвистический

эксперимент и языковая игра / В. З. Санников // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — 1994. — № 6. — С. 36—42. **8. Domenego Hans, Nöstlinger Christine.** Das Sprachbastelbuch / Hans Domenego, Christine Nöstlinger. — Wien : J&V, 1996. — 256 S. **9. Кукс А. В.** Функционирование «речевой маски» в юмористическом выступлении / А. В. Кукс // Вестник Томского государственного университета: Общенаучный периодический журнал. — 2010. — № 330. — С. 17—20. **10. Косинова Е. В.** Коммуникативная стратегия «речевая маска» и перевоплощённая языковая личность: сходства и различия // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии / Е. В. Косинова. — 2010. — № 4. — С. 21—25. **11. Шпильман М. В.** Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких) : дисс. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / М. В. Шпильман. — Режим доступа к ресурсу : <http://publ.lib.ru/ARCHIVES/SH>. **12. Аверченко А.** Кто её продал... // Аркадий Аверченко. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 20 / А. Т. Аверченко. — М. : Изд-во Эксмо, 2002. — С. 33—37. **13. Аверченко А.** Сердце под скальпелем // Викитека [Электронный ресурс] / А. Аверченко. — Режим доступа к ресурсу : <http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%>.

¹Когда мы имеем в виду то, что мы говорим, мы, как правило, используем буквальный смысл высказывания. Однако когда мы хотим сказать то, что имеем в виду, мы далеко не всегда можем быть прямолинейными. Мы скорее будем использовать все наши речевые регистры и знания стиля, чтобы не показаться грубыми и в то же время подготовить собеседника и заставить его понять не только буквальный смысл нашего высказывания. В данном случае мы будем отдавать предпочтение метафорической речи, аллегории, шуткам, двусмысленным высказываниям и даже косвенным речевым актам. Но можно сделать утверждение, противоположное тому, что мы имеем в виду, то есть воспользоваться иронией (перевод с нем. наш. — А. Р.).

²Здесь и далее курсив наш. — А. Р.

Розсоха А. В. Міна суб'єктних сфер в іронічному дискурсі Аркадія Аверченка.

Рольова маска персонажу фіксується в структурі й стилістиці нарративу.

У статті аналізуються мовленнєві перевтілювання суб'єктів оповідання, зумовлені зміною оповідача, розглядаються засоби створення мовленнєвих масок та їх функції в іронічному дискурсі Аркадія Аверченка.

Ключові слова: іронічний дискурс, мовленнєва маска, Аркадій Аверченко.

Розсоха А. В. Мена субъектных сфер в ироническом дискурсе Аркадия Аверченко.

Ролевая маска персонажа фиксируется в структуре и стилистике нарратива.

В статье анализируются речевые перевоплощения субъектов повествования, обусловленные сменой повествователя, рассматриваются средства создания речевых масок и их функции в ироническом дискурсе Аркадия Аверченко.

Ключевые слова: иронический дискурс, речевая маска, Аркадий Аверченко.

Rozsokha A. V. The change of subjective spheres in the ironic discourse of Arkady Averchenko.

The role mask of the character is fixed in the narrative structure and stylistics. The article analyses speech transformations of the narration subjects caused by the change of the narrator, reviews the means of creating speech masks and their functions in the ironic discourse of Arkady Averchenko.

Key words: ironic discourse, speech mask, Arkady Averchenko.

УДК 811.161.1'42:32

Е. А. Унукович

ЛИСТОВКА КАК СЖАТЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Статья посвящена исследованию жанровых и лингвистических особенностей листовки как сжатого политического текста.

Целью данной статьи является описание языковой структуры листовки.

Материалом исследования послужили тексты листовок периода выборов власти в органы местного самоуправления г. Луганска в 2010 году.

Листовка — один из жанров политической коммуникации, строящийся по законам PR: презентация партии, её лидера в положительном свете с целью повлиять на общественное сознание и побудить определённый сегмент общества, электорат действовать в нужном направлении. Листовка — это комбинированный PR-текст, содержащий информацию о базисном субъекте политических коммуникаций (партии, движении или персоне), служащую целям позиционирования, приращения публичного капитала данного субъекта PR [1, с. 227].

Листовка обычно печатается на одной стороне листа (двусторонняя листовка называется прокламацией) чаще формата А 4 и предназначена для прямого распространения среди целевой аудитории путем расклейки, раздачи «из рук в руки» или адресного почтового распространения [1, с. 227]. Задача листовки — кратко и доступно донести до избирателя доводы в поддержку кандидата.

Листовка — это недорогое, оперативное, обладающее большим потенциалом творческого самовыражения средство ведения предвыборной борьбы. Это «визитная карточка» кандидата.

Текстовая структура листовки может содержать следующие компоненты: фамилию, имя, отчество; фотографию кандидата; краткую биографию; идеологические маркеры («за кого, за что?», «против кого, чего?»); программу кандидата; лозунги и призывы, побуждающие к определенным действиям; указание уровня компетентности и квалификации; рассуждения о том, почему данный кандидат лучше других, критику соперников; избирательный округ; информацию о контактных телефонах кандидата, его штаба, его доверенных лиц; адрес общественной приемной; выходные данные листовки.

Дополнительную визуальную информацию, влияющую на интеллектуальные каналы восприятия, в листовку привносит общий дизайн и формат, цветовое решение, размер и вид основных шрифтов, качество бумаги, на которой напечатана листовка.

По способу передачи содержания информации выделяют несколько типов листовок: настенные, листовки-прокламации (двусторонние) и плакаты. В группе листовок-прокламаций выделяют сигнально-информативные листовки — вид листовок небольшого, нестандартного формата со сверхмалым объемом агитационного текста, соединенных с какой-либо значимой для избирателя дополнительной информацией (расписание движения транспорта, справочные материалы — телефонный справочник по региону, телефоны служб администрации и т. д.). Такие листовки имеют следующие преимущества: дополнительная информация, содержащаяся в листовках, актуализирует имидж кандидата, и, как правило, их сразу не выбрасывают [1, с. 228].

По содержанию выделяют два типа листовок: презентационную и агитационную (причем, агитировать можно как за, так и против какого-либо кандидата / партии). Презентационная листовка должна рассказать о том, кто такой кандидат и зачем он нужен избирателям данного округа, могут быть перечислены его ценные качества, обязательным компонентом такой листовки является биография кандидата. Структура агитационной листовки включает такие обязательные компоненты, как обращение к избирателю, элементы программы, призыв к избирателю.

Презентационная листовка представляет кандидата общественности и предполагает модус индикативности, а агитационная — призывает голосовать за кандидата или не голосовать и предполагает модус императивности.

Структура предвыборного текста играет важную роль в формировании положительного образа кандидата. Первостепенную роль в установлении контакта с аудиторией играет вступление. Вступление включает: обращение, краткие биографические сведения о кандидате, информацию о политической ориентации (идее) партии, которую он

представляет, обоснование причин, по которым кандидат баллотируется и др.

Важная роль в установлении контакта принадлежит обращению. Типично нейтральные обращения: «Уважаемые избиратели!» Обращения «Дорогие земляки! Мои избиратели!» (кандидат в мэры г. Луганска Владимир Струк); «Уважаемые ЛУГАНЧАНЕ! Дорогие ЗЕМЛЯКИ!» (кандидат в депутаты от Партии місцевого самоврядування) и «Дорогие луганчане!» (кандидат в депутаты городского совета Мельник Валерий Васильевич) — попытка вхождения в личную сферу избирателей, чему способствуют притяжательные местоимения, обладающие семантикой совместности, и слова, формирующие представление об общих с избирателем ценностях (патриотизм, землячество и под.). Обращение «Дорогой друг!» (листовка партии «Новая политика») нельзя считать удачным: подобное обращение — неоправданная демонстрация близости с аудиторией, опережающая оценка её отношения к кандидату.

Языковой компрессии в листовке, на наш взгляд, способствуют два фактора. Первый связан с характером прагматической рамки: чем больше охват аудитории (а анализ обращений указывает на то, что политикам удобнее обращаться к широкой аудитории), тем меньше должен быть текст. Здесь расчёт на быстрое, без напряжения, понимание информации и на доверие к лаконичности доводов. Второй стимулирующий краткость мотив имеет отношение к категории времени: все обещания кандидата имеют отношение к будущему, говорить о котором пространно бессмысленно. Футурологический параметр не предполагает описания событий, он даёт право только на сжатый перечень предполагаемых действий и на общую, естественно, положительную, оценку их результата.

Биографические сведения о кандидате могут даваться как общим блоком, так и с делением на трудовую и общественную деятельность. Например, листовка Финикопуло Евгения Дмитриевича, кандидата в депутаты районного совета. *Родился 26 августа 1968 года в семье служащих. Образование высшее, окончил Ворошиловградский машиностроительный институт. С 1987 по 1989 год проходил срочную службу в Закавказском военном округе Советской Армии. С 1992 года работал в Восточно-Украинском национальном университете им. Даля инженером-конструктором кафедры электромеханики научно-исследовательской части. С 2004 года перешел в частный бизнес. С 2008 года руководитель предприятия ООО «КПФ «Паре», занимающегося промышленными энергосберегающими технологиями. Женат, имею сына. Мастер спорта Украины, неоднократный призер чемпионатов мира по радиоспорту. Член партии «Сильная Украина» с января 2010 года.*

В листовке можно встретить обоснование причин, по которым кандидат баллотируется. Например, в листовке Галичина Алексея

Ивановича, кандидата в депутаты городского совета от партийной организации «Союз Левых Сил»: *Прошу Вас оказать мне большое доверие, проголосовав за мою кандидатуру, тем самым поверить в мои серьезные намерения сменить лозунги и обещания на реальные преобразования к лучшему. Со своей стороны обязуюсь честно и добросовестно выполнять свои обязанности, быть доступным в любое время, уметь слушать, понимать и приходить на помощь. <...> У Вас, уважаемый избиратель, может возникнуть вопрос: зачем это мне надо, и какую я цель преследую лично, баллотируюсь в депутаты, на это я отвечу откровенно: став Вашим избранником, у меня появится возможность самореализации, то есть проявить себя в обществе применив свои таланты, знания и способности, которые в наше время «кумовства», «блата» и «мешка денег» без Вашей помощи реализовать невозможно.*

Кандидат в депутаты районного совета от Коммунистической партии Украины Алёшников Вячеслав Васильевич обратился к избирателям необычным для данного жанра политических текстов способом — собственноручно написанным стихотворением. *В депутаты рвутся лидеры, / Как святые стремятся в рай — / Лишь изберем: «Они нас видели!» / Тогда уж поздно кричать: «Вай, вай!!!» / Люди, добрые! Вы подумайте! / За кого Вам свой голос отдать, / В списках бюллетеня достойного выберите, / Чтоб пять лет не страдать!* Далее кандидат продолжил прозой: *Моя цель, как человека, которому не безразлична судьба, интересы и проблемы жителей — служить трудовому народу нашего округа. Имея жизненный и практический опыт работы, я неравнодушный человек ко всему происходящему, считаю, что обладаю необходимыми знаниями, смелостью и поддержкой, чтобы отстаивать права всех жителей нашего округа на достойном уровне.*

Некоторые кандидаты обходятся без обращения и вступительной части, сразу приступая к изложению своей программы.

Во многих листовках, содержащих предвыборную программу, можно встретить прием «**кластеризации**». Происходит дробление программы на небольшие части, каждая из которых привязывается к интересам конкретного слоя избирателей. Например, листовка кандидата в мэры г. Луганска Сергея Кравченко. *Я ГАРАНТИРУЮ / строительство доступного жилья для луганчан / комплексный ремонт многоэтажных домов / работу коммунального транспорта на всех маршрутах / реконструкцию и строительство дорог / эффективную систему скорой медицинской помощи / место в детском саду каждому ребенку / строительство ледового дворца и двух плавательных бассейнов.*

Листовка Партії місцевого самоврядування: *Первостепенные задачи: обеспечить луганчан бесплатной питьевой водой (строительство бьюетов в густонаселенных микрорайонов, дворах и поселках города); искоренить безответственность и*

бесхозяйственность, остановить коррупцию в органах местной власти; навести порядок в ЖКХ города. Качество должно быть выше, а тарифы ниже! В наших квартирах должно быть тепло, в подъездах чисто, во дворах и на улицах светло и уютно; обновить автопарк троллейбусов и трамваев, создать автобусное коммунальное предприятие. Решить вопрос перевозки пассажиров-льготников. Улучшить городские маршруты; открыть в округе социальную аптеку, социальный магазин для обеспечения горожан товарами по доступным ценам; обеспечить необходимое финансирование социальных учреждений – школ, больниц и пр.; развивать молодежное строительство; восстановить спортивные секции и тематические клубы для молодежи.

Встречается и прием **цитирования**. Например, листовка кандидата в депутаты городского совета от Социалистической партии Валерия Мельника. *Моя гражданская позиция ярко выражена в строках А. С. Пушкина: «Владыки! Вам венец и трон / Дает закон — а не природа. / Стоите выше вы народа, / Но вечный выше вас Закон!»*

С цитированием тесно связано использование прецедентных текстов. По Ю. Н. Караулову, прецедентный текст — это текст, значимый в познавательном и эмоциональном отношении, т. е. текст, хорошо известный окружению этой личности. Прецедентные тексты — тексты различной длины и жанровой направленности, представляющие собой точную или видоизмененную цитату, разного рода отсылки к названию, сюжету или персонажам с названным или не названным первоисточником. Например, название листовки *«Десять заповедей Кривобокова Владислава Анатольевича»* отсылает нас к Божьим Заповедям, однако содержание этих заповедей не соответствует содержанию первоисточника. Возможно, такой отсылкой к названию автор листовки пытается показать особое отношение кандидата верующим людям и тем самым привлечь определенную часть электората.

В листовке Чумаченко Александра Николаевича, кандидата в депутаты районного совета от партии «Новая политика» встречаем преобразованную поговорку: *чиновник должен организовывать свой труд так, чтобы сани были готовы летом, а снег не был для него всегда неожиданностью.*

Прием **«наш человек в толпе»** направлен на создание иллюзии широкой общественной поддержки данного кандидата или партии. Например, листовка: *У нас есть депутат! Никто не расскажет о работе депутата лучше, чем люди, живущие на его избирательном округе.* Далее пять жительниц квартала Пролетариата Донбасса рассказывают о делах и человеческих качествах кандидата в депутаты районного совета от «Партии регионов» Василия Тарасюка. Или листовка: *О нас говорят люди, и наши дела* (кандидат в депутаты городского совета Игорь Бразовский). В качестве аргумента приводится

мнение известных в стране людей — Анны Герман, атамана Луганского округа союза казачьих организаций и др.

Прием «Враг народа».

<...> *Во-вторых, для Вас дорогие мои земляки не секрет, что сегодня все телеканалы и почти все газеты принадлежат олигархическим каналам. Социалисты не продались олигархам и, поэтому, в угоду крупному капиталу, и была недавно развернута грязная кампания против социалистов, а наш вклад в дело защиты интересов всех наемных работников, рабочих и служащих, крестьян, учащейся молодежи, пенсионеров и особенно детей войны — нагло замалчивается.* <...> *В любом случае, призываю Вас, мои дорогие земляки, — не поддавайтесь на мелкие предвыборные подачки «жирных котлов», сделанные на украденные у Вас же деньги. После выборов Вы больше не увидите этих «благодетелей». Их цель одна — личное обогащение. Я верю в Вашу мудрость, порядочность и дальновидность!* (кандидат в депутаты городского совета от Социалистической партии Валерий Мельник).

Наш двор чужим не верит!.. Пришло время «Новой политики»! (листовка политической партии «Новая политика»).

Но городские власти предпочитают отмалчиваться, цинично продолжая делить землю и пилить бюджет (кандидат в депутаты городского совета то Партии Зеленых Украины Андрей Дегтяренко).

Суггестивные качества листовочных текстов проявляются в разного вида повторах, замещении и эллипсисе.

Самым простым из повторов является **прямой повтор** — употребление того же слова или словосочетания в обоих компонентах сложного предложения. *Ответственность, еще раз ответственность — залог стабильности и благополучия* (кандидат в депутаты районного совета от партии «Сильная Украина» Евгений Финикопуло). *Мэр Гуславский — личный мэр каждого луганчанина.* <...> *Мы переводим ЛУГАНСК на новое время! Время нового мэра, время луганчан!* (кандидат в мэры г. Луганска Владимир Гуславский)

Парадигматическая замена. Слово при повторном употреблении может изменить свою форму, но оно обязательно будет входить в одну парадигму с исходным словом — грамматическую (формальную) или в лексическую (семантическую). В первом случае оба слова (словоформы) имеют общий корень (кроме случаев супплетивизма). Во втором — это разнокоренные слова. *Власть, избираемая народом, должна служить только интересам народа!* (кандидат в депутаты городского совета).

Эллипсис — это грамматико-стилистическая фигура, заключающаяся в пропуске какого-либо подразумеваемого члена предложения. Пример из листовки: *Только совместными усилиями мы сможем реализовать наши планы. Поэтому слово за Вами, уважаемые избиратели! Я — за профессиональную и действительно народную власть на местах. А ВЫ?* (кандидат в депутаты районного совета от

партии «Новая политика»). Использование эллипсиса придает высказыванию динамичность, выразительность и интонацию живой речи.

Заключительная часть большинства листовок содержит призыв к избирателям сделать правильный выбор: *Я верю в Вашу мудрость, порядочность и дальновидность* (кандидат в депутаты городского совета Валерий Мельник); призыв поддержать / не поддержать кандидата / партию: *Голосуем за новое поколение политиков!* (кандидат в мэры г. Луганска Александр Холопов); *Пришло время «Новой политики»* (партия «Новая политика»); призыв вместе изменить жизнь к лучшему: *Иди голосовать с нами! Используй шанс сделать себе хорошо!* (кандидат в мэры г. Луганска Владимир Гуславский).

Таким образом, текстовыми приемами организации листовки является ее структура, цитирование, прецедентные феномены, приемы «кластеризации», модели «наш человек в толпе», «враг народа», использование разных видов повторов. Текст листовки повышено информативен, обладает такими признаками сжатого текста, как языковая компрессия, лаконичность.

Литература

1. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривонос. — [2-е изд., доп.]. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. — 288 с. **2. Маслова В. А.** Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 272 с.

Унукович Е. А. Листовка как сжатый политический текст.

В статье автор рассматривает листовку как сжатый политический текст. Описывает основные признаки и текстовые приемы организации листовки.

Ключевые слова: листовка, сжатый текст, языковая компрессия.

Унукович К. А. Листівка як стислий політичний текст.

У статті автор розглядає листівку як стислий політичний текст. Описує основні особливості та текстові засоби організації листівки.

Ключові слова: листівка, стислий текст, мовна компресія.

Unukovich K. A. Leaflet as a compressed political text.

In the article the author examines a leaflet as a compressed political text and describes the main features and text methods of the leaflet lay out.

Key words: leaflet, compressed text, language compression.

УДК 811.161.1:142

Чжоу Хунвей

**ОБРАЗНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ *СЕРДЦЕ* И *ДУША*
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX — XX ВЕКОВ**

Тропы, в состав которых входит слово *сердце*, группируются в определенные семантические совокупности — образные параллели. Рассмотрим наиболее распространенные из них. Анализ семантических отношений между членами образных параллелей позволяет говорить о процессах эволюции поэтического языка и поэтической картины мира.

В поэзии XIX века очень активна образная параллель *сердце* — *струна*, *арфа*, *скрипка*, *рояль*. Можно встретить метафоры *струны сердца*, *струны души* (у М. Лермонтова, А. Майкова, А. Фета). Эти тропы используются и в XX веке: *Рыдайте, сорванные струны Души моей* (А. Белый); *Дрожит сердечко, как струна У арфы дивной, сладкозвучной: Она впервые влюблена; поет сердечко, как струна* (И. Северянин); *И нестерпимо и неустанно Сердце гудит, как тугая струна* (В. Луговской). Возникает уподобление *сердца* и *души* музыкальному инструменту. Приведем примеры развития этого ряда тропов: *Моя душа, печальная виола* (В. Брюсов); *Душа — семиструнная лира* (А. Белый); *И ветры, с грустною истомой Все дуют в дудочку души* (Б. Окуджава). Часть тропов повторяется: *струны напряженной, как арфа, души* (А. Блок); *Душа, как арфа* (И. Северянин).

Образное сопоставление *сердце*, *душа* — *ткань* имеет разные проявления. С одной стороны: *И бездыханная, как полотно, Душа висит над бездною проклятой* (О. Мандельштам); *И трепещет сердце, Как легкий флаг на мачте корабельной, Между воспоминаньем и надеждой...* (В. Ходасевич); с другой: *Сердце изношено, как синие брюки Человека, который носит кирпичи; Душа, словно мокрый слинявший чулок* (С. Черный).

Образная параллель *сердце*, *душа* — *храм*, распространенная в XIX — начале XX века, в более позднее время вытесняется.

Образ *сердце*, *душа* — *птица* имеет устойчивый характер. Распространенный в поэзии XIX века, он переходит в поэзию XX века.

Уподобления *сердца* *птице* входят в широкий круг тропов. Очень активны сравнения с глаголами *встрепенуться*, *трепетать*, *трепыхаться*, *метаться*, *биться*, *бить*, *дрожать*, *прыгать* и др.: *И птицей сердце затрепещется, Чтоб вновь упасть, узнав обман* (Вяч. Иванов); *Сердце, словно птица раненая, Так же бьется, как тогда* (В. Брюсов); *Сердце бьется, как птица в руке* (Н. Гумилев); *И сердце бьется раненою птицей, Когда начну свою статью читать* (В. Высоцкий); *Иль это в груди Слово птица колотится в клетке?* (П. Антокольский); *Сердце, взвейся, как легкая птица* (А. Блок); *Возьми,*

улетит, мое сердце, Как птица, На милый порог (В. Луговской); *Сердце бьется, как птица томится — То вдали закружилась она — В легком танце, летящая птица, Никому, ничему не верна...* (А. Блок); *Как пойманную птицу — сердце Несу к тебе, с одной тревогой: Как бы не отняли мальчишки, Как бы не выбилась — сама!* (М. Цветаева).

Очень распространены перифразы (особенно в поэзии XX века): *Сердце — легкая птица забвений В золотой пролетающий час* (А. Блок); *<...> сердце — летящая птица...* (А. Блок); *И сердце — обезумевшая птица — В немой мольбе Пусть из груди — разорванной темницы — Летит к тебе* (А. Белый).

Сердце может уподобляться *птичке*. Так, сравнения с глаголами: *Везде прекрасен божий свет. Отечества для сердца нет! Оно насилья не боится, Как птичка вырвется, умчится* (М. Лермонтов); *<...> сердце мое встrepенулось, Как птичка навстречу весны* (Я. Полонский); *И сердце мертвое, мне данное судьбой, Из рук твоих смиренно принимаю, Как птичку серую, согретую тобой* (М. Волошин).

Сердце может уподобляться *орлу, соколу*: *<...> сердце сильно забилося, как орел в железной клетке* (Ю. Лермонтов); *Тверже стали, орлиного когтя Безнадежное сердце* (И. Бунин); *Недвижно сердце было в нем, Как сокол, на скале морской Сидящий позднею порой* (Ю. Лермонтов). Сравнение с глаголом (*сокол — биться*): *С сердцем, бьющимся, как сокол Во плену, во плену* (Вяч. Иванов); *спускаться на руку: И, как с небес добывший крови сокол, Спускалось сердце на руку к тебе* (Б. Пастернак).

Распространена образная параллель *сердце — голубь, ласточка, жар-птица, ястреб, феникс, дятел, петух, стриж*: *Взглянул — и пылкое навстречу сердце рвется! Так голубь, бурю застигнутый, в стекло, Как очарованный, крылом лазурным бьется* (А. Фет); *И сердце трепетало, точно голубь* (И. Бунин); *В сердце — ласточки* (М. Цветаева); *Хоть жар-птицей Пылает сердце не шутя* (Вяч. Иванов); *Я помню первый день, младенческое зверство, Истомы и глотка божественную муть, Всю беззаботность рук, всю бессердечность сердца, Что камнем падало — и ястребом на грудь* (М. Цветаева); *Гори ж, истлей на самозданном, О сердце-феникс, очаге* (Вяч. Иванов); *В сердце твоём оголтелый дятел Не для меня стучит о любви* (И. Сельвинский); *Казалось, что сердце сейчас запоет петухом* (А. Белый); *Как петух недорезанный, сердце колотит* (И. Сельвинский); *Ты, сердце, — неумолчный стриж, Кого зовешь, о чем визжишь?* (А. Белый), *Взвизгни ж, Сердце Мое, Дикий Вырванный Стриж* (А. Белый); *Эта ночь бесконечна была, Я не смел, я боялся уснуть: Два мучительно-черных крыла Тяжело мне ложились на грудь. На призывы ж тех крыльев в ответ Трепетал, замирая, птенец* (И. Анненский); *Сердце, ты — птенчик; Свой щебет уйми!* (А. Белый).

Параллель *сердце, душа — жилище* видоизменяется, приобретая бытовой характер: *в моей душе, как келья, душею* (А. Блок), *солнечные*

сени души (Вяч. Иванов), *Души в нас — залы для редких гостей... Тесные келейки — наши сердца* (М. Цветаева).

Сердце, душа — место пребывания человека, животных и других живых существ: *Была ее душа — Дум грустных улей* (В. Хлебников), *В берлоге души тебя сохраню* (И. Сельвинский). Этот ряд сопоставлений содержит сниженные образы: *душа — выгребная яма, совмещенный санузел* (А. Вознесенский).

Уподобление *сердца, души сосуду* раздваивается. С одной стороны, *сердце, душа — сосуд*, с другой стороны: *чайник, кувшин, бутылка: Как медиум, опорожнив сосуд Своей души, притягивает нежить...; И душа выкипает, как чайник забытый* (М. Волошин).

Сопоставление *сердце, душа — звери, насекомые, рыбы* получает распространение в поэзии XX века: *Тайно из вечности в вечность душа воскресает живая: Вынырнет вольным дельфином в моря верховные* (Вяч. Иванов); *И печальна так и хороша Темная звериная душа... Плывет дельфином молодым По седым пучинам мировым* (О. Мандельштам). *Душа-кошка: И душа, как домашняя кошка, Что-то мурлычет ему* (В. Шефнер). *Сердце-белка: Опять мое сердце упало, как подстреленная белка с высокой сосны* (В. Брюсов); *Сердце скачет, как белка в хворосте / ребер* (И. Бродский). *Сердце-лань: Но, как лань, Мое трепещет сердце* (И. Анненский); *Что сердце? Лань. А ты стрелок, царевна* (В. Ходасевич). *Душа, сердце-пчела: А душа моя так же перед самым закатом Прилетела б со стороны сюда, как пчела, Охмельть, упиваясь таким ароматом* (А. Фет); *И душа, летя на север Золотой пчелой В алый сон, в медовый клевер, ляжет на покой* (А. Блок).

Таким образом, образные параллели, в состав которых входит слово *сердце*, развиваются неравномерно. Расширяется сфера использования устойчивых образных характеристик (*струна, арфа, скрипка, рояль* и т. д.). Активизируются тропы, развивающие смысловые связи, которые ранее не были активны. Семантические связи, в поэзии XIX века только намеченные, в XX веке приобретают широкое распространение. Это относится к ассоциациям с бытовыми предметами. Характер образной параллели меняется под давлением изменений в изображаемой действительности, под влиянием новых реалий. Некоторые образные параллели вытесняются (*сердце — храм*).

Литература

1. Григорьев В. П. Поэтика слова / В. П. Григорьев. — М. : Наука, 1979. — 342 с.
2. Ковтунова И. И. Очерки по языку русских поэтов / И. И. Ковтунова. — М. : Азбуковник, 2003. — 206 с.
3. Некрасова Е. А. Языковые процессы в современной русской поэзии / Е. А. Некрасова, М. А. Бакина. — М. : Наука, 1982. — 312 с.
4. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / [отв. ред. В. П. Григорьев]. — М. : Наука, 1995. — 262 с.
5. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и

идиостиль / [отв. ред. В. П. Григорьев]. — М. : Наука, 1990. — 304 с.
6. Теория метафоры / [общ. ред.: Н. Д. Арутюнова, М. А. Журина]. — М. : Прогресс, 1990. — 512 с.
7. Павлович Н. В. Парадигмы образов в языке русской поэзии XX века // Язык русской поэзии XX века / Н. В. Павлович. — М. : Наука, 1989. — С. 116—130.
8. Синельникова Л. Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках / Л. Н. Синельникова. — Луганск : Знание, 1993. — 188 с.

Чжоу Хунвей. Образне використання слів *серце* та *душа* в російській поезії XIX — XX століття.

У статті просліджується розвиток образних паралелей, до складу яких відносяться слова *серце* та *душа*. Активізуються тропи, що розвивають змістові зв'язки, котрі раніше не були активні. Семантичні зв'язки, лише намічені в поезії XIX століття, у XX столітті набувають широкого розповсюдження.

Ключові слова: образ, образна паралель, троп, метафора, порівняння, перифраз.

Чжоу Хунвей. Образные употребления слов *сердце* и *душа* в русской поэзии XIX — XX веков.

В статье прослеживается развитие образных параллелей, в состав которых входят слова *сердце* и *душа*. Активизируются тропы, развивающие смысловые связи, которые ранее не были активны. Семантические связи, в поэзии XIX века только намеченные, в XX веке приобретают широкое распространение.

Ключевые слова: образ, образная параллель, троп, метафора, сравнение, перифраза.

Chzhou Hunvey. Image-bearing usage of the words *heart* and *soul* in Russian poetry of the XIX — XX centuries.

The article deals with the development of image-bearing parallels which contain the words *heart* and *soul*. Tropes, which earlier were inactive, become activated and develop sense bearing connections. Semantic connections outlined in poetry of the XIX century become widespread in the XX century.

Key words: image, image-bearing parallel, trope, metaphor, simile, periphrasis.

НАШИ ГОСТИ

УДК 811.161.1'42

П. П. Червинский

ПРИЕМЫ И СПОСОБЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ¹

Характер, способ и типы социальной оценки в публицистическом тексте непосредственно связаны и обусловлены временем, его запросами, требованиями, представлениями и ценностями. Однако время это, как категорию, в оценочности текста себя проявляющую, обусловленную политическим состоянием общества в данный момент, следует рассматривать в аспекте социально-психологическом, выделяя в нем признаки, свойства, характеризующие и отличающие его от другого такого же социально-психологического состояния времени, со своей спецификой, выбором, предпочтениями.

Признаки эти и свойства формируются постепенно, складываясь, набираясь, переориентируясь, на основе предшествующих публицистических, ориентированных и сложившихся, речевых узуальных формаций, с учетом новых, возникших и появившихся, политических и общественных ориентиров, пока не сложатся в более или менее определенный, определившийся образ «лица» для времени, не станут *признаками своего времени*, по которым время это потом можно будет исследовать и характеризовать.

Публицистику, публицистический текст (в широком и узком смысле) можно рассматривать, хотя и не без оговорок, как непрерывный континуум развивающегося, развертывающегося оценочного выражения субъективного отношения — субъекта, мыслящего и представляющего себя наделенным возможностью и правом оценивать и объяснять. Оценочная интерпретация факта, следовательно, — прерогатива и привилегия данного типа текста.

Время, как известно, рождает героев. И герой этот, герой своего (нашего / не нашего?) времени явно либо по умолчанию наделяется некоторыми чертами, которые определяют и формируют, воплощая и отражая признаки общепризнаваемой системы общественных ценностей, ориентации и критерии той социальной оценки, которая себя воплощает в тексте публицистическом. Не обязательно прямо и однозначно и вовсе не обязательно одинаково и для всех, но присутствие его, приятие / неприятие, приветствование либо конфликт с ним, с этим не всегда персонифицируемым героем, всегда будет ощущаться и в голове пишущего и в голове читающего, воспринимающего публицистический текст.

Не обязательно персонифицируемый герой своего времени (как Онегин, Печорин, Чичиков, Остап Бендер или Корейко), не явный, но ощущаемый, всегда будет присутствовать как *персонификация* характерных и характеризующих свое это время социальных и психологических свойств ориентированного общественно-политического выбора и предпочтения. Герой этот не то чтобы не всегда положителен, но часто даже, напротив, его типажные поведенческие и социальные характеристики нередко становятся средством публицистического обличения, неприятия, негативной оценки. Даже больше того, весь континуум публицистики, одного временного периода континуум, можно рассматривать как социально-психологическую направленную борьбу с подобным героем времени, с большей или меньшей заинтересованностью и увлеченностью, с большей или меньшей от него дистанцированностью.

Публицист занимает позицию. Его позиция субъективна. Нередко подчеркнуто субъективна и личностна. Оценочность, средства и способы своей такой субъективной оценочности публицист, автор текста, выводит и формирует, основывая их на своем отношении к оппоненту, не обязательно мыслимо представляемому как субъект и носитель свойств, возможно, как некий типаж либо просто набор отвергаемых, не одобряемых, подвергаемых сомнению, общепризнанно актуальных свойств. Свойств социально-психологических, как уже говорилось, и типажно-персонифицируемых.

В оппозиции к этим свойствам либо в согласуемой, коррелируемой к ним позиции находятся способы и приемы используемой в публицистическом тексте оценочности. Типажные персонифицируемые свойства воображаемого героя времени, актуальные свойства социальных и психологических предпочтений составляют невидимый притягательный и притягивающий центр публицистического напряжения и публицистической социальной оценочности.

Рассмотрим некоторые, характерные для последнего времени, признаки и черты, проявившие себя как социально-оценочные для публицистики (анализ производился на материале «Известий», «Новых Известий» и «Комсомольской правды» — газет умеренно демократического и либерального направления). Анализ не претендует на полноту и законченность, представленное следует скорее рассматривать как попытку наметить подходы к исследованию приемов и способов, шире — языковых особенностей современной прессы и публицистики по основанию социально-психологической позиционной типажности, с коррелируемой к воображаемому герою времени позицией автора и психологизацией его ценностных социальных свойств.

Способ такого подхода к анализу материала мотивируется лингвопсихологической природой исследуемого объекта — публицистических текстов одного временного периода, отмечаемых «лицом» и печатью своего времени. На основе такого подхода возможно

будет в дальнейшем сопоставлять временные периоды в публицистике, отмечая и характеризуя их как различные по выделяемым дифференциальным признакам.

Рассматриваемый временной период, с точки зрения интересующего нас объекта (средств массовой информации и публицистических текстов), уже нельзя отнести к разряду периодов переходных. Ориентированные к новым, конкурентным условиям, средства массовой информации, совместно с обществом, перешли к состоянию стабилизировавшейся нестабильности периода «первичного накопления капитала», отмеченного все более растущим социальным разрывом между верхами и низом, имущими и неимущими, падением уровня жизни и обнищанием подавляющего большинства.

В подобных социальных условиях действуют механизмы, системоценностные по своему происхождению и существу, неизбежно и естественно отражающиеся в характере текстов СМИ и формирующие в них систему способов и приемов социально значимой субъективной оценки, о которых речь. Эти способы и приемы продолжают и воплощают для текста те механизмы и способы, которые коррелируют, соотносятся и являются способами и механизмами социально-психологической ориентации и реализации - вероятными, принимаемыми для себя и доступными для субъекта способами разрешения социальных проблем. Разрешения психологического, но потенциально способного к реализации в действии, в поведении, в проявлениях.

В интересующем нас отношении среди рассмотренных текстов можно выделить 4 (5) типов исходной субъективной позиции, определяющей характер, окраску и вид используемых способов и приемов социальной оценки. Четыре — как основные и формирующие характер и тип позиции автора, пятый — как дополнительный и включаемый, обусловленный иногда тематически (что характеризует тип и характер текстов и время и не может быть показателем инвариантным). Выделяемые типы можно определить в отношении 1) силы, 2) статуса, 3) дистанцированности, 4) приобщения и 5) перехода (приобретения-утраты).

Каждый из названных типов позиции во многом предопределяет набор используемых далее средств и приемов воздействия в тексте, при этом в пределах текста возможно соединение нескольких типов одновременно, в зависимости от темы, предмета, занимаемой автором и способной меняться оценочной роли, в зависимости от авторской «позиционной игры». Указанный тип — это способ реализации авторской социальной позиции, и потому он зависит от психологической роли, от выбираемой каждый раз ролевой ориентации, будучи прямо связан с принятым набором системы ценностей и с ее предпочтениями.

Тип прямо связан с набором используемых и воплощаемых в приемах и средствах семантических категорий и их значений

(определенности / неопределенности, интенсивности, обладания, субъективной модальности и др.) и может определяться по данному отношению — с точки зрения и в наборе «своих» категорий. Тип, наконец, обуславливает и предопределяет подбор, сочетание и характер самих оценочных средств.

Рассмотрим лишь некоторые проекции типов к приемам и способам социальной оценки на лексическом уровне.

Группа приемов **силового типа** складывается в частности на основе характерных для публицистических текстов слов и словосочетаний, заимствуемых из лексики военной и спортивной: *нанести удар по (кому), опорные точки, атака на (кого), лихие наскоки на (кого, что), давить на болевую точку у (кого), бить лежащего, свалить, пытаться свалить (кого), главное — выигрши, капитулировать перед (чем), сдать(ся) на милость (кого), экономический альянс, паника, паникеры, впасть в панику.*

Из лексики административной: *оказывать давление на (кого), контроль над (чем), навести порядок, призвать к порядку, ткнуть пальцем в (кого).*

Из экспрессивов-архаизмов периода тоталитаризма: *обнаглеть, поднять голову, происки, объявиться, рьяный, вбить клин между (кем и кем), нападки на (кого), шквал аплодисментов и возникающих на их основе преобразований — последовал шквал разнообразных комментариев.*

Из интенсивов разговорной лексики: *рвать постромки, пугать, деньги побегут / потекут, выбить деньги, находиться на грани издыхания.*

Из арготизмов: *рвать когти, подгрести под себя, наезд.*

Определяющим для типа будет — занимаемая позиция силы и правоты с позиции силы, разрешающей давление, вмешательство, а также неприятие и осуждение, оценку оппонента по показателю и в отношении силы (ее потерявшего, утратившего, не имевшего, делающего вид, что имеет, бравирующего силой). Объединяясь в тексте с позицией приобщения, с позицией партитива, силовая позиция способна создавать проекцию коллективизма, массовости, нацизма (при заостренной до враждебности противопоставленности значений категории свое / не свое / чужое / чуждое).

Группа приемов **статусного типа**, одна из наиболее активных в современных текстах, формируется на базе обновляемых историзмов и адаптируемых экзотизмов, меняющих свою семантику и окраску и закрепляющихся постепенно в публицистике: *империя (кого), медиа-империя, могущественный магнат, олигархи, мэр, сановник, чиновник, вельможа, монаршая семья (о семье президента), наследники престола, наследный принц, коронованные особы, власть предержащие, всесильный телохранитель, казначей, всесильный тогда охранник, самураи.*

На базе используемых нередко насмешливо и пренебрежительно, поскольку нарушающих имеющийся имидж известного лица, пристегиваемых титулов и званий: *профессор, мэтр, генерал, полковник, почетный доктор, член всевозможных академий*.

На базе неизбежно становящихся оценочными в условиях всеобщего бесправия и нищеты слов и выражений, оборотов, экономического, политического и финансового лексикона для характеристики какого-либо частного лица (группы лиц) — активно развивающаяся и широко используемая в последнее время группа как источник и средство создаваемой оценочности: *владеет контрольным пакетом акций (о ком), с помощью подконтрольных (ему, им) СМИ, запуганному руководителю протягивается «братская» рука помощи (со стороны кого), внедрение в «семью» (президента, правителя), превратился в «блистательного министра», широчайшие возможности для давления на конкурентов, политическое прикрытие (его) проектам, перекроить уже поделенный рынок, контроль над «первой кнопкой» (о телевидении — первый канал), гений политической интриги, попытка пересмотра итогов приватизации, поддержка на будущих президентских выборах (организовать поддержку), создавать (что-либо) под кого, способ организации «утечки информации».*

Другие группы менее активны. Это, во-первых, группа переосмысливаемой в русле публицистической оценки разговорной лексики: *приготовить на закуску (на десерт), приготовить сюрприз, наградить (чем — о неприятном), подарить (что — в значении «снизойти»), широким жестом, с барского (царского) плеча, чьи только разведанные запасы «тянут» на (сумму), умудриться (сделать что), перебежать дорогу, на нехитрой операции заработать (о мошеннической сделке), стать поистине «золотой жилой», превратить кого в «свадебного генерала», реальные бразды правления, и пальцем не шевельнул (чтобы что сделать), примитивное прислужничество перед (кем).* Группа лозунгов и отмеченных фраз предыдущего (и тоталитарного) периода: *настоящее его богатство — это люди, кадры (у него) решают все, назначенец.* Из жаргонизмов и арготизмов: «заказ», «заказать» (заказное убийство), «компра» (компрометирующий материал).

Группа **дистанцированного типа** (отстраненного — отстраненно-комментирующего либо отстраненно-пренебрежительного, отстраненно-язвительного) формируется на базе средств нередко внешне и вне контекста нейтральных, представляющих собой, к примеру, журналистские и публицистические клише, характеризующие лиц в повествовательных событийно-сюжетных контекстах и приобретающие ироническую пренебрежительно-снисходительную окраску: *события прошедшей недели, синоним свободы слова, отличие чисто терминологическое (чисто лингвистическое).* Нередко подобные выражения получают некоторое расширение за счет слов, придающих им язвительно-отстраненный и неприязненный тон: *понадеявшись, видимо, на*

их сообразительность, ряд тактических неловкостей к нынешней тревожной обстановке, уже довольно нервно отвечал на вопросы, торопливое решение, это нежелание симптоматично. Средством подобного рода могут быть цитированные язвительные включения: (по его словам) против него действуют некие силы, обыгрывания известных пословиц и изречений: арбузной коркой, на которой поскользнулся, стал; трудно представить, что не ведал, что творил, устойчивых оборотов: быть головной болью, рано радовались, нет нужды гадать, что двигало, разговорных окрашенных экспрессивов (закрепленных окрашенных словоупотреблений): не снился (ему и, вам и не снилось), мечтать о (только можно), доморощенный (шоу-бизнес, доллар, фунт стерлингов).

Активным средством создания отстраненной пренебрежительности, сомнительности являются средства субъективной модальности, модально-оценочные включения: *не раз, наверное, заметят; игнорировать его не совсем правильно; а дальше, надо полагать, — как пойдет, по мнению авторитетных лиц (шоу-тусовки);* а также слова со смещенным, расширенным (гипонимы) или неактуальным, равновозможным смыслом, неважно каким, придающие называемому характер неопределенности, обобщенности, неконкретности, ленивой безразличности: *с этой недели граждане, не равнодушные к отечественной эстраде (речь в данном случае — о любителях эстрады, фаных), на том или ином телеканале (все равно каком), юная леди с татарским именем, 15-летняя особа, к сентябрю девушка намерена подарить аудио-рынку свой первый альбом, вряд ли останется безвестной (вместо — станет известной), остров начнет медленно дрейфовать к другому берегу Атлантики (склоняться к американской экономике), это будет накладно.*

Носителями подобного рода оценочности могут быть и окрашенные соответствующим образом слова — эмоциональные экспрессивы, нередко в соединении с другими средствами выражения отстраненности: *помпезность события заключалась не только и не столько, проводник идей, затем взойти с концертом на какую-нибудь достойную столичную площадку, состоялась помпезная презентация ее первого ролика, присутствие на столах черной икры, креативная команда, трудящаяся над материалом для новой певицы, решивший не отступить от избранной тактики, сотворить что-то более оригинальное, удалось бы подпитывать интерес к персоне, сие тщательно скрывается, всерьез занялись, потускнеет светлый образ.*

Возможно также использование с этим оттенком жаргонизмов, нередко в расширенном контексте: *всероссийски «засветившегося» с группой, бизнес на трубе (о продаже нефти).*

Группа **приобщенного типа** характеризуется отмеченной включенностью, заинтересованностью авторской позиции, которая может создаваться различными лексическими средствами: *народ не любит олигархов, примет на «ура», народ безмолвствует, усталость, нестабильность, всеобщее ожидание, свет в конце тоннеля, пересуды*

принимают все более запутанный и временами истерический характер, внятного итога этой неожиданной дискуссии не видно, при всей вздорности таких предположений, быть ближе сердцу (кого), рьяные сепаратисты, готовы немедленно рвать, выиграл местный урапатриотизм, башня из слоновой кости, недавний любимец публики, широко разрекламированный проект, о карьере ... очень много писали, результат широкой публике сегодня уже хорошо известен, комментарии излишни.

Группу **переходного (трансформативного) типа** можно проиллюстрировать следующими примерами из текстов: *первый шаг к вершинам, настоящее (его) превращение началось с..., с этого началось и сегодняшнее его падение, стал последним его «приобретением», самым прибыльным приобретением стал, этапы большого пути стартовой площадкой стал, (так и не) увидел свет.*

Анализ публицистики с точки зрения типологии авторской позиции может послужить в дальнейшем целям более полного и обстоятельного изучения текстов СМИ, как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах.

Примечания

¹ Статья печатается в авторской редакции.

УДК 821.161.1 — 1.09 + 929 Визбор

В. И. Бахмач

ОСОБЕННОСТИ СТИХОПЕСЕН Ю. И. ВИЗБОРА

*Но спасает нас в ночи
От позорного безверья
Колокольчик под дугой —
Одинокий гитарист.
Ю. И. Визбор*

Сегодня классическая авторская песня (*стихопесня*), которую создавали Михаил Анчаров, Юрий Визбор, Булат Окуджава, Александр Галич, Владимир Высоцкий и другие стала культурным феноменом 50-х — 70-х годов и органически вписалась в историю русской литературы XX века. Она не просто оказалась свободной «поющей поэзией», на которой воспиталось не одно поколение, но своеобразно объективировала «своим содержанием и формой русский коммуникативный жанр — *общение по душам*» [1, с. 20]. Практически с момента своего появления (середина 50-х гг.) стихопесня тяготела к диалогичности, неофициальности общения, так как была явлением

публичным и адресовалась слушателю. Именно слушатель «сверял» произведение с реальностью, определял его значимость и актуальность, эмоционально реагируя на отдельные строки и произведение в целом во время выступления поющего поэта.

На примере стихопесен Юрия Визбора рассмотрим коммуникативное начало в этом синкретическом искусстве.

На наш взгляд, чтобы отличать «письменную» поэзию, предназначенную для чтения глазами, от «устной», написанной для исполнения нараспев под собственный аккомпанемент, и при этом не смешивать последнюю с фольклорной, эстрадной, камерной, оперной и остальными, следует использовать термин *стихопесня*. Ведь *стихопесня* — прежде всего, стихи, совместно с которыми мотив служит ритмическим фоном и средством преподнесения слов слушателю, хотя иногда напев может отвечать композиторскому совершенству.

Среди тех, кто стоял у основания наджанрового (по определению профессора А.В. Кулагина) явления, был Юрий Иосифович Визбор — приверженец предельной художественной простоты, пропагандист романтики и вечной молодости. Профессор В.И. Новиков писал о нем: «Отвергая слова, утратившие смысл, Визбор нашел песенное слово, вызывающее у самых разных людей абсолютное человеческое доверие» [2, с. 264]. Это связано с искренностью и исповедальностью интонаций произведений, которые он начал создавать, еще обучаясь в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина с 1951 по 1955 годы. Ю.И. Визбор стоял у истоков т. н. студенческой песни и песни-репортажа, а также внес вклад в развитие туристской песни. Работая журналистом, снимаясь в кино, выступая с репортажами-произведениями на радио и помещая их на диски журнала «Кругозор», поэт-репортер создал своеобразный песенный театр. Тот самый, который, с одной стороны, представлял собой разновидность песенно-очерковой журналистики («Песня-репортаж о строителях КамАЗа», 1971), а с другой, тяготел к афористичной повествовательности, вызывая доверие и приглашая к разговору по душам («Волейбол на Сретенке», 1983). Ведь речь является средством коммуникации, а в своих стихопеснях Визбор не просто сообщал необходимую информацию слушателям-собеседникам, как в стихопеснях-зарисовках «Синий перекресток» (1963), «Песня альпинистов» (1967), «Апрельская прогулка» (1978), представляющих по сути пейзажно-романтическую лирику, но и обсуждал злободневные темы, ставил сложные вопросы, вызывая необходимую реакцию стихопеснями-монологами и стихопеснями-диалогами.

Обратимся к его монологам «Ходики»¹ (1977) и «Деньги» (1982), в которых характерно проявляется непринужденность человеческого общения. Первый из них представляет повествование об истории одной семьи. В нем лирический герой вспоминает, как формировались взгляды меж ним и героиней на начальном этапе:

Когда в мой дом любимая вошла,
В нем книги на полу лежали валом.
Любимая сказала: «Это мало.
Нам нужен дом». Любовь у нас была [3, с. 220].

Рассказ строится на контрасте. Любимая вошла в «дом», который представлял собой холостяцкое жилище, где даже «книги на полу лежали валом». Сразу же она решила внести свои поправки: обжить «дом» по-новому, чтобы превратить его в семейное гнездышко. Вот как об этом вспоминает герой:

И мы пошли со старым рюкзаком,
Чтоб совершить покупки коренные.
И мы купили ходики стенные,
И чайник мы купили со свистком [3, с. 220].

В дальнейшем ходики, тогда висевшие во многих квартирах, становятся у поэта символом, по которому герой сверяет не только время, но и этапы развития отношений с любимой. Во второй строфе после рефрена о том, что «лучше дома нет, чем собственный твой дом» [3, с. 221], герой дает понять, что вещи неоправданно начинают занимать все больше места в семейном «доме»:

*Потом пришли иные рубежи,
Мы обрастали разными вещами,
Которые украсить обещали
И без того украшенную жизнь [3, с. 221].*

В то время, когда любимая украшала жизнь вещами, герой часто бывал в палаточных разъездах, и тогда связующей нитью становились письма. В них сообщалось,

Что дома, слава богу, все в порядке,
Лишь ходики немножечко спешат
(выделено нами. — В. Б.) [3, с. 221].

Эта художественная деталь свидетельствует не столько о техническом несовершенстве настенных часов, сколько о том, что в застывшем квартирном уюте торопятся лишь ходики. После примечательной детали поэт в третьей строфе сообщает, что герой вслед за ходиками спешит, но уже в «новое место», где

Горит поярче предвечерний свет,
И говорят тихие слова,
Которые не сказывались, право,
Поэтому, не мудрствуя лукаво,
Пора спешить туда, где синева [3, с. 221].

Судьба сложилась так, что герой повествования расстался с той, что выстроила в доме новый лад. Ее он совсем не винит (не сложилось), лишь ощущает некую связь с ходиками, так похожими на однажды купившего их хозяина:

С тех пор я много берегов сменил.
В своей стране и в отдаленных странах

Я вспоминал с навязчивостью странной,
Как часто эти ходики чинил.
Под ними чай другой мужчина пьет,
И те часы ни в чем не виноваты,
Они всего единожды женаты,
Но, как хозяин их, спешат вперед
(выделено нами. — В. Б.) [3, с. 221].

В финале произведения Ю. Визбор не пытается судить своих героев (он сам был трижды женат), а завершает все афористичным выводом:

Ах, лучше нет огня, который не потухнет,
И лучше дома нет, чем собственный твой дом,
Где ходики стучат старательно на кухне,
Где милая моя и чайник со свистком [3, с. 221].

Казалось бы, мы услышали тривиальную историю, подобным которой в жизни немало. Что разлучило двоих, можно лишь гадать. Разница вкусов и характеров, заключенная в устремленности героини к оседлому уюту, а героя к путешествиям, или их трагедия заключается в торопящем времени? Поэт не дает однозначного ответа. Все текущие события (кроме покупки ходиков) видятся незначительными, а тень минувшей драмы завуалирована в недомолвках и в обычных фразах, за которыми скрываются грусть, нежность и боль (лишь ходики «единожды женаты»). Однако уже ничего не изменить. Это понимание безвозвратности и является причиной разговора поэта по душам со своим слушателем. Так на наших глазах был сыгран жизненный песенный спектакль, подтверждающий, что человеческие взаимоотношения не бывают простыми.

Доверительно рассказанная поэтом типичная история обязательно сопоставлялась с жизненным укладом и воздействовала на слушателей-собеседников. Она не была предназначена для развлечения. В этом проявлялась коммуникативная функция монолога, в котором слово у поэта служило средством общения, сообщения и воздействия.

Другую стихопесню-монолог «Деньги» Юрий Визбор строил на столкновении духовного и материального в окружающем мире, оставляя выбор за своим адресатом, но при этом четко выражая собственную позицию. Сказался его богатый опыт журналиста звуковой газеты «Говорит Комсомолия», журнала «Кругозор» и радиостанции «Юность». Коммуникативная задача мотивировалась в первой же строфе:

Теперь толкуют о деньгах
В любых заброшенных снегах,
В портах, постелях, поездах,
Под всяким мелким зодиаком.
Тот век рассыпался, как мел,
Который словом жить умел,
Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком [3, с. 279].

В поэтическом высказывании автора проводилось антагонистическое столкновение понятий, одно из которых называлось, а другое проступало намеком. Слово «любовь» шифровалось Визбором в отличие от слова «деньги». В этом проявлялось художественное мастерство поэта и желание журналиста заставить слушателя поразмыслить. Реалии, по автору, таковы, что в них материальное начало вытеснило духовное, как некий анахронизм былых времен. Прежде всего, монолог Юрия Визбора адресован единомышленникам, но для тех, кто не замечает свершившейся духовной диффузии, создана впечатляющая картина власти денег:

Все на продажу понеслось,
И что продать, увы, нашлось:
В цене все то, что удалось,
И спрос не сходит на интриги.
Явились всюду чудеса,
Рубли раздув, как паруса,
И рыцарские голоса
Смехоподобны, как вериги [3, с. 280].

Обычно в стихопеснях-зарисовках Ю. Визбора изображаемому миру свойственна гармония, а в этом монологе мир предстает неблагополучным. Поэт подчеркивает, что стремление удовлетворить жизненные потребности только с помощью денег разрушает общество духовно. Это проявляется даже в том, что «новоявленный Моцарт», забыв о своем высоком назначении, тоже становится рабом денег: спешит не туда, «где ждут сердца», а ко «двору монетному». Обозначив возникшую проблему, Юрий Визбор в последней строфе говорит о том, на что он уповает:

Моя надежда на того,
Кто, не присвоив ничего,
Свое святое естество
Сберег в дворцах или в бараках,
Кто посреди обычных дел
За словом следовать посмел,
Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком [3, с. 280].

Кстати, речь идет о духовном богатстве «в дворцах или в бараках», что разрушает сложившийся стереотип о рае только в шалаше. Произведение представляет собой образец гражданской лирики, поскольку в нем задекларированы вечные ценности, которые никогда, по убеждению автора-гражданина, не должны забываться и утрачиваться.

Стихопесня «Деньги» не потеряла своей актуальности и поныне, ведь Юрий Визбор одним из первых стал создателем произведений, в которых «истинно-героическое содержание проявляется в повседневной, бытовой, подчас даже приземленно юмористической форме» [4, с. 115]. В данном случае без патетики поставлена и разрешена проблема о

«святом естестве» — праве любить. Подобное рыцарство уместно в любом веке, но чтобы люди не забывали об этом, поэт не уставал им напоминать во время своих выступлений. Он учил смотреть на мир чистыми глазами. И возникала обратная связь, так как концерт поющего поэта неизменно включал в себя комментарий к песням, реплики и записки из зала.

Наряду с монологами у Ю.И. Визбора рождались и диалоги, представляющие художественные размышления о памяти недолгой и вечной, о встречах и разлуках, о подмеченных чудесах и обыденном, словом, о вечном и «вещном». Не случайно бард-журналист говорил: «Почти все мои песни достаточно документальны: я не могу писать ни о том, чего не видел, ни о том, чего не знаю, или о том, во что не верю» [5, с. 48]. В этой связи хочется обратиться к одному из диалогов, который возвел Юрия Визбора чуть ли не в диссиденты, — это «Рассказ технолога Петухова о своей встрече с делегатом форума» (1964). По словам поэта, произведение было написано к эстраднему спектаклю, который так и не был поставлен «Вестником»².

В те годы партией и правительством СССР перед всем советским народом была поставлена задача — догнать и перегнать Америку по всем показателям, доказать всему миру преимущество советского строя. Но в безудержном порыве идея исказилась и навязывалась даже тогда, когда не соответствовала истине. Из своеобразного репортажа с места событий Визбора слушатель узнавал ироничную историю о том, как технолог Петухов доблестно во время застолья с африканцем в кафе-мороженом «Звездочка» отстаивал честь страны. В ответ на происки иностранца, выискивающего во всем русском недостатки («В России, дескать, холодно купаться, // Поэтому здесь неприглядный вид»; «В российских селах не танцуют твиста, // Поэтому здесь неприглядный вид»; «Он говорит: вообще, ты кто таков? // Я, говорит, наследник африканский»), подкованный герой Петухов выдвигал железные контраргументы:

Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей! [3, с. 90]

Эти слова в силу своей афористичности были подхвачены повсюду и даже ошибочно приписывались бунтарю-сатирику Владимиру Высоцкому³. Произведение воспринималось как пародия на чрезмерную неусыпную бдительность, привитую властью. Ведь в ответ на козни чужеземного «гостя» касательно природных и танцевальных отличий СССР от Запада технолог Петухов потчевал идеологического неприятеля научно-техническими успехами и достижениями в области классического искусства, причисляя и себя к их создателям. Известный режиссер Марк Захаров, который сотрудничал и был в приятельских отношениях с Юрием Визбором с 70-х годов, спустя четыре года после

смерти поэта вспоминал, что данное произведение современники цитировали как анекдот, что сыграло роль своеобразного катализатора в избавлении от застойных явлений в сознании общества⁴.

Сегодня мы понимаем, что своим искусством, приближенным к разговорной речи, поющий поэт не только утверждал романтику, но был критичным, зачастую ироничным собеседником, которому невозможно было не верить, ведь он моделировал узнаваемые ситуации. Как, например, в «Рассказе женщины» (1978), где от имени ролевой героини поэт поведал характерную историю.

Обратимся к фабуле лиро-эпического произведения. Возвращаясь домой после работы, Тамара (так звали героиню) при выходе из метро была внезапно остановлена колоритным «ухажером»:

У него глаза густы
И глаза, как две букашки,
И виднеются кусты
Из-за ворота рубашки [3, с. 235].

Далее последовало скабрзное предложение, оказать заезжому и скучающему в гостинице повесе за деньги услуги интимного характера («Я за вечер заплачу, Сколько за год тебе платят») [3, с. 236]. Примечательно, что своей героиней Визбор выбирает обычную советскую женщину с типичной после замужества судьбой, о которой она говорит:

Десять лет варила суп,
Десять лет белье стирала,
Десять лет в очередях
Колбасу я доставала,
Десять лет учила я
Сверхсекретное чего-то,
Десять лет сидела я
У окошка на работе,
Сердце стачивая в кровь,
Десять лет дите растила —
Что ж осталось на любовь?
Полтора годка от силы [3, с. 236].

В этом крике души и бытовая неустроенность, и безвозвратно ушедшая молодость, и не растроченная до конца любовь. Однако за серостью будней стоит не задавленная обстоятельствами личность, готовая постоять за себя, даже если жизнь не совсем задалась:

Я авосечку-суму
Из руки переложила,
Кавалеру своему
Меж букашек засветила! [3, с. 236]

Так бесславно закончилась «делка». Скорей всего, больше со стороны «кавалера» предложений не последовало. В лице своей героини Поэт ободряет и обнадеживает многих. Если герой «Ходиков» теряет

свой дом по стечению обстоятельств и «спешки», то героиня «Рассказа женщины» предстает хранительницей очага. На ней держится весь дом, где дочка «долбит фортепьяно», «любимый зверь» (т.е. муж) «лежит, конечно, пьяный», а за окном ГАИ⁵ ругает частников. Это ее мир, пусть и не радужный, но она готова за него постоять:

Все же мало я дала
Тому гаду меж букашек [3, с. 237].

Ю.И. Визбор не обходил острые углы современности, что неизменно располагало к нему аудиторию. Меж ним и слушателем всегда существовала обратная связь. Подобные беседы по душам были притягательны, суггестивны, то есть мотивированно и ненавязчиво внушали собеседнику подлинные ценности, развенчивая мнимые. В этом и состоит магнетизм его коммуникативных стихопесен, которые стали голосом времени и пережили автора более чем на четверть века, продолжая лаконично, выразительно и неспешно вести с нами доверительную беседу.

Литература и примечания

1. Дьякова Л. А. Русская авторская песня в лингвистическом и коммуникативном аспектах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Н. Дьякова. — Воронеж, 2007. — 23 с. **2. Новиков Вл. И.** Юрий Визбор // Авторская песня / Вл. И. Новиков. — М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Агентство «КРПА «Олимп», 2002. — С. 260—264. **3. Визбор Ю. И.** Синий перекресток / Ю. Визбор. — М. : Эксмо, 2009. — 416 с. **4. Андреев Ю. А.** Наша авторская...: История, теория и современное состояние самодеятельной песни / Ю. А. Андреев. — М. : Мол. гвардия, 1991. — 272 с. **5. Визбор Ю.** Страницы жизни / Ю. Визбор // Библиография. — 1989. — № 1. — С. 45—49.

¹ Имеются в виду стенные часы упрощенного устройства с гириями.

² См. об этом факте в кн.: Андреев Ю. А. Наша авторская...: История, теория и современное состояние самодеятельной песни. — М., 1991. — С. 118.

³ В июне 1968 года в статье «О чем поет Высоцкий?» критики Г. Мушта и А. Бондарюк обвинили поющего поэта в издевательствах над завоеваниями советского народа, приписывая ему чужие произведения, в том числе и песню Ю.И. Визбора. На что В.С. Высоцкий ответил официальным письмом в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС. См. текст письма в кн.: Высоцкий В.С. Собр. соч.: в 4 кн. Книга четвертая. Я никогда не верил в миражи. — М., 1977. — С. 21—23.

⁴ См. об этом в сборнике-буклете: Визбор Ю. Когда все были вместе... — М., 1989 (Захаров М. «И очень одаренным актером...»).

⁵ ГАИ — Государственная автомобильная инспекция.

Бахмач В. І. Особливості віршопісень Ю.І. Візбора.

У статті йдеться про пісенну спадщину Юрія Візбора. Аналізуються його художні зарисовки, монологи, діалоги та сценки, які мають комунікативну основу.

Ключові слова: комунікативний, віршопісня, монолог, діалог.

Бахмач В. И. Особенности стихопесен Ю.И. Визбора.

В статье речь идет о песенном наследии Юрия Визбора. Рассматриваются его художественные зарисовки, монологи, диалоги и сценки, имеющие коммуникативную основу.

Ключевые слова: коммуникативный, стихопесня, монолог, диалог.

Bakhmach V. I. Particularity of song-poem of Yuriy Vizbor.

Juriy Vizbor's inheritance is examined in the article. The author tells about his fiction sketches, monologues, dialogues and sketches, which have communicative base.

Key words: communicative, song-poem, monologue, dialogue.

УДК 821.161.1-1.09+929 [Гумилёв:Бальмонт]

О. А. Верник

Н. С. ГУМИЛЁВ И К. Д. БАЛЬМОНТ: ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Поэзия Н.С. Гумилёва сформировалась под влиянием символистов. К.Д. Бальмонт был одним из первых «учителей» акмеиста, его творчество стало своеобразным ориентиром для молодого поэта. Сохранилась дарственная надпись, сделанная Гумилёвым для одной из своих знакомых на книге Бальмонта «Будем как солнце» (1903): «От искренне преданного друга, соперника Бальмонта, Н. Гумилёва» [1, 7], на титульном листе было помещено стихотворение, демонстрирующее восхищение молодого поэта своим старшим современником:

Гордый Бальмонт, сладкозвучный, созидал на диво миру

Из стихов своих блестящих разноцветные ковры [1, 7].

Исследователи М. Баскер [2], И. Гарин [3], О. Клинг [4], В. Крейд [5], О. Лекманов [6], А. Павловский [7] справедливо считают, что в ранних стихотворениях Гумилёва обнаруживается множество заимствований и переключек с творчеством Бальмонта: «Осенняя песня», «Дева солнца», «Сказка о королях», «По стенам опустевшего дома», «Русалка», «Мой старый друг», «Credo» и др. Влияние личности и творчества Бальмонта на молодёжь начала XX века было огромно. Поэтому цель нашей статьи — изучить феномен воздействия творчества и личности поэта-символиста не только на поэзию, но и на формирование мировоззрения молодого Гумилёва.

О Бальмонте слагали легенды, его стихотворения пользовались огромной популярностью, их декламировали, пели, словами поэта признавались в любви. «Трудно говорить о такой безмерности, как поэт... — писала М. Цветаева. — Если бы надо было дать Бальмонта одним словом, я бы не задумываясь сказала: «Поэт»... Я бы не сказала так ни о Есенине, ни о Мандельштаме, ни о Маяковском, ни о Гумилёве, ни даже о Блоке. Ибо в каждом из них, кроме поэта, было ещё нечто, больше или меньше, лучше или хуже, но ещё нечто... В Бальмонте же, кроме поэта, нет ничего... На каждом бальмонтовском жесте, слове — клеймо — печать — звезда — поэта» [8, с. 278—279].

Современный американский исследователь Серебряного века В. Крейд справедливо заметил, что из поэтов начала XX века Бальмонт — «самый неровный, самый плодовитый, самый начитанный, самый многотемный. Мы знаем о музе дальних странствий Гумилёва. Но странствия Бальмонта дальше, и раньше, и дольше... Поэзия Серебряного века — это стихи поэтов-филологов и поэтов-книжечеев. Бальмонт читал в подлинниках Сервантеса, Шекспира, Гёте, Ибсена, Бодлера, Леопарди, Калидасу, Руставели, переводил, пожалуй, с тридцати языков, изучал египтологию... был знаком с египетской «Книгой мертвых», Ведами, Упанишадами, Зенд-Авестой, с Лао-цзы, скандинавской мифологией, культурой Майя, орфическими гимнами и японскими хокку» [Цит. по: 9, с. 455]. В начале XX века личность Бальмонта обладала мифической притягательностью, его жизненный и творческий пример вдохновлял на подобное жизнетворчество и Гумилёва, и Цветаеву, и других современников поэта-символиста.

Начинающий поэт Николай Гумилёв стремился познакомиться с мэтрами символизма, заручиться их поддержкой. Анненский и Брюсов были единственными поэтами, которые содействовали творческому становлению молодого таланта. Визит к Мережковскому и Гиппиус окончился неудачей — стихи Гумилёва высмеяли, колкие замечания, ироничный тон мэтров уязвили гордость поэта. «Неудачной была и попытка сблизиться с Бальмонтом, — считает исследователь И. Гарин. — В 1906-м почти одновременно с неудачным «походом» к Мережковским Гумилёв написал Бальмонту письмо как его верный почитатель и ученик, но ответа не получил» [3, с. 153]. Однако «равнодушие» со стороны Бальмонта не помешало Гумилёву долгие годы оставаться последователем поэта-символиста.

Гумилёву были близки ницшеанский дух, бунтарство, странничество Бальмонта. Муза Дальних Странствий поэта-символиста предопределила любовь к путешествиям Гумилёва. Франция, Англия, Бельгия, Испания, Швейцария, Мексика, Соединённые Штаты Америки, Египет, Япония, Австралия, Суматра, Индия — далеко не полный перечень мест, в которых бывал Бальмонт. «Человек огромной культуры, ... стремился к освоению её глубинных пластов, начиная с языка, с постижения мифов и культурных особенностей стран и народов, —

считает Гарин. — Даже его страсть к путешествиям была культурной ненасытностью: каждой поездке предшествовало скурпулёзное изучение историй и культур, но прежде всего — языков» [9, с. 56]. Эта характеристика, данная Бальмонту-путешественнику, применима и к путешественнику Гумилёву.

Гумилёв совершил четыре путешествия в Африку: осенью 1908 г. он побывал в Египте; в декабре 1909 г. — январе 1910 г. во французском Сомали (современная территория республики Джибути) и восточной окраине Абиссинии; в сентябре 1910 г. — марте 1911 г. — собственно в Абиссинии; в апреле — августе 1913 г. — по заданию Российской академии наук в восточной и южной части Абиссинии и западной части Сомали для сбора этнографической коллекции, записи песен и легенд. Последнее путешествие поэта было наиболее значительным не только для Гумилёва, но и для российской науки. Поэт так определил цель путешествия: «Делать снимки, собирать этнографические коллекции, записывать песни и легенды, ...собирать зоологические коллекции» [10, с. 20].

Любовь к путешествиям, экзотизм Гумилёва предопределены внутренней потребностью поэта преодолеть рутину и серость обыденной жизни. Стихотворения Гумилёва об Африке отличаются достоверностью деталей, искренним отношением поэта к «чёрному континенту». В последние годы жизни Гумилёв признавался, что в Африке ему нравилось всё, даже самые простые, обыденные вещи. В. Бронгулеев считает, что Гумилёв «не отказался бы жить там и простым пастухом, бродить по тропинкам, вечером стоять у плетня какой-нибудь затерянной в джунглях деревушки. «Старухи, — говорил он, — живут там интересами племянников и внуков <....>, а старики уходят в саванну, роются в земле, собирают травы, колдуют...» Если в этих словах и был элемент преувеличения, то стоявшее за ними чувство говорило само за себя» [11, с. 343]. Страсть Гумилёва к путешествиям во многом была обусловлена юношеским увлечением произведениями Ж. Верна, Ф. Купера, М. Рида, Г. Эмара, и поэтому понятен интерес Гумилёва к поэзии Бальмонта и Рембо, в творчестве которых Муза Дальних Странствий нашла своё всестороннее воплощение.

Гумилёв высоко ценил творчество Бальмонта. В статье о книге поэта «Только любовь» Гумилёв отметил: «Талант Бальмонта, гордый, как мысль европейца, красочный, как южная сказка, и задумчивый, как славянская душа» [12, т. 3, с. 37]. Критик назвал Бальмонта одним из создателей русского символизма: «Бальмонт был одним из первых и ненасытных открывателей, но не к земле обетованной были прикованы его думы, он наслаждался прелестью пути... И справедливо раньше всех других «декадентов» он добился признания и любви» [12, т. 3, с. 37].

Характерный пример поэтического диалога Гумилёва и Бальмонта представлен в «Пути конквистадоров» в стихотворении «Песня о певце и

короле», где поэт дословно цитирует строку из «Мёртвых кораблей» Бальмонта:

Бальмонт:

Мы тонем, мы гаснем, мы стынем
С проклятьем на бледных устах
[13, с. 137] (Курсив наш. — О.В.)

Гумилёв:

Мой замок стоит на утёсе крутом
В далёких, туманных горах,
Его я воздвигнул во мраке ночном
С проклятьем на бледных устах
[14, т. 1, с. 41] (Курсив наш. — О.В.)

Исследователи считают, что данное заимствование свидетельствует не только о диалоге, но и о творческой полемике поэтов. «У Бальмонта «проклятье» неразрывно связано со смертью, а следовательно, выступает в качестве одного из атрибутов разрыва с миром, — пишет С. Слободнюк. — У Гумилёва же картина совершенно иная. «Проклятье» — спутник созидательного акта, необходимый ... элемент установления связи с бытием» [15, с. 19].

Критики отмечали влияние Бальмонта и в «Романтических цветах», и в «Жемчугах». В более позднем стихотворении «Война» Гумилёв, описывая бой, снова обращается к Бальмонту.

Бальмонт в стихотворении «Война» (1905) пишет:

Сонмы *пчёл* убийственных, что жалят в самом деле
И готовят Дьяволу не *жёлто-красный мёд*,
Соты динамитные, летучие *шрапнели*,
Помыслы лиддитные. Свирепый *пулемёт*
[13, с. 735] (Курсив наш. — О.В.)

У Гумилёва появляются те же образы:

Как собака на цепи тяжёлой,
Тявкает за лесом *пулемёт*,
И жужжат *шрапнели*, словно *пчёлы*,
Собирая *ярко-красный мёд*
[14, т. 3, с. 53] (Курсив наш. — О.В.)

В образах этой строфы авторы комментариев к академическому собранию сочинений Гумилёва увидели связь мировоззрения поэтов с метафизикой стойков, соединивших физическое с логическим. «Гумилёвская «смешанная метафора» (собака — пулемёт — пули, кровь — мёд, собираемый пчёлами) несёт метонимический смысл: образы природы (собака, как друг человека; пчёлы, как посредники между природой и человеком) ассоциируются с несущими смерть техническими изобретениями, подобными пулемётам и шрапнели...

Гумилёв показывает, что это разрушение несёт в себе скрытый позитивный смысл, который не может быть понят» [14, т. 3, с. 331].

Поэтому в данном случае важно, что гумилёвская метонимия связана с традицией Бальмонта, который так же изобразил войну. Очевидно, что Гумилёв обращался к опыту Бальмонта на протяжении всего своего творчества. Внимание к творчеству поэта-символиста способствовало развитию интереса к экзотике, усилению романтических тенденций не только в ранних, но и в зрелых стихотворениях Гумилёва.

Таким образом, юношеское увлечение Бальмонтом определило интерес Гумилёва к экзотике, способствовало усилению романтических тенденций в его творчестве. Ранние произведения поэта свидетельствуют о наиболее сильном влиянии Бальмонта, это подтверждается многообразием межтекстовых связей, сходных образов и мотивов. В дальнейшем Гумилёв отошёл от увлечения произведениями поэта-символиста. Однако даже в его поздних произведениях заметны следы бальмонтовской лирики. Перспективы дальнейшего исследования творческих отношений Гумилёва и Бальмонта могут быть связаны с исследованием воздействия поэта-символиста на драматические, эпические произведения Гумилёва, определением роли творческого метода Бальмонта в формировании принципов акмеизма.

Литература

- 1. Гумилёв Н.** Стихотворения и поэмы / Н. Гумилёв. — Л. : Сов. писатель, 1988. — 632 с.
- 2. Баскер М.** Ранний Гумилёв: путь к акмеизму / М. Баскер. — СПб. : РХГИ, 2000. — 160 с.
- 3. Гарин И. И.** Поэт-герой // И. И. Гарин. Серебряный век : в 3 т. / И. И. Гарин. — М. : ТЕРРА, 1999. — Т. 3. — С. 7—245.
- 4. Клинг О.** Стилевое становление акмеизма: Н. Гумилёв и символизм / О. Клинг // Вопросы литературы. — 1995. — № 5 — С. 101—125.
- 5. Крейд В.** Работник Русского ренессанса / В. Крейд // Образ Гумилёва в советской и эмигрантской поэзии. — М. : Молодая гвардия, 2004. — С. 5—26.
- 6. Лекманов О. А.** Книга об акмеизме и другие работы / О. А. Лекманов. — Томск : Водолей, 2000. — 704 с.
- 7. Павловский А. И.** Николай Гумилёв / А. И. Павловский // Гумилёв Н. Стихотворения и поэмы. — Л. : Сов. писатель, 1988. — С. 5—62.
- 8. Цветаева М. И.** Слово о Бальмонте // М. Цветаева Сочинения : в 2 т. / М. И. Цветаева. — Минск : Народная асвета, 1988. — Т. 2. — С. 278—288.
- 9. Гарин И. И.** Поэт-странник // И. И. Гарин. Серебряный век : в 3 т. / И. И. Гарин. — М. : ТЕРРА, 1999. — Т. 1. — С. 429—563.
- 10. Гумилёв Н.** Африканский дневник / Н. Гумилёв // Огонёк. — 1987. — № 14. — С. 19—22.
- 11. Бронгулеев В. В.** Посредине странствия земного: Документ. повесть о жизни и творчестве Н. Гумилёва: Годы 1886 — 1913 / В. В. Бронгулеев. — М. : Мысль, 1995. — 351 с.
- 12. Гумилёв Н.** Сочинения : в 3 т. / Н. Гумилёв. — М. : Худож. лит., 1991.
- 13. Бальмонт К. Д.** Собрание сочинений : в 2 т. / К. Д. Бальмонт. — М. : Можайск — Терра, 1994. — Т. 1. — 832 с.

- 14. Гумилёв Н. С.** Полное собрание сочинений: в 10 т. / Н. С. Гумилёв. — М.: Воскресенье, 1998. — Т. 1—4.
15. Слободнюк С. Л. Н. С. Гумилёв: Проблемы мировоззрения и поэтики / С. Л. Слободнюк. — Душанбе: СИНО, 1992. — 349 с.

Вернік О. О. Н. С. Гумільов і К. Д. Бальмонт: творчі зв'язки.

У статті проаналізовано творчі зв'язки М. С. Гумільова та К. Д. Бальмонта. Зазначено багато спільних рис їхньої творчості, доведено вплив поезії Бальмонта на твори Гумільова. Детально розкрито витоки їхньої поезії, показано зв'язок із літературою Срібного століття, проаналізовано стильову індивідуальність та своєрідність таланту російських поетів.

Ключові слова: поезія, вірш, ритм, образ, ідея, світосприйняття.

Верник О. А. Н. С. Гумилёв и К. Д. Бальмонт: творческие связи.

В статье проанализированы творческие связи Н. С. Гумилёва и К. Д. Бальмонта. Определены общие черты их творчества, доказано воздействие поэзии Бальмонта на произведения Гумилёва. Детально раскрыты истоки их поэзии, показана связь с литературным процессом Серебряного века, проанализированы стилевая индивидуальность и своеобразие таланта русских поэтов.

Ключевые слова: поэзия, стихотворение, ритм, образ, идея, мировосприятие.

Vernik O. A. N. S. Gumilev and K. D. Bal'mont: creative connections.

In the article the author has researched the creative literature relations between Gumilyov's poetry and the poetry of the Balmont. O.Vernik sets as a poet-symbolist affects a poet-akmeist.

Key words: poetry, poem, rhythm, character, idea.

УДК [811. 111. + 811. 112. 2]' 42

Мацько Д. С.

**ОСОБЛИВОСТІ ПРЕДСТАВЛЕННЯ МЕДІАТЕМИ
«ФУТБОЛ» У СПОРТИВНОМУ ДИСКУРСІ СУЧАСНИХ ЗМІ**

Спорт виступає однією з важливих сфер життя суспільства. З набуттям Україною незалежності ситуація в царині спорту видається суперечливою. З одного боку, розпад Радянського Союзу спричинив достатньо серйозні проблеми в розвитку відповідної інфраструктури та підготовці спортсменів. З іншого боку, суттєво розширилися перелік

спортивних засобів масової інформації і можливості доступу населення до них.

Найбільшою популярністю серед усіх видів спорту в нашій країні користується саме футбол. Такий висновок можна зробити, виходячи із кількості глядачів, що зібралися на трибунах або перед екраном телевізора, та передплатників (покупців) спортивних друкованих видань. Отже, популярність футболу зумовлює зростання інтересу до аналізу особливостей представлення медіатеми «Футбол» у спортивному дискурсу сучасних ЗМІ.

Проблема аналізу дискурсу ЗМІ в цілому та спортивного дискурсу зокрема знайшла відображення в роботах Ф. Бацевича, Т. Добросклонської, М. Желтухіної, Ю. Турченко та інших авторів. Так, Ф. Бацевич аналізує різні типи дискурсу, в тому числі — дискурс засобів масової інформації, спортивний дискурс тощо [1]. У роботі М. Желтухіної наведено специфічні характеристики дискурсу ЗМІ [2]. Утім, проведений аналіз наукової літератури показав, що питання визначення особливостей представлення медіатеми «Футбол» у спортивному дискурсу сучасних ЗМІ ще не отримало достатньої розробки та потребує уваги філологів.

Таким чином, мета нашої статті — визначити особливості представлення медіатеми «Футбол» у спортивному дискурсі сучасних засобів масової інформації.

Досягнення мети наукової розвідки передбачає з'ясування сутності поняття «спортивний дискурс сучасних ЗМІ». У свою чергу сутність вищезгаданого поняття можна, на наш погляд, уточнити шляхом аналізу його базових категорій — «дискурс» та «мова ЗМІ». Як зазначає Ф. Бацевич, використання терміну «дискурс» у різних значеннях свідчить про «розмитість» його поняттєвих меж [1, с. 137]. Ми повністю погоджуємося із думкою вченого, що дискурс являє собою сукупність мовленнєво-мисленнєвих дій комунікантів, пов'язаних з пізнанням, осмисленням і презентацією світу мовцем і осмисленням мовної картини світу адресанта слухачем (адресатом) [там само, с. 138].

У визначенні сутності іншої категорії — «мова ЗМІ» — ми спиралися на дослідження Т. Добросклонської. Науковець розглядає мову ЗМІ у трьох вимірах, а саме: **як увесь корпус текстів**, що виробляються та розповсюджуються засобами масової інформації; **як стійку внутрішньомовну систему**, що характеризується певними лінгвостилістичними властивостями та ознаками; **як особливу знакову систему змішаного типу** з певним співвідношенням вербальних й аудіовізуальних компонентів, що є специфічним для кожного із засобів масової інформації — преси, радіо, телебачення, Інтернету [3, с. 10].

На основі аналізу базових категорій та особливостей мови ЗМІ ми визначаємо спортивний дискурс сучасних ЗМІ як *сукупність мовленнєвих утворень, що використовується в сучасних ЗМІ,*

стосуються сфери спорту та спрямовані на зацікавленого в спортивному житті адресата.

Для визначення особливості представлення медіатеми «Футбол» у дискурсі сучасних спортивних засобів масової інформації, на наш погляд, необхідно проаналізувати основні функції та характеристики дискурсу сучасного мас-медіального дискурсу. Ми повністю погоджуємося із думкою О. Добросклонської про те, що однією з найголовніших функцій мови мас-медіа виступає *інформаційна* функція [3, с. 10]. Дійсно, засоби масової інформації виступають своєрідною зв'язуючою ланкою між людиною та оточуючим світом. Мас-медіа допомагають людині, з одного боку, бути в курсі подій, що відбуваються навколо. З іншого боку, ЗМІ є тим каналом, через який людина може повідомити іншим про себе, свої проблеми тощо.

Спортивне життя відзначається яскравістю, непередбачуваністю, динамічністю. З огляду на викладене вище не є дивним намагання працівників засобів масової інформації передати динамізм певної спортивної події, її значущість тощо. Причому, якщо теле- або радіожурналісти можуть використовувати крім власне мовних засобів ще й аудіовізуальні (інтонація, жестикуляція, темп мовлення), то журналісти друковані ЗМІ мають послуговуватися переважно мовними для інформаційного наповнення матеріалу.

У зв'язку з цим для підсилення інформаційного ефекту журналісти часто використовують стилістичні засоби, проводячи аналогії з іншими спортивними подіями. Так, автор статті «FIFA WORLD CUP 1998» порівнює Чемпіонат світу з футболу у Франції з відомою велогонкою «**Tour de France**» — «Тур Францією» [4, с. 63]. Іншими словами, для описання чемпіонату світу та перспектив збірної Німеччини автор використовує **метафору**, побудовану на аналогії між гонкою, яка пролягає дорогами Франції, та Чемпіонатом світу, що проходить також у Франції («дорогами Франції»). Приклад використання стилістично маркованих одиниць можна знайти в уже згаданій статті, де автор називає збірну Німеччини — **die deutsche Elf** [там само, с. 62]. У цьому випадку використовується метонімія — за допомогою такої ознаки, як «кількість гравців на полі в одній команді», автор характеризує іменник («національна збірна»). Таким чином, особливістю представлення медіатеми «Футбол» у дискурсі спортивних ЗМІ виступає **використання** автором **метафори** та **метонімії**, часто *запозичених із інших видів спорту*.

Іншим засобом повідомлення інформації про футбольні чи навколо футбольні події виступає **скорочення**, **аббревіація** лексики. Так, німецькі спортивні журналісти, що пишуть на тему «Футбол» / «Хокей» або ведуть футбольні трансляції, використовують іменник «der **Schiri**», який є скороченням іменника **der Schiedsrichter** — «спортивний суддя».

Часто-густо журналісти скорочують імена та прізвища футболістів. Так, головний редактор тижневика «Футбол» Артем Франков використовує скорочення **СаШо**, яке є скороченням імені та

прізвища воротаря футбольного клубу «Динамо (Київ)» і збірної України Олександра Шовковського. Зокрема, у звіті про матч національних збірних України та Болгарії Артем Франков пише: «...**СаШо** до мяча не добрался...» [5, с. 6]. Утім, варто зазначити, що використання скорочень імен і прізвищ спортсменів є характерною не тільки для матеріалів на футбольну тематику. Так, чемпіона з гонок у класі «Формула-1» Міхаеля Шумахера журналісти у своїх матеріалах називають **Schumi**, що є скороченням імені і прізвища спортсмена — **Michael Schumacher**. Таким чином, особливість представлення медіатеми «Футбол» у дискурсі сучасних спортивних ЗМІ полягає у **використанні журналістами скорочень термінів або імен і прізвищ спортсменів**.

Англійська мова є однією з найбільш поширених мов у світі, мовою міжнародного спілкування. З огляду на вищевикладене не викликає подиву запозичення з англійської мови в українську спортивної лексики з теми «Футбол», оскільки саме Англія вважається родоначальницею гри. Використання такої лексики зумовлюється необхідністю уникнення під час репортажу повторів, урізноманітнення лексики. Дійсно, використання іншомовної лексики буває виправданим, але лише за двох умов: по-перше, вживання таких мовних одиниць допускається, якщо в українській мові важко знайти відповідник; по-друге, лексика є зрозумілою для цільової аудиторії — вболівальників та глядачів.

Можливим видається використання телекоментаторами термінів «**ліберо**» (укр. «останній захисник»), «**голкіпер**» (укр. «воротар») тощо. Утім, варто оцінити прагнення німецьких спортивних журналістів у відстоюванні власної футбольної термінології. Наприклад, термін «**воротар**» у німецькій мові має два відповідника: «**der Torwart**» («сторож воріт») бо «**der Torhueter**» («той, хто оберігає ворота») [4; 6]. Водночас абсолютно незрозумілим з точки зору урізноманітнення лексики видається використання футбольними коментаторами терміну «**хавбек**» (від англ. «**halfback**» — дослівно «той, що грає наполовину позаду», «півзахисник»). Невиправданість використання кальки з англійської пояснюється наявністю в українській мові достатньої кількості відповідників — «півзахисник», «гравець середини поля», «гравець середньої лінії», «напівоборонець», «диспетчер» тощо.

Прикладом не зовсім вдалого вживання іншомовної лексики може бути звіт про матч збірних Іспанії та Чехії у кваліфікаційному раунді до Чемпіонату Європи 2012 року. Автор матеріалу називає збірну Іспанії **Фурія Роха** (від ісп. **Furia Rocha** — **Червона Фурія**) [7, с. 17]. Можливо, назва іспанської команди є знайомою тим вболівальникам, які цікавляться станом справ чемпіонів світу. Однак, викликає подив звернення автора до іспанської мови, оскільки не кожен із любителів футболу володіє нею. Зокрема, автор статті здогадався про смисл назви лише тому, що багато разів чув, як збірну Іспанії називали Червоною Фурією. Таким чином, особливістю представлення медіатеми «Футбол» у

спортивному дискурсі сучасних ЗМІ виступає **превалювання** (іноді — *невиправдане*) **іншомовної спортивної лексики**.

Ми повністю погоджуємося з думкою М. Желтухіної про те, що однією з визначальних характеристик мас-медіального дискурсу виступає *оцінність / експресивність* останнього [2, с. 38]. Для вираження експресії при представленні медіатеми «Футбол» крім фонетичних і тембральних якостей мовлення (інтонація, темп, голос тощо) та графічних засобів використовуються також стилістично марковані одиниці. Серед них у спортивному дискурсі сучасних засобів масової інформації найчастіше вживаються **епітет** та **метафора**. Так, воротаря збірної Німеччини називають **der Titan** (укр. «титан») [8, с. 10]. Вищезгадана метафора підкреслює велич, міць і надійність спортсмена. Таким чином, одна з особливостей представлення медіатеми «Футбол» у спортивному дискурсі сучасних ЗМІ полягає у **використанні** журналістами **епітетів** і **метафор**.

Іншим стилістичним засобом, що часто використовується в спортивних ЗМІ, виступає **гра слів**. Зокрема, звітуючи про перемогу збірної Німеччини у чвертьфіналі Чемпіонату світу 2002 року, журналісти захоплено говорили про гру воротаря збірної Олівера Кана. Описуючи його гру, автори матеріалу обіграли прізвище воротаря «**Kahn**» та форму третьої особи однини модального дієслова «**koennen**» («мати здатність») — «**kann**». Фраза «**Er kann alles**» — «Він може все» свідчить про захоплення журналістів надзвичайно надійним виступом воротаря [9, с. 11]. Отже, особливістю представлення медіатеми «Футбол» у спортивному дискурсі сучасних ЗМІ є **використання** авторами матеріалів **гри слів**.

Засоби масової інформації відіграють важливу роль у процесі формування в людини цілісної картини світу. Популярність спорту в цілому та футболу зокрема зумовлює зростання інтересу до аналізу особливостей представлення медіатеми «Футбол» у спортивному дискурсі сучасних ЗМІ. У статті спортивний дискурс засобів масової інформації отримує наукове трактування як сукупність мовленнєвих утворень, що використовуються в сучасних ЗМІ, стосуються сфери спорту та спрямовані на зацікавленого в спортивному житті адресата.

Аналіз телевізійних трансляцій футбольних матчів і матеріалів на футбольну тематику в друкованих засобах масової інформації дозволив виділити такі особливості представлення медіатеми «Футбол» у дискурсі сучасних ЗМІ: 1) використання метафори та метонімії, часто запозичених із інших видів спорту; 2) використання скорочень термінів, імен і прізвищ; 3) превалювання (іноді — *невиправдане*) іншомовної спортивної лексики; 4) використання епітетів і метафор; 5) використання авторами матеріалів гри слів.

Безперечно, матеріал статті не вичерпує всіх аспектів проблеми, що розглядається. Перспективи подальших наукових пошуків у даному напрямку вбачаємо у з'ясуванні впливу запозиченої спортивної лексики на розвиток української літературної мови.

Література

- 1. Бацевич Ф. С.** Основы коммуникативной лингвистики : учебник / Ф. С. Бацевич. — К. : Издав. центр «Академія», 2004. — 344 с.
- 2. Желтухина М. Р.** О содержании дискурса масс-медиа / М. Р. Желтухина // Вісн. Луган. нац. пед. ун-ту : Філологічні науки. — 2007. — № 11 (28). — С. 27—40.
- 3. Добросклонская Т. Г.** Язык СМИ: становление и содержание понятия / Т. Г. Добросклонская // Вест. Москов. ун-та : Лингвистика и межкультурная коммуникация. Сер. 19. — 2007. — № 4. — С. 9—17.
- 4. Orth M.** WM '98. FIFA WORLD CUP 1998 / Martin Orth // Deutschland. — Nr. 3. — Juni 1998. — S. 62—65.
- 5. Франков А.** Под визг болгарки / А. Франков // Футбол. — 2011. — № 81. — С. 4—8.
- 6. Zelustek Ju.** Geht am 9. Juli die Sonne auf? / Ju. Zelustek // WM-2006. — 2006. — Nr. 1. — S. 7—8.
- 7. Панкратов Е.** Евро-2012. Отбор. Чехия — Испания / Е. Панкратов // Футбол. — 2011. — № 81. — С. 16—17.
- 8. Westerheide D.** Nur Ballack ist gesetzt / D. Westerheide // WM-2006. — 2006. — Nr. 1. — S. 10—11.
- 9. Ruiner W.** Kahn gegen Amerika 1:0 / W. Ruiner // Bild. — 2002. — 22 Juni. — S. 11.

Мацько Д. С. Особливості представлення медіатеми «Футбол» у спортивному дискурсі сучасних ЗМІ.

Стаття присвячена аналізу спортивного дискурсу. На основі аналізу друкованих матеріалів з футбольної тематики та телевізійних трансляцій автор визначає особливості представлення медіатеми «Футбол» у спортивному дискурсі сучасних ЗМІ.

Ключові слова: дискурс, медіатема «Футбол», спортивний дискурс, сучасні ЗМІ.

Мацько Д. С. Особенности представления медиатемы «Футбол» в спортивном дискурсе современных СМИ.

Статья посвящена анализу спортивного дискурса. На основе анализа печатных материалов по футбольной тематике и телевизионных трансляций автор определяет особенности представления медиатемы «Футбол» в спортивном дискурсе современных СМИ.

Ключевые слова: дискурс, медиатема «Футбол», современные СМИ, спортивный дискурс.

Matsko D. S. The peculiarities of the mediatopic «Football» presentation in the sports discourse of modern mass-media.

The article deals with the analysis of sports discourse. Having analysed printed materials on football events and TV broadcast the author defines the peculiarities of the mediatopic «Football» presentation in the sports discourse of modern mass-media.

Key words: discourse, mediatopic «Football», modern mass-media, sports discourse.

НОВАЦИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 378.016:811.111.1

И. А. Соболева

**ПРОГРАММА КУРСА «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ»
ДЛЯ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ**

В статье предложена программа одного из возможных в вузе элективных курсов при изучении русского языка как иностранного. В соответствии с современными методическими требованиями элективные курсы выполняют две функции. Одни из них «поддерживают» изучение основных профильных предметов на уровне, заданном профильным стандартом, другие служат для внутрiproфильной специализации обучения и для построения индивидуальных образовательных траекторий.

Предлагаемая нами программа курса «Лингвокультурология», относится к элективным курсам второго типа и адресована студентам, магистрантам и аспирантам, изучающим русский язык как иностранный.

Объяснительная записка

Современный период развития методики преподавания языков характеризует обостренный интерес к проблеме «национальная культура в обучении языкам», к обучению языку не только как средству общения, познания мира, но и средству приобщения к национальной культуре, к культуросоносной (кумулятивной) функции языка. Культурный компонент в преподавании русского языка как иностранного становится одним из важнейших средств развития духовного мира человека, приобщения его к другому национальному самосознанию, в конечном счете — русской языковой личности.

Формирование культуроведческой компетенции при изучении какого-либо иностранного языка позволяет получить языковые знания не изолированно от внешнего мира, а изучать русский язык как своеобразную сокровищницу ценностей русского народа, его опыта и мудрости, как составной части его национальной культуры. Сказанное определяет важность, значимость элективного курса «Русский язык и культура» в системе гуманитарного профильного образования.

Предлагаемый курс в силу своей специфики может дать целостное освещение проблемы «язык и культура», преодолев фрагментарность и определенную бессистемность реализации культуроведческого аспекта в базовом курсе.

Содержание и структура предлагаемого курса разработаны на основе лингвострановедческой концепции изучения и преподавания языка Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, исследований конца XX века

в области лингвокультурологии.

Теоретическую основу предлагаемого курса составляют следующие положения.

Язык и культура неразрывно связаны: язык — национальная форма выражения и воплощения культуры; язык — основная форма хранения знаний о культуре русского народа и средство их познания.

Язык и отдельные его единицы обладают способностью отражать, фиксировать и сохранять определенную культурную и историческую информацию. Именно благодаря этой кумулятивной функции язык может быть эффективным средством приобщения студентов к материальной и духовной культуре русского народа, к его истории, обычаям и традициям [1, 2].

В. Н. Телия считает: «Оязыковленная и всегда культууроукрашенная картина мира воздействует на человека, формируя его языковое сознание, а вместе с ним и культурунациональное самосознание», «...язык участвует в формировании менталитета этноса, народа, нации» [3, с. 47].

В курсе реализованы два направления.

Первый путь — это изучение русского языка в контексте русской культуры, познание, постижение русской культуры, отраженной в языке. Формирование контекста русской культуры осуществляется путем включения сведений о русском языке как средстве выражения национальной культуры народа, об особенностях русского языка, его самобытности, своеобразии, эстетической ценности. Это представление русских слов-реалий, называющих характерные детали русского быта, фольклора, истории, стереотипов русского речевого поведения, включая речевой этикет. Наконец, это широкое использование текстов, в целом воссоздающих национально-культурный фон России [4, 5].

Второй путь представления курса — познание культуры русского народа в диалоге культур. Диалог — это беседа, взаимный разговор. В диалоге культур «встречаются» русская культура и культура других народов; каждая культура открывает свои новые стороны и в то же время демонстрирует то общее, что объединяет культуры разных народов и людей, говорящих на разных языках.

Как известно, реальностью наших дней становится поликультурное образование, ориентированное на культуру многих народов. Все больше людей овладевают иностранными языками, часто не одним, в результате этого они приобщаются не только к русской, родной культуре, но и к культуре других народов [6].

Педагогической задачей становится приобщение к национальной культуре, воспитание толерантности, понимания студентами национально-культурных различий. Диалог культур в преподавании русского языка может явиться важным средством осознания молодыми людьми многообразия духовного и материального мира, признания и понимания ими ценностей другой культуры,

средством формирования умения жить и общаться в многонациональной стране.

В конечном счете, диалог культур — один из путей осознания своей ментальности, в которой отражены смыслы и ценности личности, мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях [7].

Выделение охарактеризованных взаимосвязанных двух направлений изучения курса (язык в контексте культуры и диалог культур) в определенной мере условно. Оно не отражает всей сложности представления учебного материала. Предлагаемое выделение помогает более четко и направленно определить содержание курса, хотя оно гораздо сложнее и разнообразнее.

Организирующим началом раскрытия проблемы «язык и культура» в разных разделах курса является русская языковая картина мира, на фоне которой осуществляется изучение языка и культуры.

Многообразие этно- и социолингвистических условий функционирования русского языка, его территориальное варьирование, национально-культурные запросы конкретного региона определяют необходимость представления в программе вариативного регионально-культурного компонента. Например, интерес для изучения представляют топонимистические и омонимистические названия края, города.

В результате изучения элективного курса «Лингвокультурология» студенты (аспиранты, магистранты) должны:

1) осознать русскую языковую картину мира, особенности русского языка, его своеобразие, уникальность;

2) уяснить кумулятивную функцию языка;

3) усвоить понятия: «языковая картина мира», «денотативное, коннотативное значения слова», «фоновые слова», «диалог культур», «концепт», «менталитет» и др.;

4) уметь выявлять в тексте национально-маркированные единицы языка, осуществлять их лингвокультурное комментирование и интерпретацию;

5) адекватно воспринимать национально-маркированные единицы языка и употреблять их в речи;

6) уметь сопоставлять факты русского, иностранного и родного языка;

7) владеть умениями и навыками межкультурного общения;

8) владеть общеучебными навыками информационной переработки текста (составлять конспект, правильно записывать лекцию, писать рецензии, аннотации, делать сообщения, участвовать в дискуссии).

Методика проведения курса представляет естественное продолжение той работы, которая проводится в базовом курсе в рамках формирования культуроведческой компетенции. Однако в данном курсе

более широко используются лекции как способ сообщения теоретических знаний, задания творческого характера. В изучении теоретических вопросов курса целесообразны лекции-беседы. Лекция, небольшая по объему, дает возможность преподавателю в сжатой форме изложить теоретический материал. Вместе с тем она приучает студентов к восприятию на слух лингвистического материала. При этом необходима подготовительная работа к лекции: сообщение перед лекцией, в особенности на первых порах, ее плана, толкование терминов.

Цель лекций — сообщить определенный теоретический материал, ввести учащихся в курс рассматриваемой проблематики, охарактеризовать материал какого-либо раздела, обобщить, систематизировать уже известный материал. Лекции-беседы могут знакомить студентов с организацией процесса исследования, с техникой лингвистического анализа.

Эффективной формой проведения элективного курса может явиться лекционно-семинарское изложение учебного материала: оно представляет собой лекцию преподавателя с включением в нее небольших сообщений студентов.

В изучении некоторых тем (например, «Язык как средство самовыражения народа», «Отражение особенностей русской национальной культуры в стилистических средствах языка» и др.) более целесообразны такие формы, как наблюдение, анализ текста, комментарии, которые направлены на формирование навыков нахождения национально-маркированных единиц языка, определения их типа, функций. Самостоятельная работа студентов направлена на выявление и понимание национально-культурной семантики языковых единиц.

Формированию у студентов адекватного восприятия национально-маркированных единиц языка способствует моделирование диалога культур. Важное место в курсе отводится сопоставлению национально-маркированных единиц русского и родного языка, отражающих своеобразие национальной картины мира.

Целесообразно использование метода проектов, выделение значимой в творческом плане проблемы, требующей исследовательского поиска для ее решения. Возможные темы проектов: «Русский язык — форма самовыражения народа», «Мы равные, но разные в возможностях раскрытия картины мира», «Почему языки такие разные?» и др.

Изучение курса предполагает работу со словарями и справочниками по определению понятий и терминов, составлению характеристик слов с культурным компонентом в разных словарях.

Программа

I. Язык и культура. Содержание понятия культура.

Культура — все материально и духовно созданное человеком — культура Древней Руси, русская культура, памятники культуры.

Язык — основная форма хранения знаний о культуре русского народа и средство их познания.

Функции языка. Кумулятивная функция языка, его способность отражать, фиксировать и сохранять в единицах языка определенную культурную и историческую информацию. Соотношение, неразрывная связь языка и культуры.

II. Картина мира — знание человека о мире. Язык и картина мира. Языковая картина мира — отражение в языке совокупности представлений о мире, его устройстве, свойственное носителям данного языка. Общность и своеобразие представления картины мира в разных языках. Причины несовпадения языковых картин мира.

Связь понятия языковой картины мира с богатством, величием языков. Равные, но разные возможности представления картин мира в языке.

Лексика, отражающая жизнь, быт, культуру Донбасса.

III. Слова с экспрессивным, эмоциональным компонентом значения. Национальные словесные образы. Их различие в разных языках. Образы животных, птиц, растений — составляющая национальной картины мира, запечатленной в русском языке, в художественной литературе и народном творчестве.

Внутренняя форма слова — источник различий в языковых картинах мира.

Слова, денотативное значение которых отражает своеобразие национальной картины мира. Лексико-семантические группы слов, обозначающие степень родства, части тела, время, цвет, размер, высоту. Слова этой группы русского языка в сопоставлении с другими языками.

1. Фоновая лексика. Фоновые знания как отражение особенностей восприятия явлений действительности представителями определенного языка и культуры, как показатель принадлежности к определенной национально-культурной общности. Возвращение в современный язык забытых, утраченных слов (*лицей, гимназия, дворянское собрание* и т.д.).

2. Фразеологизм в контексте культур. Культурно-национальная специфика фразеологизмов. Пословицы, поговорки.

Связь образов, закрепленных во фразеологии, с духовной и материальной культурой русского народа.

Средства воплощения культурно-национальной специфики.

3. Русские имена, отчества, фамилии.

Этимология имен. Культурный компонент антропонимов. Прецедентные имена. Имена, входящие в состав пословиц и поговорок.

4. Топонимы — свидетели истории народа. Культурный компонент топонимов.

5. Прецедентные высказывания — показатель принадлежности к национальной культуре.

6. Текст в контексте культуры. Текст — цель и средство

исследования культуры, способ проникновения в ее сущность.

IV. Концепты как средство представления культуры народа в языке. Языковая концептуализация мира человека в каждом языке. Особенности концептуализации мира в русском языке. Концепты духовной культуры русского народа, принадлежащие к русской языковой картине мира.

V. Отражение русской ментальности в языке.

1. Экспрессивность русского слова. Богатство языковых средств для выражения эмоций. Местоимения *ты* и *вы*. Русское предложение в контексте отражения типичных черт русского национального характера. Модальные слова, частицы, междометия как выразители жизненной позиции русского человека.

2. Отражение особенностей русской национальной культуры в стилистических средствах языка. Источники образности (названия животных, цветов и т. д.).

3. Сравнения, эпитеты, метафоры, олицетворения русского языка.

4. Паралингвистические единицы: мимика, жесты, телодвижения.

Национальные особенности интонации.

Национальная специфика мимики и жестов в различных ситуациях общения. Коммуникативные жесты, жесты, сопровождающие вербальную речь.

5. Речевой этикет. Нормы речевого этикета в социально-бытовой, социально-культурной, учебно-научной, официально-деловой сферах общения. Национальная специфика русского речевого этикета. Особенности русского речевого этикета.

VI. Диалог культур — реальность нашего времени.

Диалог культур — процесс встречи двух культур, национальных картин мира, который протекает в сознании общающихся между собой носителей этих культур.

Своеобразное членение мира, отражающееся в языке, самовыражение народа в отборе языковых элементов в речи — основа диалога культур. Диалог культур — путь осознания своей ментальности. Диалог культур — средство осознания многообразия духовного и материального мира, формирования умения жить и общаться в многонациональной стране.

Национально-культурное своеобразие русского языка в словарях.

Литература

1. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М. : Индрик, 1990. — 1040 с. **2. Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М. : Русские словари, 1996. — 416 с. **3. Воробьев В. В.** Лингвокультурология. Теория и

методы / В. В. Воробьев. — М. : РУДН, 1997. — 331 с. **3. Телия В. Н.** Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 288—317. **4. Гудков Д.** Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Гудков. — М. : Гнозис, 2003. — 288 с. **5. Прохоров Ю. Е.** Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. — М. : Наука, 1996. — 314 с. **6. Шмелев А. Д.** Русская языковая модель мира / А. Д. Шмелёв. — М. : Наука, 2002. — 224 с. **7. Быстрова Е. А.** Диалог культур на уроках русского языка / Е. А. Быстрова. — СПб. : Просвещение, 2002. — 144 с.

Соболева І. О. Програма курсу «Лінгвокультурологія» для студентів, які вивчають російську мову як іноземну.

У статті розглядається програма курсу «Лінгвокультурологія» для іноземних студентів, які вивчають російську мову. У системі гуманітарної освіти дуже важливим є формування культурознавчої компетенції.

Ключові слова: лінгвокультурологія, комунікативна компетенція, кумулятивна функція мови, мовна картина світу.

Соболева И. А. Программа курса «Лингвокультурология» для студентов, изучающих русский язык как иностранный.

В статье рассматривается программа курса «Лингвокультурология» для иностранных студентов, изучающих русский язык. В системе гуманитарного образования чрезвычайно важным является формирование культуроведческой компетенции.

Ключевые слова: лингвокультурология, коммуникативная компетенция, кумулятивная функция языка, языковая картина мира.

Soboleva I. A. The program of a course «Linguistic culture» for the students studying Russian as foreign.

The article considers the program of the course «Linguistic culture» for the foreign students studying Russian. The formation of cultural competence is extremely important in the Arts education system .

Key words: linguistic culture, the communicative competence, cumulative function of language, a language picture of the world.

УДК 378.016 : 811. 161.1

Э. В. Минаева, Т. А. Пономарёва

ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Культурно-ориентированное обучение русскому языку как иностранному является наиболее перспективным в современной методике преподавания.

Обучение иностранному языку в контексте культуры представляет собой сложную систему. Общеизвестным является мнение, что система преподавания любого иностранного языка должна включать в себя «культурный компонент», назначением которого является знакомство учащихся с базовыми духовными ценностями, этнопсихологическими особенностями и поведенческими (речеповеденческими) стереотипами его носителей. Основы этого направления, названного лингвострановедением, были заложены Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Лингвострановедческий подход позволяет изучать язык в теснейшей взаимосвязи с культурой его носителей. К концу XX века лингвокультурология в дидактическом плане постепенно вытесняет страноведение. Об этом свидетельствуют работы по методике преподавания русского языка как иностранного В.В. Воробьева, Ю.Е. Прохорова, В.М. Шаклеина и др. исследователей.

Лингвокультурологическое направление в изучении русского языка как иностранного теснейшим образом связано с лингвоконцептологией — актуальной областью современной лингвистики. Лингвоконцептологический подход в преподавании иностранных языков предлагает такое видение, в центре которого оказываются концепт и концептосфера как лингводидактические единицы (такой подход представлен, например, в работе Ю. Ларссон [1]).

Концепт, по определению С.Г. Воркачева, является единицей коллективного знания/сознания, имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой [2]. Ю.С. Степанов, в предисловии к своему словарю «Константы: Словарь русской культуры» писал: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру» [3, с. 40]. Это обуславливает методологическую ценность лингвоконцептологического подхода в обучении иностранных студентов русскому языку. Овладение иностранным языком достигается не только путём традиционного изучения фонетики, грамматики, лексики, а путём усвоения языка «чужой» культуры через её национальные концепты. Можно ли утверждать, что иностранный студент, изучивший грамматику

русского языка, умеющий продуцировать тексты на неродном языке, но не имеющий понятия о специфике русской концептосферы, изучил язык и приблизился к познанию русской культуры? Не приведет ли это к парадоксальной ситуации, как это случилось на одном из наших занятий с иностранными студентами, когда студентка на вопрос преподавателя «что вы узнали о русских?» ответила: «Русские ходят в сарафанах, летают в космос и играют на балалайке»? Лингвоконцептологический подход в преподавании русского языка как иностранного «раздвигает» методологические границы, предлагает новые возможности как для преподавателя, так и для иностранного студента.

Лингвоконцептологическая методология заключается в «погружении» языкового сознания иностранных студентов в концептосферу русского языка, а также в моделировании у них целостных этнокультурных знаний о русской культуре и русском языке с помощью преобразования в когнитивную целостность уже имеющихся и все же разрозненных лингвокультурологических представлений. При такой методике обучения в процессе взаимодействия разных культур (русской культуры и культуры студента-инофона) посредством их концептосфер возникает диалог (полилог) культур и их концептосфер. Это даёт студенту понимание того, что культура, познаваемая через язык, и язык, изучаемый через культуру, не существуют изолировано от его родных языка и культуры. Таким образом получает практическое подтверждение лингводидактический тезис, утверждающий, что обучение русскому языку как средству коммуникации между представителями разных народов и культур должно осуществляться в проекции на родные для студента-иностранца язык и культуру.

Лингвистическая концептология стала методологической основой разработанного нами учебно-методического пособия для иностранных студентов филологических специальностей «Русская концептосфера в текстах (с заданиями и комментариями)».

Цель данного пособия — сформировать у иностранных студентов представление о русской языковой картине мира, русском менталитете; с опорой на изучение русской концептосферы обучить их механизмам декодирования лингвокультурных текстов и других феноменов культуры, таких как произведения живописи, музыкальные произведения.

Пособие представляет собой модель концептосферы русского языка и состоит из нескольких концептуально значимых разделов, названных по имени изучаемых концептов: Душа, Удадь, Пространство, Совесть, Добро — Зло, Правда — Ложь, Родина, Судьба, Тоска, Труд — Лень, Ум — Глупость — Хитрость, Авось да Небось, Воля — Свобода. Организация пособия с учётом бинарности русской концептосферы представляется нам методически верной. В пособии рассматриваются ключевые константы русской культуры, в том числе «дублетные лингвоконцепты», не имеющие аналогов в других языках. Это такие

концепты, как «правда» и «справедливость», «совесть» и «сознание» и др. С.Г. Воркачев отмечает, что такие «дублетные лингвоконцепты» оказывают наиболее существенное влияние на национальный характер [4, с. 15], и, по нашему мнению, могут способствовать расширению и обогащению концептосферы иностранных студентов.

В пособии предпринята попытка показать функционирование значимых лингвоконцептов в русской языковой картине мира на материале аутентичных научных, научно-популярных, публицистических, фольклорных и художественных текстов.

В лингводидактической практике используются различные тексты: устные и письменные; учебные (т. е. подготовленные автором учебника или преподавателем для учебных целей) и аутентичные (оригинальные, подлинные, созданные автором для реального общения с другими носителями языка [5, с. 59]). Выбор типа текста и его жанра зависит от этапа обучения и поставленных задач. Лингвоконцептологический подход, в русле которого написано пособие, предполагает рассмотрение аутентичного текста как лингвокультурологического феномена: именно в оригинальных текстах репрезентируются концепты — носители культурных смыслов.

Концепты не являются величиной постоянной, содержание концепта с изменением социокультурных реалий претерпевает изменения. Наша задача — представить разные в хронологическом плане тексты, позволяющие проследить качественные изменения концепта, когда на смену одним признакам приходят новые. Так, в пособии наряду с отрывками из произведений классиков XIX века представлены и современные тексты (например, современная проза и эссеистика, опубликованная в Интернете). Таким образом, через тексты можно проследить не только изменения в содержании концептов, но и эмоционально-оценочное отношение носителей языка и культуры к тем или иным признакам рассматриваемых концептов.

Особое внимание в пособии уделено русскому фольклору как выразителю этнокультурных смыслов концептов, а также художественному тексту, которому «в кругу источников когнитивных исследований должна быть отведена роль не только самого достоверного и информативного источника, но и своеобразного эталона и камертона русского языкового сознания» [6, с. 141]. Как справедливо отмечает Н.В. Кулибина, художественный текст «является как бы «трижды культурным объектом» [5, с. 40]. Во-первых, содержание художественного произведения национально-культурно по определению, т. к. в литературе отражена вся жизнь народа, в том числе и культура как важнейшая ее составляющая. Во-вторых, язык — тот «материал», из которого «изготовлен» художественный текст, — это один из важнейших культурных феноменов. И, в-третьих, художественный текст, будучи произведением искусства, сам является артефактом культуры [там же].

Работа с текстами направлена на формирование знаний иностранных студентов о русской концептосфере, закреплённой в культурно значимых текстах, а также на развитие лингвокультурной компетенции обучаемых.

Важное значение в пособии имеют также паремиологический и фразеологический фонды русского языка. Паремии и фразеологизмы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Система образов, закреплённых в паремиологическом и фразеологическом фондах языка, служит средством кумуляции национального мироведения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях. Национально-культурная коннотация, которую содержат эти языковые единицы, позволяет считать их национально-специфическими единицами языка, аккумулирующими и передающими из поколения в поколение культурный потенциал народа.

Паремиологические и фразеологические единицы, являясь носителями культурной памяти народа, представляют огромную ценность для студента-иностранца. И одновременно паремии и фразеологизмы чрезвычайно сложны для интерпретации иностранными студентами. У иностранцев вызывает трудности и правильное использование в коммуникативной практике паремиологических и фразеологических единиц. Поэтому в пособии не только дана лингвокультурологическая информация о паремиологических и фразеологических единицах, но и сформулированы задания коммуникативного типа, направленные на работу с этими единицами.

Пособие включает комплекс заданий, которые образуют 2 блока: проблемные вопросы к текстам и грамматические упражнения, базирующиеся на текстовом материале. Активно используются задания и комментарии, связанные с лингвистическими словарями разных типов. Задания направлены на формирование академических знаний и прагматических умений в области русской лингвоконцептологии и лингвокультурологии, на создание благоприятного мотивационного и эмоционального фона на занятиях русского языка как иностранного, что ведёт к развитию устойчивого интереса к его овладению.

Итак, мы рассмотрели основные методологические векторы обучения русскому языку как иностранному, связанные с современным научным направлением — лингвоконцептологией. По нашему убеждению, представленность концепта и концептосферы в качестве лингводидактических единиц позволяет сформировать у иностранных студентов представление о русской картине мира, русском менталитете; обучить их механизмам декодирования лингвокультурных текстов и других артефактов культуры.

Литература

- 1. Ларссон Ю.** Использование системы концептов в обучении РКИ / Ю. Ларссон // Русский язык за рубежом.— 2008. — № 3.
- 2. Воркачев С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72.
- 3. Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М.: Академ. проект, 2001. — 990 с.
- 4. Воркачев С. Г.** Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: монография / С. Г. Воркачев. — Волгоград: Парадигма, 2009. — 190 с.
- 5. Кулибина Н. В.** Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного / Н. В. Кулибина. — СПб.: Златоуст, 2001. — 264 с.
- 6. Антонова С. М.** Говорение и мышление: языковое моделирование и источники его изучения // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. / [под ред. М. И. Конюшкевич] / С. М. Антонова. — Гродно: ГрГУ, 2002. — 188 с. — (Вып. 4).

Мінаєва Е. В., Пономарьова Т. О. Лінгвоконцептологічний підхід у вивченні російської мови як іноземної.

У статті розглянуто деякі положення лінгвоконцептологічного підходу в методиці викладання російської мови як іноземної. Лінгвоконцептологія у дидактичному аспекті сприяє формуванню у іноземних студентів уявлень про російську концептосферу, а також навчанню механізмів декодування лінгвокультурних текстів. Представлено основні методичні позиції розроблені авторами статті навчально-методичного посібника для іноземних студентів філологічних спеціальностей «Російська концептосфера в текстах (із завданнями та коментарями)».

Ключові слова: культура, лінгвоконцептологія, концепт, лінгвокультурний текст, методика викладання російської мови як іноземної.

Минаева Э. В., Пономарёва Т. А. Лингвоконцептологический подход при обучении русскому языку как иностранному.

В статье рассмотрены некоторые положения лингвоконцептологического подхода в методике преподавания русского языка как иностранного. Лингвоконцептология в дидактическом преломлении способствует формированию у иностранных студентов представлений о русской концептосфере, а также обучению механизмам декодирования лингвокультурных текстов. Представлены основные методические позиции разработанного авторами статьи учебно-методического пособия для иностранных студентов филологических специальностей «Русская концептосфера в текстах (с заданиями и комментариями)».

Ключевые слова: культура, лингвоконцептология, концепт, лингвокультурный текст, методика преподавания русского языка как иностранного.

Minaeva E. V., Ponomaryova T. A. Linguoconceptological approach in teaching Russian as foreign language.

Some points of linguoconceptological approach in Russian as foreign language teaching methods are considered in the paper. Linguoconceptology in didactic interpretation contributes to forming of foreign students' ideas about the Russian concept sphere as well as learning of decoding mechanisms of linguocultural texts. The paper presents the main methodological positions of textbook «Russian concept sphere in the texts with exercises and comments» for foreign students of philological disciplines developed by the authors of the paper.

Key words: culture, linguoconceptology, concept, linguocultural text, Russian as foreign language teaching methods.

УДК 373.016: 811.161.1

В. И. Ковалёв

**КОМПЬЮТЕР В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОИСКОВ**

Одним из самых важных и приметных явлений в дидактике нашего времени стал компьютер. Не будет преувеличением сказать, что ни одно другое новое средство обучения не оказало такого существенного влияния на учебный процесс. И потому совершенно логично, что именно «фактор компьютера» во многом определяет направления современных методических поисков как учителей, так и учёных.

Активно создаются и внедряются электронные учебники и пособия; обучающие, контролирующие, тренировочные и демонстрационные компьютерные программы; обновляются авторские инструментальные среды и содержание программных средств; всё чаще учебная работа организуется с использованием ресурсов сети Интернет. Презентации же в формате «Power Point» систематически готовят и регулярно применяют многие школьные учителя.

Однако авторитетные специалисты по компьютерной лингводидактике (в частности, Э.Г. Азимов, М.А. Бовтенко, Н.В. Ладыженская, Е.С. Полат) неоднократно указывали, что лидерами этих процессов являются преподаватели предметов физико-математического цикла, а также иностранных языков и РКИ. Методисты же по русскому языку как родному и литературе заметно отстают.

Указанное отставание выражается прежде всего в ощутимо меньшем количестве компьютерных продуктов, менее современном их качестве и в недостаточно разработанной методике применения компьютерных технологий в практическом обучении.

Вначале перечислим имеющиеся достижения методистов-русистов.

В целом определены роль и место компьютера в учебном процессе: важное, но дополнительное средство обучения, которое сопровождает основной дидактический процесс, обеспечивая ему должную поддержку современными высокоэффективными технологиями. Показательно, что такое понимание фиксируется даже в формулировках тем современных диссертационных исследований по теории и методике обучения, например, [1] и [2].

Также в общем намечены основные направления использования информационных технологий в обучении языку: применение специальных CD-дисков и презентаций (на компьютере или интерактивной доске), включение материалов сети Интернет в содержание урока, индивидуальный либо совместный поиск информации в рамках работы над учебным проектом, самостоятельная работа, дистанционное обучение. [3, с. 7].

Особо следует отметить учебное пособие [4]. Оно адресовано студентам, предназначено для использования в элективном курсе и содержит подробное обобщение накопленного теоретического и практического опыта современных российских методистов и учителей, а также словарь-тезаурус по информационно-коммуникационным технологиям.

А в целом можно констатировать, что российские методисты работают главным образом в двух направлениях. Первое связано с созданием электронных пособий для учащихся. Причём довольно часто они критикуются даже школьниками за механический перенос принципов создания обычного книжного текста на другой, электронный носитель информации, без учёта богатых выразительных возможностей мультимедиа [4, с. 49]. Другое направление — подготовка методических пособий для учителей, с электронными приложениями, которые посвящены отдельным темам школьного курса и пригодны для использования на уроке без доработки и адаптации [5].

Украинские методисты-русисты заняты в основном разработкой компьютерного сопровождения отдельных тем и тематических блоков. На общем однородном фоне выделяются [6] и [7]. В первой публикации речь идёт об опыте создания авторского электронного пособия для 8 класса. Наибольший интерес здесь представляют методически оправданное использование фильмов и мультфильмов для иллюстрации функционирования изучаемого языкового материала (заметим, что удачно подобранные фрагменты дают возможность организовывать попутную работу над повышением уровня коммуникативной

компетентности), а также аудиолекции, которые гармонично восполняют пробелы в теоретических материалах учебника.

А вторая обстоятельно описывает авторское электронное пособие для старших классов и методику работы с ним. Можно сделать вывод, что оно вполне соответствует современным требованиям: не является, как это иногда случается, «обычным текстом на электронном носителе», а использует все преимущества информационно-коммуникационных технологий (гипертекстуальность, цветообозначения, возможность выбора индивидуальной тактики обучения и др.).

В таких условиях наиболее творческие и динамично мыслящие учёные, опираясь на опыт своего вузовского преподавания, показывают учителям и методистам перспективные примеры использования новых информационных технологий в учебном процессе.

В первую очередь скажем о публикации [8]. Её автор, заведующая кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, доктор филологических наук, профессор, создатель луганской школы дискурсологии Л.Н. Синельникова, рассматривает широкий круг вопросов, связанных с применением мультимедийных презентаций в вузовском обучении. Эта статья даёт дальнейшим методическим исследованиям не только мощный теоретический фундамент, но и эмоциональный импульс, вдохновляющий на практическое внедрение идей, изложенных в статье.

Несомненный интерес представляет и обобщение авторского опыта создания и применения тестовых компьютерных программ при изучении различных лингвистических дисциплин, сделанное учениками Лары Николаевны доцентами В.А. Розсохой [9] и Г.П. Джинджолия [10]. Их разработки могут служить перспективными образцами для будущих обучающихся и контролирующих программ по орфографии, орфоэпии, лексике и стилистике.

Наконец, несмотря на специфику каждого учебного предмета, объективно существуют реалии и понятия, имеющие междисциплинарную актуальность. Одним из таких фундаментальных понятий является информационно-коммуникационная компетенция, которая ныне считается «неотъемлемым компонентом профессиональной компетенции любого преподавателя и может быть определена как способность эффективно использовать информационно-коммуникационные технологии для оптимизации всех аспектов профессиональной деятельности. Быстрые темпы развития информационно-коммуникационных технологий делают содержание информационно-коммуникационной компетенции преподавателя открытым и динамичным и предопределяют необходимость её непрерывного совершенствования» [11, с. 17].

Заметим попутно, что и здесь есть серьёзные методические резервы, ведь исследователи, работающие в рамках указанной тематики,

пишут главным образом об информационно-коммуникационной компетенции учителя, выделяя тождественные, сходные и различные её компоненты в зависимости от особенностей учебной дисциплины, которую тот преподаёт. В то же время содержание и пути формирования информационно-коммуникационной компетенции учащихся остаются недостаточно разработанными.

Проведённый нами анализ современной методической литературы свидетельствует, что компьютерное сопровождение отдельных тем школьной программы (особенно правописных и грамматических) подготовлено довольно основательно и вариативно. Однако единого дидактического комплекса эти разработки пока не составляют. А обеспечение информационными технологиями работы над повышением уровня коммуникативной компетентности школьников находится пока на начальном этапе.

Поэтому в рамках данной статьи мы поставили перед собой следующую актуальную **цель**. *Основываясь на материалах научно-методических публикаций, наблюдаемом и обобщённом опыте передовых словесников и собственной педагогической практике, сформулировать перечень конкретных методических направлений эффективного использования компьютера в обучении русскому языку на разных этапах учебного процесса. При этом особое внимание следует уделить коммуникативному аспекту.*

По нашему замыслу, такая работа поможет учителю-словеснику не только получить ясное представление о системе дидактических возможностей современных компьютерных технологий, а ещё и учесть сформулированные нами рекомендации в своей практической деятельности.

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что эффективность применения компьютера напрямую зависит от того, на каком этапе учебного процесса это происходит. И выбор конкретного направления определяется дидактическими характеристиками и задачами каждого из трёх следующих этапов.

1. Подготовка к уроку. На этом этапе компьютер может быть полезно применён главным образом в таких направлениях.

Поиск дополнительной информации о предмете. Он осуществляется чаще всего на образовательных порталах сети Интернет (gramota.ru, ru.wikipedia.org, svetozar.ru и др.).

Поиск методических советов, дидактических материалов, готовых конспектов уроков. Для этой цели лучше всего подходят сайты научно-методических изданий (к примеру, 1september.ru, russianedu.ru, tiash.ru), специализированные сайты для словесников (в первую очередь — grammar.ru, language.edu.ru, pedsovet.org) и многочисленные авторские сайты и блоги.

Получение консультации специалиста в режиме реального времени. Многие образовательные Интернет-ресурсы имеют форумы, гостевые книги, позволяющие это сделать.

Бесплатная оперативная связь с коллегами, живущими за сотни километров от нас. Это позволяют сделать режимы ICQ, скайп, чат.

Быстрое создание собственной наглядности и мультимедийных презентаций высокого качества. В дополнение к названному выше здесь активно используются You Tube (прежде всего — раздел Teacher Tube), ESL, Flashcard Maker.

Подготовка звуковых материалов для диктантов, аудирования и т. п. Для решения данной задачи, кроме обращения к ресурсам Интернета, возможно самостоятельное творчество при наличии в компьютере микрофона и диктофона.

Оперативный подбор фильмов, мультфильмов и видеосюжетов. Ресурсы You Tube и ESL дают возможность не только получить в своё распоряжение, но и фрагментировать фильмы, сопровождать их вопросами и заданиями, в нужных местах применять режимы стоп-кадра, выключенного изображения, выключенного звука, что особенно удобно при работе над повышением коммуникативной компетентности в заданных ситуациях общения.

Распечатка дидактических материалов для урока.

2. В процессе урока. Сам факт использования учителем компьютера повышает в глазах нынешних учеников престиж педагога, преподаваемого им предмета и конкретного учебного материала. Кроме того, хорошо зарекомендовали себя следующие направления применения информационных технологий.

Мультимедийное усиление наглядности при объяснении новой темы. Перспектива различного цветового, шрифтового, звукового, визуально-образного преобразования и сопровождения учебного материала и динамичности его предъявления увеличивает результативность объяснительной речи учителя. При этом принципиально важно, чтобы электронные эффекты помогали прояснять существенные стороны лингвистических явлений, а не отвлекали бы восприятие на второстепенные детали.

Компьютерное представление языкового иллюстративного материала. Таким образом стимулируется внимание учащихся и усиливается занимательность, эстетичность и наглядность.

Экономия времени урока при организации тренировочных упражнений и контроля знаний. Заранее подготовленные компьютерные программы обеспечивают ученику доступ к заданиям одним нажатием клавиши. Тем самым отпадает необходимость в диктовке заданий, раздаче многочисленных бумажных карточек и проверке письменных ответов. Да и мотивация к работе за компьютером существенно выше, чем к письму в тетради. К сожалению, недостатки такой формы организации тренировки и контроля тоже немаловажны: зависимость от

количества и исправности компьютеров, а также исключение кинестезической (мышечной) памяти.

Индивидуализация и дифференциация обучения. Многие образовательные компьютерные программы предоставляют учащимся право выбора уровня сложности и интенсивности познавательной работы. Это относится и к контрольно-проверочным процедурам, в первую очередь — к тестовым.

Разнообразие в предъявлении звучащего дидактического материала. Предварительно отредактированные и записанные на встроенный диктофон тексты для аудирования, изложения, диктанта, диктанта с продолжением могут дополняться необходимыми шумовыми, музыкальными, визуально-образными эффектами. А при изучении фонетических и орфоэпических тем таким образом презентуются образцы произношения. Большие, но пока недостаточно исследованные перспективы у этого направления открываются в работе над повышением коммуникативной компетентности учащихся. Например, при отработке речевых тактик и действий в ситуациях «Разговор по телефону» и «Общение в скайпе».

Создание непосредственно на уроке обстановки, максимально приближенной к необходимой коммуникативной ситуации. Демонстрация фрагментов фильмов, мультфильмов, видеосюжетов из You Tube, которые воссоздают нужную речевую среду, даёт в работе по совершенствованию коммуникативной компетентности тройной выигрыш.

Во-первых, возникает «эффект присутствия» в реальной ситуации. Во-вторых, усиливается положительное эмоциональное отношение к заданию, сопровождающему демонстрацию. В-третьих, экономится время на описание предлагаемых условий, цели общения и адресата.

Всё это стимулирует интеллектуальную и речевую активность школьников, а также способствует более крепкому запоминанию последующих выводов.

Фрагменты, отбираемые для демонстрации на уроке, обязаны соответствовать таким требованиям:

- малая временная протяжённость (не более 5 минут);
- сюжет и последующие речевые действия адекватны уровню понимания адресата;
- фрагмент представляет собой поучительный пример коммуникативного успеха либо неудачи в изучаемом речевом жанре;
- отсутствие ярких содержательных, а также речевых компонентов, которые отвлекают внимание от решения основной коммуникативной задачи;
- занимательность и зрелищность с точки зрения учащихся.

Учебная работа непосредственно в сети Интернет. Есть методисты, которые считают это направление очень перспективным. «На уроке учитель и учащиеся могут обращаться к электронным словарям,

интерактивным диктантам, тестам, сайтам по соответствующей теме» [4, с. 81]. Однако наша экспериментальная проверка показала, что такая организация познавательного процесса технически сложна и, как правило, приводит к неоправданному замедлению темпа урока.

Очевидно, на современном этапе ресурсы сети Интернет предпочтительнее использовать в роли информационно-методического спонсора до и после урока. Сказанное, разумеется, не исключает подготовки и проведения единичных занятий с непосредственным выходом в Глобальную сеть. К примеру, если основной учебной задачей является совершенствование коммуникативных умений в актуальных для Интернета речевых жанрах (общение в социальных сетях, ICQ и т. п.).

3. После урока. Здесь актуальны все направления, охарактеризованные в разделе, посвящённом первому, «предурочному» этапу. Особенности проявляются, когда домашнее задание предполагает использование компьютера. В этом случае хорошо зарекомендовали себя следующие варианты.

Выполнение домашнего задания предполагает обращение к электронным словарям.

Домашняя работа предусматривает самостоятельный поиск информации по изучаемым темам в сети Интернет. В этом пункте, как и в предыдущем, от учителя требуется чёткая Интернет-адресация и формулировка цели. Подобные виды работы вызывают у школьников больший энтузиазм, чем обычный библиотечный поиск. И для них вполне подойдут те же справочно-информационные электронные ресурсы (gramota.ru, ru.wikipedia.org, svetozar.ru), что и для учителя на этапе подготовки к уроку.

Подготовка учащимися индивидуальных или коллективных учебно-исследовательских проектов. Это очень перспективное и популярное направление характеризуется разнообразием видов деятельности, в том числе и в применении компьютера.

На начальном этапе он используется в основном для поиска в сети Интернет необходимых материалов. В зависимости от проблематики проекта это могут быть примеры речевой деятельности, которые станут объектом анализа участников проекта, публикации нужной тематики и жанра. А при подготовке публичной презентации результатов проекта задействуются такие возможности компьютера, как быстрый и качественный набор текста и разнообразное оформление, в первую очередь — в формате Power Point.

Реальным и значимым результатом проектной работы школьников под руководством луганских словесников уже стали оригинальные словари (в классическом, «бумажном» и электронном форматах), компьютерные познавательные игры, научно-популярные и игровые фильмы биографической тематики. Лучшие образцы этой продукции, созданные главным образом в рамках ежегодного областного конкурса юных далеvedов («Наш земляк Владимир Даль»), хранятся в Луганском

областном институте последипломного педагогического образования и музее ССП № 5.

А для повышения уровня коммуникативной компетентности учащихся большую роль имеют публичные презентации результатов проектной деятельности в рамках школьной Недели русского языка либо различных региональных конкурсов.

Обычно школьники с большой неохотой и опаской принимают участие в мероприятиях, предполагающих устное выступление перед массовым адресатом. Как показала практика, наличие заблаговременного эффектного компьютерного сопровождения доклада (сообщения) оказывается мощным побудительным стимулом и для старшеклассников, и для учеников средних классов. Подобным образом они получают ценный опыт представления итогов своей интеллектуальной деятельности в ситуации соревновательного публичного общения.

Отдельно следует сказать о *телекоммуникационных проектах*. Здесь с помощью сети Интернет в первичную научно-исследовательскую деятельность одновременно и координированно включаются (на основе общности интересов) учащиеся, разделённые порою сотнями километров и государственными границами.

О.В. Самарцева описывает удавшиеся телекоммуникационные проекты «Языковые особенности детских игр» (в разных регионах), «Современные диалекты», «Русские пословицы и поговорки о семье на территории России» и др. «Участие в телекоммуникационном проекте создаёт условия для эффективного сотрудничества учащихся разных школ. Результатом такого сотрудничества может стать создание сайта, электронного журнала, газеты, художественного или литературного произведения, видеофильма, увлекательной лингвистической игры» [4, с. 119].

Автор данной статьи в рамках творческого задания 33-го тура Открытой международной олимпиады школьников по русскому языку предложил телекоммуникационный проект «Мой речевой дневник». В нём приняло участие около 250 старшеклассников из 13 стран СНГ и Балтии, в том числе и Украины. По их отзывам, эта работа не только очень увлекательна и оригинальна, но и развивает устойчивый интерес к изучению окружающей речи и совершенствованию своих коммуникативных умений. Большинство высказалось за продолжение подобных проектов, и, как следствие, мы разработали и предложили участникам олимпиады новый: «Словарь модных слов нашего класса (или школы)».

Организация регулярной коммуникации в системе «Педагог — ученик» на специальном блоге (сайте). По сравнению с приведёнными направлениями использования компьютера в обучении русскому языку это — самое новое, но оно быстро завоёвывает популярность и признание. На сайтах многих учебных заведений есть страницы

учителей-предметников. Более того, многие школьные русисты размещают в Глобальной сети собственные (именные) блоги.

Разумеется, их содержание разнообразно, но для нас важно, что во многих случаях словесники заводят рубрики, посвящённые общению со своими учениками по поводу и в интересах уроков русского языка. Например, оперативно вывешиваются результаты учебной деятельности (диктантов, сочинений, контрольных работ), рекомендации по выполнению трудных домашних заданий и исправлению допущенных ошибок, занимательная информация и дополнительные упражнения для тех, «кому мало уроков».

Хорошо зарекомендовала себя практика *электронных сочинений*: ученики присылают свои тексты по Интернету, учитель проверяет их и таким же способом отсылает рекомендации по совершенствованию, а лучшие тексты впоследствии помещаются в специальную почётную рубрику блога.

Такая организация работы повышает престиж русского языка в глазах учащихся, способствует развитию интереса и мотивации к его изучению, а значит, и эффективности преподавания.

Итоги нашего исследования приводят к следующим **выводам**. Внедрение компьютерных технологий в практику школьного преподавания русского языка происходит быстрыми темпами, хотя и заметно медленнее в сравнении с другими учебными предметами. Уже накоплен существенный багаж программного обеспечения и методических разработок. Однако они ещё не сложились в стройную дидактическую систему. Особенно заметен острый дефицит научно-популярных Интернет-ресурсов, адресованных непосредственно школьникам.

В оперативном решении указанных проблем мы и видим основную **перспективу** данного исследования.

Литература

1. Зубарева Н. Н. Компьютерная поддержка при изучении непроверяемых безударных гласных в 5 классе : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. пед. наук : спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)» / Н. Н. Зубарева. — Елец, 2009. — 20 с. **2. Тимонина В. Ю.** Реализация индивидуального подхода при обучении орфографии на уроках повторения в 5 классе с компьютерным сопровождением : дис. ... канд. пед. наук : спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)» / В. Ю. Тимонина. — М., 2005. — 190 с. **3. Интернет** в гуманитарном образовании / [под ред. Е. С. Полат]. — М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001. — 272 с. **4. Самарцева О. В.** Информационные технологии в преподавании русского языка / О. В. Самарцева. — Ярославль : Ремдер, 2010. — 148 с. **5. Уроки** русского языка с применением информационных технологий. 7—8 классы : методическое

пособие с электронным приложением / [авт.-сост. Т. А. Захарова, И. А. Меховская и др.]. — М. : «Планета», 2010. — 256 с. **6. Мельникова Л. В.** Электронный учебник по русскому языку как продуктивное средство развития коммуникативной компетенции школьников / Л. В. Мельникова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — 2010. — № 4. — С. 27—31. **7. Путий Т. Н.** Опыт создания электронного учебного пособия по русскому языку «Стилистика. Культура речи. Риторика» // Русский язык в поликультурном мире: IV Международная научно-практическая конференция (7—10 июня 2010 г., Ялта) : сб. науч. тр. / Т. Н. Путий. — К. : «Аванпост-Прим», 2011. — 328 с. — С. 317—322. **8. Синельникова Л. Н.** О преимуществах мультимедийной презентации лекционного учебного материала / Л. Н. Синельникова // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. — 2010. — № 20 (207). — С. 120—124. **9. Розсоха В. А.** Тестовый формат учебного процесса / В. А. Розсоха // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. — 2010. — № 20 (207). — С. 124—126. **10. Джинджолия Г. П.** Контрольно-обучающая компьютерная программа по речевой культуре / Г. П. Джинджолия // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. — 2010. — № 20 (207). — С. 126—127. **11. Бовтенко М. А.** Структура и содержание информационно-коммуникационной компетенции преподавателя русского языка как иностранного : дис. ... д-ра пед. наук : спец. 13.00.02 / М. А. Бовтенко. — М., 2006. — 481 с.

Ковальов В. І. Комп'ютер у навчанні російської мови: основні напрями методичних пошуків.

У статті розглядаються досягнення, проблеми та перспективи лінгводидактичних розвідок, обумовлені застосуванням інформаційно-комунікаційних технологій. Аналізуються роль і місце комп'ютера в навчанні російської мови. З'ясовуються головні методичні умови ефективного використання комп'ютера на уроці і в домашній самостійній роботі в зв'язку з підвищенням комунікативної компетентності учнів середніх навчальних закладів.

Ключові слова: комп'ютер, урок російської мови, позаурочна робота, умови ефективності, комунікативна компетентність.

Ковалёв В. И. Компьютер в обучении русскому языку: основные направления методических поисков.

В статье рассматриваются достижения, проблемы и перспективы лингводидактических исследований, обусловленные применением информационно-коммуникационных технологий. Анализируются роль и место компьютера в обучении русскому языку. Выясняются основные методические условия эффективного использования компьютера на уроке и в домашней самостоятельной работе в связи с повышением

коммуникативной компетентности учащихся средних учебных заведений.

Ключевые слова: компьютер, урок русского языка, внеурочная работа, условия эффективности, коммуникативная компетентность.

Kovalyov V. I. The role of computer in teaching Russian: main directions of the methodical search.

Achievements, problems and perspectives of linguistic and didactic researches resulting from the use of informational and communicational technologies are considered in the article. The role and the place of computer in teaching Russian are analyzed. The principal methodical conditions of effective computer use at the lessons and at home work in connection with increasing of communicative competence of high school students are clarified.

Key words: computer, lesson of the Russian language, extracurricular work, conditions of effectiveness, communicative competence.

ЮБИЛЕИ

**К ЮБИЛЕЮ Л. Н. СИНЕЛЬНИКОВОЙ,
ПРОФЕССОРА ЛУГАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО**

Коллектив кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ЛНУ имени Тараса Шевченко сердечно поздравляет Лару Николаевну с прекрасным творческим юбилеем и желает ей здоровья, счастья и дальнейших успехов в науке.

*Г. П. Джинджолия,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий ЛНУ*

Лара Николаевна соединяет в себе много ярких талантов — Мастер, Учитель, Ученый. Мне посчастливилось быть первым ее аспирантом. Занятие лингвистикой превратилось в творчество. В этом и состоит преподавательский талант Лары Николаевны — Учителя и ученика объединяет единый творческий процесс, в котором всё общее: и напряженность поиска, и радость открытия.

Во всех видах творчества Лары Николаевны ярко проявляется ее призвание — говорить о языке как Лингвист, воздействующий на развитие языка, на его творческое обновление. Ларе Николаевне важно не просто сообщить, изложить, подать материал слушателям или читателям. Важно с помощью эстетического воздействия убедить, увлечь. Научный язык Лары Николаевны гармонически соединяет

строгую научную точность и яркую образность, коммуникативную и эстетическую функции.

И. А. Соболева,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий ЛНУ*

Лара Николаевна Синельникова — мой Учитель. Она учит меня уже 30 лет.

Лара Николаевна — сильная языковая личность, блестящий ритор. Язык её лекций, выступлений заряжен остроумием, экспрессией, демонстрирует разнообразие стилистических красок и регистров. Каждый из слушателей ощущает на себе воздействие блистательных граней её ума и личности в целом. Не зря наши студенты заметили: «Говорит, словно реченька журчит...».

Настоящим филологическим событием стал выход в свет монографии «Местоимение в дискурсе» Л.Н. Синельниковой. И хотя сам автор не рекламирует и не пиарит своё научное детище, оно получило высокую оценку в профессиональной филологической среде. Эта книга демонстрирует современный дискурсивный подход в описании и анализе такой самобытной части речи русского языка, как местоимение. Анализ местоимений в дискурсивном окружении позволяет осознать когнитивные резервы и смыслы этой части речи и укрепляет связь теоретических положений современной лингвистики с речевыми практиками.

Я благодарна судьбе, что работаю под руководством Лары Николаевны. Благодарна сопричастности к жизни и делу нашего Учителя.

В. А. Розсоха,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий ЛНУ*

Лара Николаевна — Учитель по зову души. И поняли мы это давно. На своих занятиях по лингвоанализу Лара Николаевна поставила нам, в те годы ещё студентам, высокую планку. Достичь её было нелегко, но захватывало: мы поняли, что такое высота.

Прошли годы. Планка поднимается всё выше и выше, потому что вся жизнь Лары Николаевны — это высокая наука. А высокая наука — это и высокие человеческие качества. Лара Николаевна — честный, бескомпромиссный, высоко порядочный человек, равнодушный и жертвенный.

Лара Николаевна — это Имя. Где бы мы ни были на научных конференциях и в учебных командировках (в Киеве, Ужгороде, Нежине,

Симферополе, Харькове, Львові, Тернополі і других містах України), нас зустрічають як учеників Лари Николаєвни, тому що життя наша тече в руслі Школи, створеної нею.

Імя Лари Николаєвни відомо в Росії, Польщі, Швейцарії, Канаді, і список цей можна продовжити. Десять років поспіль під її керівництвом проводяться Міжнародні семінари.

Лара Николаєвна завжди впереди. Нові реалії висвітлюють перед нею нові горизонти. Піар, іміджологія, сучасні комп'ютерні технології, комунікативістика і багато інше — все це в даний час.

Своїм енергією, життєвою стійкістю, неугасаючим прагненням до нового Лара Николаєвна заряджає нас і нинішніх студентів. Більше 300 осіб записалися в цьому році за вибором на її курс іміджології.

Студентські відгуки на сайтах університету про Лару Николаєвну говорять про те, що нічого не змінилося: по-прежнему Лара Николаєвна — той світ, який притягує до себе і змушує підніматися вище і вище.

Хочеться сказати велике спасибі Ларі Николаєвні і побажати подальших творчих успіхів і життєвих сил на довгі роки.

Э. В. Минаева,

*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри російської мовознавства
і комунікативних технологій ЛНУ*

Якщо мене попросять назвати декількох осіб, оказавших найбільше вплив на моє життя, в цьому короткому списку опиниться і ім'я Лари Николаєвни Синельникової, яка навчила мене мислити науково, і більше того — ніколи не зупинятися на досягнутому, ставити перед собою всі нові і нові завдання і вирішувати їх. Кожна зустріч з Ларою Николаєвною — це СОБІТИЕ, що диктується унікальністю її особистості. Спокійно і радісно усвідомлювати, що поруч такої людини, такої вченої, педагога і вчителя!

Т. А. Пономарева,

*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри російської мовознавства
і комунікативних технологій ЛНУ*

Лара Николаєвна Синельникова — мій Вчитель. Вчитель суворий і розуміючий, мудрий і відзивчивий, уважливий і принциповий. Вчитель, завдяки якому мені вдалося пройти шлях від написання студентської курсової роботи до захисту кандидатської дисертації. Цінні зауваження і поради Лари Николаєвни і зараз надають колосальне вплив на моє професійне становлення.

Лара Николаевна — учёный от Бога. Она талантливый филолог, основавший научную лингвистическую школу, которая известна на Украине и за её пределами. Принадлежать научной школе профессора Синельниковой — гордость для любого исследователя и преподавателя.

Лара Николаевна — блестящий оратор. Её лекции и выступления, наполненные тончайшей иронией, с удовольствием слушают и ученики, и коллеги.

Для меня огромная честь называть Лару Николаевну своим Учителем.

А. В. Молодыченко,

*ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий ЛНУ*

Впервые я познакомилась с Ларой Николаевной Синельниковой на курсе «Риторика», обучаясь в Лисичанской многопрофильной гимназии. После поступления в ВУЗ наше знакомство продолжилось, и я узнала ее как прекрасного педагога и интересного ратора. Лара Николаевна, не являясь моим научным руководителем, оказала большое влияние на мою научную деятельность, за что я ей очень благодарна.

И. С. Масленников,

*ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий ЛНУ*

Лара Николаевна Синельникова — Учитель, Наставник, Ученый.

О ней можно говорить как о личности, посвятившей всю сознательную жизнь служению науке и заслуженно снискавшей уважение учеников и коллег.

Лара Николаевна — основатель научной школы «Дискурсология: Язык. Культура. Общество». Научная школа под ее руководством является одновременно и школой науки. Это форма организации научного творчества в рамках определенного коллектива, имеющего общие методологические установки, отразила результат многолетнего внимания к ряду научных дисциплин: социолингвистике, лингвистической поэтике, неориторике, лингвистической гендерологии, лингвополитологии, Интернет-коммуникациям, паблик рилейшнз...

Вся деятельность Лары Николаевны направлена на приобщение учеников — студентов и учителей — к богатствам русского языка. Именно поэтому ученики ее боготворят, учителя берут пример.

Лара Николаевна Синельникова — ученый-новатор, чье имя уже давно стало брэндом в науке.

Профессионализм, самоотверженность, творческий подход — эти и многие другие черты, присущие Ларе Николаевне, ставят ее в один ряд с выдающимися филологами современности.

Е. В. Грищенко,

*аспірантка кафедри російського мовознавства
і комунікативних технологій ЛНУ*

Лару Николаевну Синельникову я уже знаю давно. До сих пор помню её лекции, которые посещала, обучаясь в университете, позже — в магистратуре. Тогда нам, ещё студентам, они были не совсем понятны, но интересны, новы и познавательны. Всегда поражал профессионализм преподавателя, способ преподнесения материала, глубина знаний и чрезвычайная увлечённость предметом, которые не оставляли студентов равнодушными и вовлекали в мир науки.

Вот уже третий год как я являюсь аспиранткой Лары Николаевны и теперь знаю её как научного руководителя. Я бесконечно благодарна Ларе Николаевне за знания, которые она передаёт, за поддержку, за помощь и терпение. С первых дней нашей совместной работы Лара Николаевна направляла и корректировала мою работу, обучая самому важному и необходимому, без чего успешная работа аспиранта не может состояться. Я благодарна за возможность посещать лекции Лары Николаевны по различным курсам, которые представляют широкий диапазон её интересов и расширяют область моих собственных знаний. Я уверена, что научный руководитель должен быть именно таким.

Е. А. Унукович,

*аспірантка кафедри російського мовознавства
і комунікативних технологій ЛНУ*

Лара Николаевна — на100ящий профессор, Заслуженный ученый и просто прекрасная женщина. Её острый

Ум, поразительная работоспособность и удивительное языковое
Чутье не могут не вызывать восхищение!!

Шагающая в ногу со временем, но время не властно над ней...

ВсегДА стильная! всегДА подтянутая! всегДА собранная!

ЗдоровьЯ и сил Вам на долгие-долгие лета!!!

А. В. Розсоха,

*аспірант кафедри російського мовознавства
і комунікативних технологій ЛНУ*

Лара Николаевна, Вы — замечательный преподаватель и человек! Спасибо Вам за интересные лекции и за то, что Вы есть в нашей жизни.

Мы знаем, что Вы цените хорошую шутку, но в каждой шутке — доля истины. Поэтому — небольшой экспромт:

В ней студент души не чаёт,

Её поклоном привечает,

Покорно пары посещает,

На парах — резво отвечает.

**ИНФОРМАЦИЯ
О ПЕРСОНАЛЬНОМ ИНТЕРНЕТ-САЙТЕ ПРОФЕССОРА
СИНЕЛЬНИКОВОЙ ЛАРЫ НИКОЛАЕВНЫ**

Открыт персональный сайт Лары Николаевны Синельниковой, доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Адрес сайта: <http://lara-nics.luguniv.edu.ua>.

Уже главная страница дает представление об основной концепции сайта. «Этот сайт для тех, кто хочет расширить круг интеллектуального, но вполне демократичного общения — как научного, так и просто жизненного. Впрочем, по большей части для занимающегося наукой человека, вузовского преподавателя научное и есть жизненное во всех значениях этого слова», — так пишет о своем сайте Лара Николаевна.

На сайте представлены следующие рубрики:

- Ø Научная биография.
- Ø Публикации.
- Ø Вузовский преподаватель в новационном контексте действий.
- Ø Текущая научная деятельность.
- Ø Не о науке...
- Ø Фотогалерея.
- Ø Гостевая книга.
- Ø Контакты.
- Ø Условия использования материалов.

Приведем несколько отзывов из гостевой книги сайта.

Доктор философских наук Кожемякин Евгений Александрович (г. Белгород): *«Уважаемая Лара Николаевна! Замечательный сайт, поздравляю Вас и Вашу команду. Достаточно исчерпывающий набор характеристик дискурса, который Вы приводите, рефлексировав над результатами конференции. Добавлю лишь, что, на мой взгляд, есть смысл определять дискурс не только в лингвокоммуникативном, социально-психологическом и прагматическом ключе, но и в эпистемологическом, ведь он является комплексом обязательных и специфичных условий производства знания, а не только установления связей между людьми, циркуляции информации и самопрезентации участников общения».*

Доктор филологических наук Шепель Юрий Александрович (г. Днепропетровск): *«Лара Николаевна! Мои поздравления. Сайт прекрасный, причем, как и Вы!»*

Доктор педагогических наук Михайловская Галина Александровна (г. Херсон): *«Лара Николаевна, большое спасибо за прекрасный сайт!»*

Доктор филологических наук Тропина Нина Павловна (Херсон):
«Лара Николаевна! Прекрасный сайт, поздравляю!»

Лара Николаевна Синельникова активно работает в области дискурсологии, и на сайте в разделе «Текущая научная деятельность» тезисно обозначила признаки дискурса, которые вынесла на дискуссионное обсуждение:

1. Дискурс — это движение. Движение мысли, «схваченное» в слове, движение текста на пути к смыслу, движение самой жизни, отражённое в характере передачи информации, в её восприятии, в разнообразии форм (типов, жанров и т.д.) общения. Как без всего этого можно говорить о динамике общественных процессов, о накоплении изменений в области нормы (сначала коммуникативной, речевой, а потом и языковой. Вспомним Л.В. Щербу: «Ничего нет в языке, чего бы раньше не было в речи»).
2. Дискурс — это процесс речевой деятельности с её погружённостью в социально-культурный контекст и отражающий психологический настрой говорящих — как явный, так и по разным причинам скрываемый. Мы прочитываем мысли и смыслы, вслушиваясь (интонация, паузы, перемещение логического ударения и т.д.), вглядываясь (невербальное поведение — жесты, мимика, перемещение в пространстве и под.) и вчитываясь, если относимся к тексту как к манифестации дискурса (снова явное и скрытое, переключки с другими текстами, отсылка к контексту — культурному, этноспецифическому, политическому и т.д.).
3. Дискурс — это открытость другим и другому (текстам, людям, временам), следовательно, лишённость жёстких границ и жёсткой структуры, что само по себе обнадёживает.
4. Дискурс — это фиксация социально обусловленных признаков речи и норм общения, это реальность языкового существования социума.
5. Дискурс проявляет субъектов речи как личностей, информирует об отношениях между дискурсантами. «Дискурс адресанта» и «дискурс адресата» взаимодополняются и взаимокоррелируются. Дискурс — поле отношений между субъектами речи. Афоризмы: «Дискурс — это сеанс связи между несколькими участниками», «Текст — это лог-файл дискурса» —

акцентируют внимание на диалогичности как сущностном свойстве дискурса.

6. Дискурс — пространство позиционирования субъектов речи через проявленность языковой, коммуникативной и других видов компетенций. Это демонстрация владения (или невладения) техникой диалога, умения согласовывать когнитивные возможности собеседников на пути к успеху как к пониманию. Дискурс — это мена знаний, переход от одного «набора» информации к другому.
7. Дискурс — сценарный план коммуникации. Дискурс-анализ — реконструкция сценарного плана.
8. Дискурсивные стратегии и тактики проявляют интенцию к кооперации или, напротив, к конфронтации. В пространстве таких интенций реализуются концепты толерантности или интолерантности и ряд других, определяющих характер речевых действий, виды номинаций и оценок. Так дискурсивные стратегии и тактики коррелируют с условиями и возможностями презентации концептов в речи, в общении.
9. Дискурсивные факторы влияют на семантико-прагматическую проявленность всех уровней — от фонетического до синтаксического. Все уровневые показатели оказываются динамичными, ситуативно маркированными и лично окрашенными. В референциальном выборе, в выборе грамматических форм «прочитываются» два субъекта — субъект порождения дискурса и субъект восприятия.

Уважаемые коллеги, автор сайта приглашает вас принять участие в заявленной научной дискуссии.

*Информацию подготовила
доцент Минаева Э. В.*

РЕЦЕНЗИИ

Пётр Червинский. *Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации.* — Тернополь: Крок, 2010. — 344 с.

Политическая коммуникация — предмет особого интереса исследователей по ряду причин: общество безразлично к политике, поскольку она влияет на условия жизни, задавая параметры жизнедеятельности; политический дискурс обнаруживает специфический характер взаимодействия формирующих его и участвующих в нем субъектов; в политической сфере идеологически целенаправленно организуются структуры воздействия на общественное сознание, нередко превращающиеся в манипулятивные приёмы, арсенал которых непрерывно, от эпохи к эпохе, пополняется. Если коммуникация — «паутина человеческого общества» (Л. Пай), то политическая коммуникация — паутина, которую плетут разные творцы и с разными целями. В итоге политический дискурс предстаёт как напряжённый коммуникативный процесс, связанный с борьбой за власть и за сохранение власти.

Политическая коммуникация имеет свои законы в расстановке ценностных акцентов через слово. Виды речевой деятельности, связанные с этой сферой, разнообразны. Политика — особый тип социальных отношений, описать который можно с разных сторон при условии большого количества обрабатываемой языковой (речевой) информации как «движущегося материала», поскольку каждая эпоха приспособливает язык к своим политическим целям, ориентируется на свою систему доминирующих идеологических координат. Кроме того, время — это цепь человеческих поколений, в сознании которых политический язык оставляет разные следы.

Лингвистическая советология, возникшая после Октябрьской революции, имеет большую историю. Изучались технологии пропаганды, приёмы политической риторики, причины появления новых значений слов, их стилистические и семантические преобразования, процессы эвфемизации и др. (см.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология: монография. — Екатеринбург, 2009. — 291 с.). Безусловный и по-своему неопределимый вклад в лингвистическую советологию внесли исследования П.П. Червинского. Рецензируемая книга — результат научно-теоретической и практической (вплоть до учебно-дидактической) разработки номинативных аспектов политической номинации, длившейся четверть века. Важен персональный хронотоп исследователя: профессор Ростовского университета (до 2000 года) и профессор, заведующий кафедрой русского языка Силезского университета (Польша). Это обстоятельство обеспечило благоприятный исследовательский синтез — взгляд изнутри и, по прошествии времени, со стороны. Уходящее забывается по-

разному. В нашем случае необходимая для объективной оценки политического языка дистанция совмещена с когнитивно-эмоциональной контактностью автора со временем, которое описывается. Исследования П.П. Червинского являют особый тип наблюдателя, для которого процессы эволюции политического языка имеют едва ли не биографический характер. Публикации разного времени и объёма, сведённые в одну книгу и объединённые в один многоходовый сюжет, — особый научный жанр. Читатель вслед за автором проходит пути анализа материала, осознавая сам языковой материал как показатель времени и состояния политического дискурса. «Живая эволюция» — таков основной ценностный параметр научного жанра книги, который под силу только тем, кто много сделал и кому есть что сказать в типологическом отношении. Вводя понятия политизированного, советизированного и десоветизированного языка, автор утверждает на практике таксономически-эволюционный подход. При этом очевидна континуальность процессов номинации с полной проявленностью принципа историзма.

Язык — инструмент власти. Для рассмотрения вопроса о том, как строится идеологизированный текст, можно выбрать разные пути. В исследованиях П.П. Червинского показан путь от слова, от номинации, которая сложилась в текстах и способна, если меняется время, возвращаться в текст трансформированной, преображённой. Длительными и аналитически детализированными наблюдениями автор утверждает, что номинативное устройство политического языка как языка социального взаимодействия представляет собой особый семантический код с типичными для него речевыми и узуальными средствами, организующими предикативные и предикатные взаимодействия внутри системы языка. Отсюда тройственный характер предмета описания: номинации, категоризации и эволюции. Номинации в политическом языке имеют апеллятивный (воздействующий) характер, это, по сути, «свёрнутые, оценочные высказывания»; категоризация — результат установления понятийно-системных свойств политического языка как кода, сопоставимого с другими кодами национального языка; эволюция — перемещения в составе национального литературного языка в связи со сменой или трансформацией общественно-политических, социальных и когнитивных систем-парадигм.

На выбор и закрепление языковых средств влияют составляющие политического коммуникативного взаимодействия. Субъект (говорящий) может быть выражен тремя ролями: это тот, кто стоит за высказыванием (организует и управляет им), тот, кто генерирует высказывание и предаёт ему вербализованную форму (воплотитель текста, спичрайтер — журналист, публицист, комментатор), адресат — тот, к кому обращён политический текст и на кого направлено закладываемое в нём воздействие. Все три субъекта объединены написанным или произнесённым текстом. Субъектная линия дополняется объектной —

образом реальной действительности, воплощающейся в тексте через язык — язык политического воздействия, пропаганды, политики и в целом язык эпохи, соответствующий ментальности и особенностям форм экспрессии. «Язык этот связан с определённой системой ценностей, заряжен, направлен и является средством ориентации, общественной, политической, когнитивной, для владеющих им или просто знающих его речевых субъектов» (с. 11). Предикатная часть политического языка вбирает знания, характеристики, коннотации, оценки, которые системоценностны, так как включают морально-этические предпочтения, национальные стереотипы и манифестируются в разных жанрах и речевых действиях. При этом позиции субъектов политических коммуникаций могут быть пересекающимися, совпадающими, взаимообратимыми, активными или нейтральными, прямо направленными на адресата и индифферентными — при различном языковом оформлении и вообще отношении к языку.

В рецензируемой книге представлена объёмная предметно-тематическая дифференциация номинативных единиц языка советской действительности. Выделение трёх групп классов: субъектной (лица и объединения лиц — *авангард, актив, гегемон, гвардия, активист, антисоветчик* и др.), объектной (пространственные и предметные воплощения — *агитпункт, будёновка, глушилка* и др.) и предикатной (обозначение действий и состояний — *агитпоход, взаимоконтроль, выдвижение, высылка, диверсия, блат, дефицит* и др.) — даёт возможность панорамного представления о совокупностях, которые заполняли информационно-коммуникативное пространство и в совместности представляли собой мощное средство воздействия. «Стремление к постоянной селективной дифференциации связывается с мобилизующей и контролирующей целью советского общественного устройства. Никто и ничто, по возможности, не должны быть упущены, не приняты во внимание, не названы, не оценены, не определены» (с. 77).

Автор создал объёмный научный глоссарий классификационного типа. Так, при описании категорий и признаков называния человека в языке советской действительности выделяются такие категории: финитная (мобилизация на достижение), лимитативная (ограничивающая и размежёвывающая), категория композита (соотношение единичности и объединения), внешняя категория (обозначение наблюдаемого — пространственных объектов), категория — проекция (проекция людей к предметам и пространственным объектам), категория конверсивной заряженности (активность — пассивность), категория позитивного / негативного полюса (этот — тот, свой — несвой). Множество классификационных параметров, системное представление о которых может сложиться как результат внимательного знакомства со всеми материалами, даёт возможность определить критерии советскости в отношении номинативных единиц и обозначить проблему идеологизации (политизированности) на осознаваемом через язык уровне. Каждая

классификационная группа представлена во множестве характеристик и идеологических мотиваций. «Советски отмеченное» связывается с языковой советской картиной мира, в основе которой лежит магистральное отношение к человеку, к его позиции: сохранение территориального советского целого, владение знаниями (укрываемые, неразглашаемые и т. д.), поведение (соблюдение или несоблюдение норм, установленных системой), действие (умышленные проявления ненормативного поведения), обладание (незаконное, неодобряемое присвоение благ), кумуляция (субъект позиционирует себя как представитель чуждой социализированной структуры), презентция (представляет внешнюю «несоветскость» или внутреннюю). «Воплощение советского взгляда на человека, воплощение концепции человека как таковой» (с. 119) осуществилось в коннотативной семантике слов. Так, слова *несун, болтун, лавочник, буржуй, обыватель, мещанин, фарцовщик, шабашник* и др. оказываются носителями признака декорпоративности — нежеланием человека осуществлять вместе со всеми поставленные цели. Особое внимание уделено описанию семантики негативно и позитивно оценочных категорий в языке советской действительности (*стахановец, герой, боец, общественник, энтузиаст, светоч, маяк* и др. — семантика позитива, *фарцовщик, саботажник, отказник, двурушник, перебежчик, единоличник* и др. — семантика негатива).

В итоге язык политики (язык политического взаимодействия, политическая коммуникация) получает обобщённые характеристики: это особый дискурсивный узус языка; совокупность трансформационно переходящих друг в друга (в синхронии и диахронии) языков; в основе лежит системоценностная идеология; язык политики формируется на основе национального (литературного) языка, но вырабатывает особые смыслы, отличные от общего употребления, восприятие которых ориентируется на собственный тип языкового сознания; создаётся «фильтрующее восприятие», нацеленное на субъективные образы-модели текста; в основе политических текстов лежит сочетание естественного и искусственного, существующего и желаемого, действительного и фиктивного.

Переход политических языков к новым состояниям автор оценивает как революционные изменения: происходят существенные перемещения в словарном составе, его количественные и качественные трансформации, соотношение активного и пассивного запаса. Важно также, что такого рода изменения сопровождаются стилистической перегруппировкой языковых средств, меной коннотативных признаков. И самое главное — «изменения эти затрагивали парадигмы языкового сознания, происходя, едва ли не в первую очередь, в них, хотя бы и заторможено, непоследовательно, инертно, и проявлялись в изменяющемся характере речевого производства и восприятия, т. е. в составе генеративно-перцептивной базы носителей языка» (с. 174).

Речевые стратегии предыдущего и последующего состояния рассматриваются на большом количестве примеров, в частности, на примере образований с *не-* в контексте социально-политических изменений конца XX — начала XXI века: *неактивный, небезгрешный, неблагоприятный, небезопасный* и под. Здесь действует ряд тенденций, характерных для этого времени: тенденция к усилению функциональной мобильности языковых единиц, расширение форм и тем общественного диалога, дифференциация форм публичного выступления и др.

Что было в политическом языке и что пришло ему на смену? Меняется социальная база — меняется язык политики. Автор говорит о языке политики постсоветского времени как о плюрализирующемся, массовизирующемся и раздваивающемся между профессионально обусловленной (специализированной) языковой стихией, с одной стороны, и стихией сниженности, жаргонизации, вульгарности и сленга — с другой (с. 22). Анализируется множество фактов, свидетельствующих об отходе от идеологического унитаризма и процессах либерализации политического языка. «Меняется фон и тон такого языка, не обязательно становясь улучшенным и выверенным, но звучащим неизменно иначе и по-другому» (с. 23). Многие слова уже не воспринимаются как советизмы, но их жизнь продолжилась в новой эпохе и в новых контекстах (*благо народа, гигантомания, юбилейный, гражданский, демократизм, беспредельно* и др.). При этом речь не идёт о деидеологизации языка политики, а о том, что он стал более дифференцированным и разнообразным — в этом его десоветизация, обнаружившаяся в изменении воздействующего лексикона, в уходе значительных лексических пластов и в появлении новых.

В периоды бурных социальных изменений происходит ускорение языковых процессов, провоцируется резкое увеличение количества изменений и инноваций. «Нагромождение, неадаптированность и нестабильность вырвавшегося инновационного потока» (с. 206) выявляется в ряде тенденций, сам перечень которых позволяет сфокусировать положение дел: в лексической сфере — интернационализация общественно-политического лексикона, расширение возможностей и условий лексической сочетаемости, ускоренное развитие семантической структуры лексемы; в словообразовании — актуализация продуктивных моделей на основе слова — носителя общественно актуального смысла, утверждение новой речевой узуальной кодовости, возникновение новых аббревиатур и их производных; изменения границ языкового ядра и периферии (снижение границ речевого стандарта через проникновение сниженной, жаргонной и под. лексики в сферы кодифицированной устной и письменной речи, отказ от тематических построений предшествующего концептуального состояния (деидеологизация), уход в пассив значительного числа политизированной лексики и возвращение большого количества лексики из пассива (с. 206—208). Смещение и перераспределение словарного

состава ведут к формированию нового узуса, в котором может теряться признак советскости, «узуальной причастности к языку советского времени» (*светоч, искра, пламенный, диссидент, космополит, правозащитник, стукач, угнетатель, буржуй, фермер, акционер, собственник* и др.). Одни идеологические компоненты значения уходят, другие появляются. Хотя автор оговаривает сложность проблемы, требующей тщательного рассмотрения на большом фактическом материале, классификационный научный рефлекс проявляет себя в полной мере: называются причины и признаки процесса «возможного освобождения от прежнего состояния и его следов», обусловленных «семантикой денотативной и сигнификативной части (означаемое и общественное представление о нём), оценочностью, коннотативностью, системоценностными параметрами, в различных своих сочетаниях» (с. 250). К этим причинам относятся: мера знаковости, трансформативность, инертность, двумерность, аспектуальная оборачиваемость.

Исследования П.П. Червинского способны прорвать инерцию и традицию в толковании идеологически нагруженных номинаций. Изменения социальной оценки слова, его деидеологизация требуют нового лексикографического описания (напомним, что Словарь языка совдепии был издан в 1998 году). Факт фиксации слов, организующих общественное сознание, важен для особого вида лексикографии, описывающей прошлое, но нацеленной в будущее. Изданный П.П. Червинским словарь «Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц» (Томск: Изд-во «КИ», 2011. — 341 с.), который содержит развёрнутую характеристику около 400 единиц, имеющих, помимо обозначения и названия, негативно оценочную доминанту определения человека с позиции вида его несоответствия советской системе, — лексикография особого рода, имеющая когнитивную и культурологическую ценность.

Уходящее не значит исчезающее. Новое состояние общественно-политической, мировоззренческой и собственно идеологической лексики, на наш взгляд, можно обнаружить в современной художественной речи. Номинативы, отражающие советские реалии, демонстрируют свой функциональный и дискурсивный потенциал как историзмы (реализация функции стилизации), как носители оценочных характеристик они организуют интертексты, на их основе формируются рефлексивы. Таким образом, «дубовый» и «деревянный» язык советской эпохи (язык пропаганды, официоз, новояз) не забыт не только учёными.

Лексика предыдущего состояния, по справедливому и обоснованному мнению профессора П.П. Червинского, имеет отношение к когнитивному направлению в лингвистике и изучению языковой картины мира. Добавим: и к дискурсологии, поскольку политический дискурс — предпосылка понимания политического текста, и дискурс-анализ открывает возможности выявления разных смысловых слоёв, в

том числе того, который задан не забытым, но неизбежно преображённым прошлым. Разного рода преобразования советизмов — номинативные следствия совмещаемой ментальности.

Представляется, что публикация одного из разделов рецензируемой книги — «Приёмы и способы социальной оценочности в современном публицистическом тексте» — будет полезна читателям нашего журнала и особенно молодым исследователям, которые занимаются проблемами публицистики и политического языка.

Л. Н. Синельникова

Розсоха В. А. Десять первых шагов: задания для самостоятельной работы студентов-иностранцев, изучающих русский язык. — Луганск, 2011. — 125 с.

Рецензируемое пособие адресовано студентам-иностранцам начального этапа изучения русского языка. В нем используются интенсивные методы обучения. Пособие имеет коммуникативно-поведенческую направленность.

Пособие представляет собой оригинальный прекрасно иллюстрированный сборник практических заданий, выполнение которых приблизит процесс обучения к процессу реальной коммуникации, что весьма актуально при обучении русскому языку как иностранному.

В процессе работы с пособием студенты могут овладеть навыками речевого общения в стандартных речевых ситуациях, познакомиться с основами грамматики русского языка, с наиболее типичной лексикой, встречающейся в данных ситуациях.

Коммуникативные цели и задачи для каждого из видов речевой деятельности (чтение, аудирование, говорение, письмо) студентам предъявляются в первую очередь на материале текстов.

Текстовое наполнение пособия дает представление о системности русского языка, фокусирует внимание на тех теоретических проблемах, которые необходимо изучать самостоятельно. Выполнение ряда упражнений направлено на овладение студентами необходимых для реальной коммуникации речевых формул.

В пособии отсутствует случайная информация. Автор акцентирует внимание на ключевых понятиях в области фонетики и грамматики, приводит необходимые для структурирования полученных знаний таблицы и схемы. Культурологический аспект изучения русского языка представлен материалами, помещенными в раздел «Приложение»: текстами сказок и песен на русском, английском и китайском языках.

Пособие ориентировано на методические принципы обучения языку как средству речевого общения и приобщения к культуре страны

изучаемого языка. Лингвокультурологическая ориентация пособия способствует активизации учебного процесса.

Пособие может быть полезно не только студентам-иностранцам, изучающим русский язык под руководством преподавателя, но и всем иностранным студентам, решившим самостоятельно овладеть основами русского языка. В пособие включен Словарь (около 600 единиц), с переводом на английский, немецкий и китайский языки, ориентированный на грамматический материал, строго соответствующий лексическому наполнению пособия и позволяющий сформировать минимальный лексический запас, необходимый для элементарного общения.

Учебное пособие строится с учетом принципов личностно-ориентированного обучения, ролевой организации учебного материала, коллективного взаимодействия в процессе обучения. Тексты-полилоги позволяют отразить принцип коллективного взаимодействия в учебном процессе. Кроме текстов-полилогов в пособие включены тексты монологического и диалогического характера, лексико-грамматические комментарии к ним, игровой материал.

Упражнения и задания в учебном пособии можно квалифицировать как коммуникативные, ориентированные на управление речевой деятельностью обучаемых. Предлагаемые упражнения позволяют мобилизовать скрытые лингвистические возможности студентов.

Пособие В.А. Розсохи «Десять первых шагов: Задания для самостоятельной работы студентов-иностранцев, изучающих русский язык» написано на высоком научно-теоретическом и методическом уровне и, безусловно, станет весьма полезной и необходимой книгой в практике преподавания русского языка как иностранного.

Г. П. Джинджолия

ХРОНИКА

**X МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСОЛОГИИ:
РЕТРОСПЕКТИВНО-ПРОСПЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»
(Луганск, 19 – 21 мая 2011 г.)**

Кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко совместно с научным институтом прямой демократии (Цюрих, Швейцария) и DCAF-центром (Женева, Швейцария) провела 19–21 мая 2011 года юбилейную, X Международную конференцию «НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСОЛОГИИ: РЕТРОСПЕКТИВНО-ПРОСПЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ».

Включив в название Международной научной конференции два параметра континуальности — ретроспективный и проспективный, организаторы конференции обязали себя к некоему «обратному отсчёту» и к не жёсткому, но обязательному для поддержания престижа любой науки прогнозированию.

Интерес к дискурсологии кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета проявила 10 лет назад. Этот интерес основывался на понимании того, что в жизни, а вместе с этим и в языке очень быстро и непредсказуемо скачкообразно происходят изменения, которые не укладываются в деонтические нормы, в привычные модели оценки по шкале «хорошо — плохо», «мотивированно — немотивированно» и под. Постепенно формировался новый набор ключевых слов, свидетельствующих об изменениях в образе мысли, о рождении исследовательских действий и сценариев, ориентированных на дискурсивные признаки предмета исследования — текста: динамизм, языковая картина мира, концептуализация, дискурс, дискурсология и др.

Каждая эпоха имеет своё проблемное поле, образующееся из дискурсов различных научных дисциплин. Дискурс — порождающая среда для междисциплинарности. Присутствие на наших конференциях представителей разных гуманитарных наук с самого начала обеспечило реальную междисциплинарность.

Дискурсология — изменяющаяся наука в изменяющемся мире. Появляются новые условия коммуникации — добавляются новые дискурсы и типологизируются их признаки. Предметом интереса участников конференции являются: риторико-прагматические аспекты дискурса, медиажанры, текстотипы, креолизованные тексты, оценочный дискурс, молодёжный дискурс, языковая личность, дискурсивная личность, сказочный дискурс, женский прозаический дискурс, художественный дискурс, поэтический дискурс, дискурсивная организация электронной культуры, дискурсивные ракурсы

политических метафор, фреймовые стратегии, теледискурс, самореклама как тип современного дискурса, концепты совет, звезда, наказание, коннотонимы в русском языковом сознании, фольклорно-обрядовый дискурс, сакральный дискурс, дискурс рефлексии автора, комбинаторика возможных миров, публицистический дискурс, иронический дискурс, полиинтенциональный дискурс и нек. др.

Дискурс — синергетическая универсалия, динамичная и открытая, вариативная в порождении и в интерпретации. Дискурсология — область гуманитарного знания, предполагающая быструю реакцию на внешнюю среду. И, поскольку современная жизнь представляет собой по большей части лиминальный дискурс — переход от одних ценностей к другим, от привычных дискурсивных практик к новационным, резервы дискурсологии неисчерпаемы.

Юбилей повышает роль «обратного отсчёта» в науке. В Избранных работах (2000 — 2010), изданных к началу нынешней конференции, через хронологическую и персонифицированную композицию мы попытались обозначить этапы исследовательской деятельности на пути к дискурсологии. Показательным можно считать и количественный фактор: по материалам одиннадцати международных научных конференций издано 34 книги (616,75 п.л.). Мы гордимся участием в наших конференциях таких замечательных учёных, как М.В. Теплинский, Д.И. Руденко, А.Д. Васильев, Ф.С. Бацевич, А.Ю. Мережинская, Л.П. Иванова, Т.С. Пристайко, А.В. Олянич, Г.А. Михайловская, Э.В. Будаев, Н.А. Кузьмина и многими другими, представляющими русскую филологию на постсоветском пространстве. Исключительно ценным было участие в научном диалоге представителей дальнезарубежной науки: Филиппа Флури (Швейцария), Розмари Пирсон (Великобритания), Тони Спайбэй (Великобритания), Хироаки Куромия (США), Уильяма Соколовского (США), Дэвида Данкерли и Эндрю Томпсона (Великобритания), Дэвида Ло (Канада), Жоржа Лопо (Швейцария), Раймонда Топлей (Ирландия), Джозефа Фланагана (США), Фреда Лоуренса (США), Евы Стрась (Польша).

В конференции приняли участие 73 человека, которые представили следующие высшие учебные заведения:

1. Белгородский государственный университет (Россия);
2. Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (г. Уфа, Россия);
3. Ивановский государственный химико-технологический университет (Россия);
4. Вильнюсский педагогический университет (Литва);
5. Тольяттинский государственный университет (Россия);
6. Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар, Россия);
7. Воронежский государственный университет (Россия);
8. Башкирский государственный университет (г. Уфа, Россия);

9. Омский государственный университет (Россия);
10. Новосибирский государственный педагогический университет (Россия);
11. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия);
12. Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (Россия);
13. Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Россия);
14. Ростовский государственный экономический университет (Россия);
15. Криворожский государственный педагогический университет (Украина);
16. Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова (Украина);
17. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара (Украина);
18. Донецкий институт социального образования (Украина);
19. Харьковский государственный технический университет строительства и архитектуры (Украина);
20. Днепродзержинский государственный технический университет (Украина);
21. Запорожский государственный университет (Украина);
22. Днепропетровский национальный транспортный университет имени академика В. Лазаряна (Украина);
23. Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля (Украина);
24. Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина);
25. Луганский государственный университет внутренних дел имени Э. А. Дидоренко (Украина);
26. Львовский национальный университет имени Ивана Франко (Украина);
27. Херсонский государственный университет (Украина);
28. Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (Украина);
29. Горловский государственный педагогический институт иностранных языков (Украина);
30. Бердянский государственный педагогический университет (Украина);
31. Донецкий национальный университет (Украина);
32. Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова (Украина);
33. Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого (Украина);

34. Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка (Україна);
35. Інститут політичних і етнонаціональних досліджень імені І. Ф. Кураса НАН України (Україна);
36. Буковинська державна фінансова академія (Україна);
37. Прикарпатський національний університет імені В. Стефаника (Україна);
38. Київський державний економіко-технологічний університет транспорту (Україна);
39. Кіровоградський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка (Україна);
40. Волинський національний університет імені Лесі Українки (Україна).

Было проведено 2 пленарных заседания. Работало 4 секции. Круг обсуждаемых проблем был широко очерчен. Рассматривались проблемы дискурсологии: теории дискурса, дискурс-анализа, концептологического анализа; институциональных дискурсов, преодоления институциональности; языковой личности и текста в системе дискурсивных взаимодействий; новых коммуникативных сред.

Вниманию участников конференции был предложен мастер-класс профессора Л. Н. Синельниковой «Дискурсивная личность VS языковая личность».

По материалам конференции изданы 2 тома общим объёмом 43,36 условных печных листов. Определены тематика и перспективы международного научного сотрудничества, которые в концентрированном виде помещены в каждый том опубликованных материалов и включены в программу конференции.

К юбилею конференции изданы Избранные работы «Дискурсология: язык, культура, общество». Книга включает три раздела: аннотации статей учёных Дальнего зарубежья (Швейцария, Америка, Англия, Канада, Португалия, Ирландия, Польша); републикованные статьи украинских и русских исследователей, активно участвовавших в работе конференций и имеющих высокий научный рейтинг; дайджест статей преподавателей кафедры, опубликованных в 31 книге, изданной по материалам проведённых кафедрой научных конференций.

Уважаемые коллеги! Приглашаем принять участие в XI Международной конференции «Дискурсология: язык, культура, общество», которая будет проводиться в формате Интернет-конференции. Время проведения: 3-я неделя апреля 2012 года.

*Информацию подготовила
доцент Минаева Э. В.*

**ОБЛАСТНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
«ФОРМЫ И СПОСОБЫ ВНЕДРЕНИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧАЩИХСЯ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС»
(Луганск, 14 февраля 2011 г.)**

Кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий совместно с Луганским областным институтом последипломного педагогического образования ежегодно проводит областные научно-практические конференции для руководителей гор(рай)методических объединений учителей русского языка. 14 февраля 2011 г. состоялась очередная конференция «Формы и способы внедрения исследовательской деятельности учащихся в учебный процесс», которая прошла в Луганской областной научной универсальной библиотеке имени М. Горького.

Остановимся на некоторых докладах, представленных вниманию участников научно-практической конференции.

Профессор Л. Н. Синельникова в докладе «*Системность в организации научно-исследовательской работы учащихся как условие её успешности*» представила науку о языке как организованное знание, определяющее направление исследований учащихся и действий учителя, задача которого — привлечь учащихся к занятиям научного характера. Способы привлечения связаны с постоянной поддержкой интеллектуальной инициативы, умением создавать проблемные ситуации и способствовать заинтересованности в их разрешении. Важно также учить работать в команде (совместная проектная деятельность), создавать мотивации на пути формирования конкурентоспособной личности.

Доцент И. А. Соболева выступила с докладом «*Конкурс риторического мастерства как синтез творческой и исследовательской работы*», который стал результатом многолетнего опыта проведения конкурсов риторического мастерства в Луганском национальном университете имени Тараса Шевченко. Докладчик убедительно доказала, что эта форма работы как нельзя лучше синтезирует творческий и исследовательский подходы, при изучении такого специфического учебного курса, как «Риторика». Слушателям был представлен пакет материалов по этому конкурсу, в который вошли требования к риторическому тексту, список тем, советы по риторическому поведению и правила участия в дискуссии.

В докладе **доцента В. А. Розсохи** «*Инициирование исследовательской деятельности студентов в процессе создания учебных спектаклей*» были раскрыты возможности повышения мотивации научной деятельности студентов путём создания сценария спектакля к Дням славянской письменности. В процессе написания

сценария студенты актуализируют свои знания по заданной проблеме, формируют навыки самостоятельной исследовательской деятельности и навыки оценки научной значимости найденной информации. По мнению В. А. Розсохи, творческий подход и осознание студентами важности своей собственной деятельности во многом определяют успешность выполнения поставленной задачи.

Доцент Т. А. Пономарёва сделала доклад на тему *«Лингвостилистический анализ художественного текста как форма исследовательской деятельности»*. Докладчиком рассмотрены некоторые аспекты лингвостилистического анализа художественного текста, т. к. такой анализ является одним из важнейших аспектов исследовательской деятельности школьника. В докладе описана методика работы с художественным текстом на уроке русского языка. Методика основана на понимании чтения художественной литературы как коммуникативного акта и восприятия художественной литературы как когнитивной деятельности.

Доцент Э. В. Минаева вынесла на обсуждение тему *«Учебная презентация как форма исследовательской работы»*. Мультимедийные технологии позволяют одновременно использовать на уроке различные способы представления информации, способствуют решению множества образовательных задач. Докладчик представила возможные виды работы с мультимедийными материалами. При этом акцент был сделан на проектной исследовательской деятельности учащихся и актуальных формах ее внедрения в учебный процесс.

Ассистент В. И. Ковалев представил вниманию аудитории доклад на тему *«Исследовательские умения — необходимый компонент коммуникативной культуры школьников»*, в котором акцентировалось внимание на взаимосвязи развития исследовательских умений школьников с повышением уровня их коммуникативной компетентности и риторической культуры. По мнению докладчика, такая работа должна проводиться в двух основных направлениях. Первое напрямую связано с исследованием окружающей речи. Непосредственная цель такой работы — развитие умений коммуникативного анализа и самоанализа. Второе направление предполагает использование богатых возможностей русской классической и мировой литературы в деле повышения коммуникативной культуры молодёжи.

Ассистент И. С. Масленников выступил с докладом на тему *«Повышение эффективности учебного процесса в вузе на основе обратной связи»*, в котором предпринята попытка рассмотреть такой сложный и противоречивый пласт отношений между учителем, учеником и предметом обучения, как учебный процесс в средней школе, через призму обратной связи, то есть через восприятие и анализ мотивов и состояний учеников со стороны учителя и наоборот. Проанализированы основные этапы учебного процесса, являющиеся, по мнению докладчика, наиболее значимыми и эффективными.

В докладе ассистента **А. В. Молодыченко** «*Научно-исследовательский аспект изучения жаргонно-разговорных средств современного русского языка (на примере курса РКИ)*» предпринята попытка ответить на вопрос: надо ли обучать жаргону? А. В. Молодыченко полагает, что задача преподавателя — показать учащимся, когда и зачем употребляются в речи жаргонизмы, чем они отличаются от нормативных слов, где, когда и кем накладывается табу на их использование.

Проблематика конференции и ее практическая направленность вызвала живой отклик у слушателей — учителей-русистов; новационные формы и способы внедрения исследовательской деятельности учащихся в учебный процесс были обсуждены педагогами с проекцией на собственный опыт работы в средней школе.

*Информацию подготовила
доцент Э. В. Минаева*

ПУТЕШЕСТВИЕ НА «ПЛАНЕТУ ТОЛЕРАНТНОСТИ»

19 ноября 2010 года на факультете иностранных языков в рамках проведения Международного дня толерантности состоялась презентация «Планета толерантности». Над организацией такого межкультурного научного диалога трудился коллектив кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий под руководством доктора филологических наук, профессора Лары Николаевны Синельниковой.

Толерантность — одно из важнейших понятий для цивилизованного мира и цивилизованного человека, а «говорить на эту тему — значит, говорить на этом языке, языке толерантности» (отметил ведущий презентации И.С. Масленников), поэтому студентам разных курсов было одинаково интересно узнать как можно больше об этой проблеме.

Согласно исследованиям, в том числе и луганских филологов, толерантность — это приоритетная составляющая поликультурного воспитания. Она предусматривает приобщение к национальным духовным ценностям, к общечеловеческим знаниям, к единению культур, формирующим мировоззрение.

Необходимость проведения подобного мероприятия очень важна и актуальна, т.к. «мы живем в век быстрого развития коммуникации, интеграции и взаимозависимости» («Декларация принципов толерантности»).

С неподдельным интересом студенты восприняли выступление видного украинского русиста доктора филологических наук, профессора Синельниковой Л.Н., которая одной из первых в наше время теоретически осмыслила филологические аспекты толерантности. В своем ярком и запоминающемся выступлении Лара Николаевна

констатировала, что «сфера ответственности за соблюдение правил толерантности, вежливости, политкорректности в современном обществе суживается, а в некоторых случаях просто перестает существовать как этически маркированная категория, поэтому очень важно предотвратить эскалацию конфликтов и других проявлений интолерантности, потенциально угрожающих всему миру».

Самое активное участие в этой презентации приняли студенты группы 3-К во главе со своим куратором И.С. Масленниковым.

Мультимедийная презентация в сочетании с включением живого диалога студентов разных стран была яркой и по форме, и по содержанию. Царил дух единения, звучала поэзия разных народов, причем китайские студенты читали стихи русских поэтов, а русские студенты представили классические образцы китайской поэзии. Видеоклип на песню «Tell me why» Деклана Гэлбрейта сменился истинно толерантной песней «Надежда», исполненной студентами из Китая, которая вызвала настоящий восторг аудитории.

Аплодисментами были встречены оптимистические слова ведущего в финале презентации: «Будущее мира за новыми поколениями. Так давайте сделаем, чтобы этот мир был полон тепла и любви! Это отчасти в наших руках! В руках каждого!».

*Информацию подготовил
ассистент И.С. Масленников*

ИНФОРМАЦИЯ О ПРЕЗЕНТАЦИИ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

18 октября 2011 г. кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий провела презентацию направлений научно-исследовательской работы преподавателей. Цель презентации – знакомство студентов с кафедральной научной школой, с аспектами научной деятельности каждого преподавателя. Студентам был показан объемный презентационный ролик, включающий сведения о направлениях научно-исследовательской работы кафедры, ее научных достижениях и перспективах, а также информацию об индивидуальной научно-исследовательской работе каждого преподавателя.

Такого рода информация повышает интерес к науке, дает возможность студентам выбрать область собственных исследовательских действий.

*Информацию подготовила
доцент Э. В. Минаева*

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Бахмач Віктор Іванович — кандидат філологічних наук, доцент кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: авторська пісня як різновид художнього усного слова, література «срібного віку».

Вернік Ольга Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: порівняльно-історичні дослідження літератури Срібного століття.

Грищенко Олена Володимирівна — аспірантка кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвокультурологія, теорія та практика перекладу.

Джинджолія Гігла Паршаванович — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: мовні зміни, пов'язані зі змінами картини світу; мова і культура; прагмастилістика; сучасний публіцистичний дискурс.

Ковальов Валерій Іванович — кандидат педагогічних наук, асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: методика викладання російської мови в сучасних умовах.

Мінаєва Елла Вікторівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: концептологія, гендерологія.

Масленников Ігор Сергійович — асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: психолінгвістика, комунікативна прагматика.

Мацько Дмитро Сергійович — кандидат педагогічних наук, доцент кафедри практики мовлення Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: мова сучасних ЗМІ.

Молодиченко Ганна Володимирівна — асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: соціолінгвістика, мова ЗМІ.

Пономарьова Тетяна Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвопоетика, когнітивна лінгвістика.

Розсоха Валентина Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвістична поетика, лінгвокультурологія, комп'ютерна лінгводидактика.

Розсоха Андрій Володимирович — аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: текстологія, іронічний дискурс, міжкультурна комунікація.

Синельникова Лара Миколаївна — доктор філологічних наук, професор, завідувача кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: проблеми лінгвістичної поетики, соціолінгвістики, лінгвокультурології, дискурсології, публік рілейшнз.

Соболєва Ірина Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства і комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: соціолінгвістика, риторика, мова ЗМІ.

Унукович Катерина Андріївна — аспірантка кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: політичний дискурс.

Червинський Петро Петрович — доктор філологічних наук, професор Сілезького університету (Польща).

Коло наукових інтересів: семасіологія, етносемантика, політичний дискурс, мова ЗМІ, лексикографія, лінгводидактика.

Чжоу Хунвей — аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвокультурологія, концептологія.

Наукове видання

ВІСНИК
Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(філологічні науки)

Відповідальний за випуск:
Розсоха В. О.

Коректори:
Мінаєва Е. В., Пономарьова Т. О.

Здано до склад. 25.10.2011 р. Підп. до друку 25.11.2011 р.
Формат 60x84 1/8. Папір офсет. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 17,21. Наклад 200 прим. Зам. № 180.

Видавець і виготовлювач
Видавництво Державного закладу
„Луганський національний університет імені Тараса Шевченка”
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.
e-mail: alma-mater@list.ru
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3459 від 09.04.2009 р.